

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО
ПЕРИОДА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1988

042(02)I

Р е д к о л л е г и я :

В.А.КУЧКИН (ответственный редактор), Б.Г.ЛИТВАК, А.П.БОГ-
ДАНОВ (бригадир)

© Институт истории СССР АН СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА В ТРУДАХ В.И.БУГАНОВА

Седьмой сборник "Исследований" выходит в год 60-летия заведующего Отделом источниковедения истории СССР дооктябрьского периода, доктора исторических наук, профессора Виктора Ивановича Буганова, основателя этого научного издания и главного редактора предшествующих выпусков*.

Большинство помещенных в сборнике работ выполнено учениками В.И.Буганова и развивает начатые им исследования важных групп и видов источников по истории феодальной России. Это — сообщения д.и.н. А.Л.Станиславского и к.и.н. А.П. Богданова о новых источниках по истории классово-борьбы в XVII в., работа к.и.н. Н.М.Рогожина о реконструкции общего состава посольских книг конца XV—начала XVIII вв., изучению разнообразных источников XVII в. посвящены статьи к.и.н. М.П.Лукичева (о житейских описках), В.Н.Козлякова (о десятиях), О.В.Новохатко (о разрядных записных книгах). Редкие источники по истории общественной мысли, идейной борьбы в феодальной России XVI—XVII вв. рассматривает к.и.н. А.И.Плигузов, к.и.н. А.Н.Медушевский и к.и.н. В.П. Козлов. Сходные по типу источники по истории Калмыкии анализирует к.и.н. Б.Э.Боваев, а по истории Белоруссии — к.и.н. Д.В.Карев. Заметка к.и.н. А.Б.Каменского рассказывает об одной интересной архивной находке. Подобным находкам посвящено немало работ его учителя. Статья к.и.н. О.В.Петровой содержит наблюдения в широко исследуемой В.И.Бугановым области историографии специальных исторических дисциплин.

* "Исследования" издаются с 1982 г. Редакция: В.И.Буганов (ответственный редактор), Б.Г.Литвак, В.А.Кучкин (в об. 1987 г. отв. ред. Б.Г.Литвак, ред. В.А.Кучкин). Бригадир А.П. Богданов (в об. 1985—87 гг. совм. с А.И.Плигузовым). В 1981 г. вышел об. "Источниковедческие исследования по истории феодальной России" под ред. В.И.Буганова.

Разумеется, оборник не ограничен работами учеников В.И. Буганова. Как и прежде, он включает оригинальные исследования по широкому диапазону научной тематики Отдела. Как всегда, уделено внимание проблемам источниковедения периода капитализма в России. Им посвящены работы Н.П. Востоковой о массовых источниках по истории реформы государственной деревни 1866 г. и Т.И. Волковой о периодической печати Ярославской губернии в годы Первой русской революции.

Как отмечалось выше, немало внимания В.И. Буганов уделял историографическим проблемам источниковедения и специальных исторических дисциплин. Общеизвестны его статьи о приемах и методах работы В.И. Ленина над различными видами источников¹. Особое внимание В.И. Буганов обратил на анализ научного творчества советских ученых — источниковедов и историков, выявляя прежде всего их вклад в развитие методики изучения источников. Исследования В.И. Буганова содержат анализ приемов работы с источниками, творческой лаборатории М.Н. Тихомирова², И.У. Будовнича³, Л.Г. Бескровного⁴, А.Н. Насонова⁵, Н.Н. Улащик⁶, А.И. Клибанова⁷, С.Н. Валка⁸, Б.А. Рыбакова⁹, М.В. Нечкиной¹⁰, В.Т. Пашуто¹¹, В.И. Корецкого¹², вскрывая в полном объеме значение их трудов.

В.И. Бугановым был подготовлен к печати не издававшийся ранее источниковедческий труд видного русского историка XIX в. И.Д. Беллева¹³. Под редакцией и с предисловием Буганова вышли в свет важные труды С.Б. Веселовского и М.Н. Тихомирова¹⁴. В.И. Бугановым подготовлены аналитические обзоры русской и советской литературы по такой фундаментальной проблеме источниковедения истории СССР периода феодализма, как изучение русского летописания¹⁵. Подробному историографическому анализу была подвергнута такая важная тема, как крестьянские и городские движения в России XIX-XIII вв.¹⁶ Исследователь изучал проблемы историографии источниковедения и отечественной истории дооктябрьского периода¹⁷, указывая на актуальные задачи источниковедческих исследований в этой области¹⁸, много внимания уделял оценке их результатов¹⁹.

Под редакцией и с вводной статьей ученого вышел ценный библиографический справочник трудов российских источниковедов XVIII в. и ряд других библиографических работ²⁰. Не обойдена вниманием автора и зарубежная историография²¹. С 1956 г. и по сей день В.И.Буганов отдает много сил рецензированной источниковедческих исследований и публикаций: более 40 работ подверглось за это время тщательному анализу в научной периодике и сборниках.

Труды крупного советского источниковеда оказывают заметное влияние на исследования по истории СССР дооктябрьского периода. Вряд ли можно сейчас найти работу, связанную с историей русской общественной мысли, летописания, социальных процессов и классовой борьбы, военного дела и политических коллизий XVI-XVII вв., а отчасти и XVIII в., автор которой не ссылаясь бы на исследования В.И.Буганова, не использовал его источниковедческие разработки и публикации. Его труды широко известны за рубежом: книги, серии статей и отдельные публикации вышли в Париже и Афинах (1965 г.), Мехико, Монтевидео и Буэнос-Айресе (1967 г.), Риме и Бухаресте (1972 г.), в Берлине (1976, 1977, 1979, 1985, 1986 гг.), Варшаве (1977), Хельсинки (1982, 1983, 1984 гг.) и Манчестере (1984 г.).

Творчество В.И.Буганова достойно глубокого осмысления, однако до настоящего времени нет не только аналитических исследований по этой теме, но даже библиографии ученого. Многочисленные рецензии и отзывы на отдельные труды, как правило, не заменяют историографических исследований. Рецензии (а их примерно около 70, в том числе 25 зарубежных) представляют большой интерес для понимания значения трудов В.И.Буганова, новизны его исследований и выводов, которые не всегда воспринимались однозначно, вызвали оживленное обсуждение и жаркие споры. Время расставляет все на свои места, и особенности научного метода исследователя немало этому способствовали. Некоторые характерные черты творчества ученого и следует выявить, что возможно, послужит началом более углубленных историографических работ.

При всем разнообразии источниковедческих интересов В.И.Буганова, в них четко выделяются два фундаментальных направления. Основные усилия ученого сосредоточены на особо важных видах источников, которые можно назвать базовыми. Первый из них — разрядные книги конца XV—XVII вв. Это замечательные источники для изучения более чем двухсотлетней социально-политической истории Русского централизованного государства. В них год за годом фиксировались важнейшие события в жизни страны, раскрываемые погодными записями о службах высшего ося светских феодалов (до приказных дьяков и московских дворян включительно). В разрядные книги включались и непосредственные рассказы о событиях по донесениям воевод и собственным наблюдениям. В этих источниках фиксировался состав командования и расположение полков по всей стране, задания полководцам и замещение воеводских должностей в уездных и пограничных городах, описывались военные действия и другие важные происшествия. Свадьбы и иные крупные события в царской семье, местнические опоры знатных лиц, их участие в дипломатических переговорах, административные назначения (особенно с введением приказной системы) также отражались в разрядных книгах.

Разумеется, столь важный источник давно и широко использовался учеными, неоднократно издавался. Но состав и история создания разрядных книг, соотношение их многочисленных списков XVI—XVIII вв. и редакций, взаимоотношение официальных и фамильных, частных редакций, заполнение разрядных книг разнообразными государственными и частными актами, даже нарративными памятниками, включавшимися тем или иным составителем в текст — словом, основные вопросы, от решения которых зависело правильное использование книг как исторического источника, оставались нерешенными. Как констатировал в 1962 г. М.Н.Тихомиров, "этот ценнейший исторический материал не только не опубликован, но почти не учтен". Надежды на изучение этого источника академик связывал с работой своего молодого ученика В.И.Буганова²².

Работу над разрядными книгами В.И.Буганов повел по

указанным М.Н.Тихомировым направлениям. Прежде всего были выявлены списки, охарактеризованы основные редакции и установлено их соотношение до начала XVII в. включительно²³. Итоги исследования были подведены в монографии 1962 г.²⁴, но ученый затем в течение многих лет продолжал исследование, расширяя их хронологические рамки на весь XVII в.²⁵. Специальные труды были посвящены источникам разрядных книг и их историко-культурному значению²⁶.

Монография уделяла внимание включенным в разрядные книги источникам, в частности, повествовательным, рассмотренным дополнительно в ряде специальных публикаций и исследований²⁷. В.И.Бугановым были намечены важные направления прикладного изучения разрядных книг для истории Государева двора²⁸, обороны границ Русского государства²⁹, Ливонской войны³⁰, освоения Сибири³¹. В контексте этих тем находятся публикации Засечной книги 1638 г.³², Боярских списков, Боярской книги 1627 г. и Росписи русского войска 1604 г.³³, осуществленных как самим В.И.Бугановым, так и его учениками. Ученым начато специальное исследование дворцовых разрядов, содержащих уникальный материал по истории царского двора XVII в.³⁴

Характерной чертой научной деятельности В.И.Буганова является тесная связь его исследования источников с их публикацией. Источниковедческие наблюдения и выводы ученый постоянно подкрепляет изданием текстов изученных им памятников, давая в руки исследователей и анализ источника, и сам его текст. В.И.Буганов подготовил к печати разрядные книги 1475-1598 гг., под его редакцией изданы книги 1559-1605 гг., 1550-1636 гг., 1497-1605 гг. и 1637/1638 г. - т.е. основной корпус этих ценных материалов³⁵.

Второй вид углубленно изучаемых В.И.Бугановым важнейших русских источников - это летописи. Работа над ними традиционно является приоритетной в источниковедении отечественной истории периода феодализма, требует высокой квалификации и большого трудолюбия. В центре этой работы, проводимой В.И.Бугановым, стоит издание Полного собрания

русских летописей, тома которого являются и ценнейшим историческим пособием, и вкладом в культурную сокровищницу нашей страны. Ученый принял участие в издании Вологодско-Пермской летописи и опубликовал исследование о ее списках³⁶, выступил составителем и редактором 31 тома ПСРЛ -- "Летописцев последней четверти XVII века"³⁷, а кроме того написал вводную статью к этому тому. Под его редакцией были опубликованы Холмогорская летопись и Двинской летописец, тома белорусско-литовских и сибирских летописей, сборник славяно-молдавских летописей XV-XVI вв., именной и географический указатели к Ипатьевской летописи³⁸.

Группа специалистов во главе с В.И.Бугановым подготовила еще ряд томов ПСРЛ, в том числе Софийскую I по списку Н.И.Царского, Воскресенскую (в 2-х томах) и Густыинскую летописи, Краткие летописцы XVI-XVII вв., работает над новым томом ПСРЛ. Проблемам издания русских летописей В.И.Буганов посвятил специальные работы³⁹. Помимо тщательного историографического обзора изучения истории русского летописания в советское время, в его статьях содержатся общие оценки достижений в этой области за последние десятилетия⁴⁰, дается опровержение мнимых открытий⁴¹.

Большая работа В.И.Буганова по выявлению, изучению и изданию летописных памятников была связана и с решением ряда исследовательских задач, прежде всего -- с изучением классовой борьбы в XVII в. Обследование архивов, рукописных отделов библиотек и музеев позволило автору значительно расширить круг известных летописных источников XVII в. со сведениями о т.н. "Смутном времени", московских восстаниях 1662 и 1682 гг., стрельцком восстании 1698 г. и др. Все эти находки были тщательно изучены, а наиболее ценные из них опубликованы⁴². Исследования В.И.Буганова убедительно подтвердили, что русское летописание не заканчивается к концу XVI в., а продолжает активно развиваться, что и во второй половине XVII в. летописные памятники не утрачивают своего значения фото-чехов по социально-политической истории государства.

Известные работы ученого по истории московских восстаний второй половины XVII в.⁴³ (впоследствии эта тема развилась в очерк истории социальной борьбы в столице XIV-XVII вв.⁴⁴) вытекали прежде всего из комплекса новых источников, выявлению и изучению которых были отданы многие годы. Еще во время работы над разрядными книгами В.И.Буганов обнаружил новый источник о московском восстании 1648 г.⁴⁵ Вскоре последовала целая серия источниковедческих исследований и публикаций о московских восстаниях 1648 и 1662 гг.⁴⁶, позволивших значительно шире и полнее, чем раньше, раскрыть сложные вопросы истории "Медного бунта"⁴⁷.

Здесь ярко проявилась характерная особенность исторических исследований ученого, не склонного считать свои работы истиной в последней инстанции, но стремящегося максимально продвинуть вперед изучение каждой из заинтересовавших его проблем, дав в руки своих последователей полный корпус документальных источников для дальнейшего углубления темы. Одновременно с изданием монографии "Московское восстание 1662 года" В.И.Буганов опубликовал сборник документов "Восстание 1662 г. в Москве" (М., 1964).

В том же 1964 г. появилась документальная публикация В.И.Буганова по новой теме — московскому восстанию 1662 г.; за ней последовала целая серия источниковедческих исследований и публикаций⁴⁸, предварительные наблюдения над восстаниями 1682 и 1698 гг.⁴⁹, обобщающая монография "Московские восстания конца XVII века" (М., 1969)⁵⁰ и два тома документов по каждому из этих движений⁵¹. В свете новых источников рассеялись пороченные в XIX в. домыслы о "Хсванщинах", "бунте преторианцев", "заговорах царевны Софьи". Восстания стрельцов и солдат, поддержанных другими слоями городского населения, предстали крупными демократическими движениями с собственными, отличными от придворных интриг целями. Не случайно отдельные попытки оспорить наблюдения и выводы В.И.Буганова и вернуть старые оценки восстаний, имевшие концепционный, слабо связанный с реальным материалом характер, не смогли перерасти в серьезную дискуссию,

для которой ученый своими документальными публикациями предоставил оппонентам все возможности. Напротив, именно углубленная источниковедческая и археографическая работа наглядно продемонстрировала бесплодность абстрактных рассуждений, не опирающихся на факты.

Сказанное не означает, что В.И. Буганов склонен избегать теоретических поисков и концепционных решений. Исследуя "реальный жизненный процесс и деятельность индивидов каждой отдельной эпохи", ученый стремится органично сочетать источниковедческие исследования и исторические построения, мыслить на основе фактов. Этот синтез хорошо выражен в большой серии трудов о крестьянских войнах в России, начатой статьями и главами о Крестьянской войне под руководством С.Т. Разина⁵², продолженной работами о Крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева⁵³ и монографией "Крестьянская война в России начала XVIII века" (М., 1976). Наряду с этими конкретно-историческими работами В.И. Буганов обратился к общим источниковедческим и историографическим вопросам изучения крестьянских войн в России⁵⁴.

На таком фундаменте ученый уже мог строить обобщения: решать вопрос об идеологии участников крестьянских войн⁵⁵, освещать эти классовые сражения в целом⁵⁶, рассматривать их в контексте народных движений периода феодализма в России и Восточной Европе⁵⁷. Какое место занимает анализ источников в казалось бы чисто исторических трудах В.И. Буганова, видно на примере написанной для самого широкого читателя книги "Пугачев", изданной в серии ЖЗЛ (М., 1984). На первый взгляд многочисленные яркие детали жизни, облика и поведения ее героев, прежде всего самого Е.И. Пугачева, кажутся плодом авторского воображения: книга наполнена разговорами и рассуждениями персонажей! В действительности в тексте нет практически ни йоты вымысла. В.И. Буганов опирается на детальное знание исторических источников, мастерски использует особенности отражения в них действительности, проводит незримую читателю огромную аналитическую и сопоставительную работу (прежде всего над оледствеными

материалами), в результате чего получается живая картина русской действительности 70-х гг. XVIII в., полнокровными становятся образы Пугачева и его сподвижников⁵⁸.

С выявлением, изучением и изданием источников связано и обращение В.И. Буганова к военной истории России. Помимо уже упомянутых исследований о Ливонской войне и Молодинской битве автором была издана переписка Геродового приказа о всеходах ливонских городов в 1577-1578 гг., описание Полоцкого взятия 1563 г. Историк изучил также события Освободительной войны украинского и белорусского народов в XVII в., дал очерк военного искусства С.Т. Разина, охарактеризовал деятельность К. Минина, писал о Полтавской битве и опубликовал материалы о военной истории начала XVII в., посвятил книгу Куликовской битве, по новому оценил события 1480 г. на Угре⁵⁹.

С использованием как опубликованных источников, так и новых архивных материалов написана книга об истории Серпухова и Серпуховского уезда в XVI-начале XVIII вв.⁶⁰ Истории города посвящена также работа В.И. Буганова о Москве XI-XVIII вв.⁶¹ В Парижской Национальной библиотеке исследователь обнаружил новые источники о текстильной промышленности Москвы, документы о Камчатке, местные акты и акты Кирилло-Белозерского монастыря XVII в., другие ценные материалы⁶², которые впоследствии изучил и издал. Интересные источники были выявлены и в Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле (ФРГ)⁶³.

В.И. Буганов активно использует иностранные источники в работах по русской истории и содействует их публикации наряду с важнейшими русскими источниками по истории внешней политики XV-XVII вв. Русского государства и сопредельных стран - посольскими книгами⁶⁴. В связи с ними нельзя не указать на интересную попытку ученого воссоздать биографию крупного русского дипломата и государственного деятеля XVII в. В.В. Голицына⁶⁵. Вкладом в изучение истории Молдавского государства XV-XVII вв. стало подготовленное В.И. Бугановым издание нескольких славяно-молдавских грамот⁶⁶.

В заключение следует отметить публикации ученого по исторической географии, филиграноведению, геральдике, архивоведению и другим специальным историческим дисциплинам⁶⁷.

- 1 Методы работы В.И.Ленина над статистическими источниками. - ВИ, 1960, № 7. С.44-58; Земская статистика крестьянского хозяйства в работах В.И.Ленина "Развитие капитализма в России". - ПИ, вып.Х, 1962. С.19-49; О некоторых приемах научного исследования статистических источников о мелкой промышленности в работах В.И.Ленина 1890-х годов. - АЕ за 1960 г., 1962. С.112-128; Про деякі методи роботи В.І.Леніна над джерелами в праці "Імперіалізм, як найвища стадія капіталізму" - Український Історичний журнал, 1964, № 4. С.87-93; Приемы работы В.И.Ленина над материалами бюджетных обследований крестьянских и кустарных хозяйств России и Германии. - АЕ за 1967 г., 1969. С.193-206; см. также обзор: Советская литература о приемах работы В.И.Ленина с источниками. - ВИ, 1970, № 9. С.129-135.
- 2 Источниковедение в трудах академика М.Н.Тихомирова (к 70-летию со дня рождения). - ПИ, вып.ХІ. С.514-523; Михаил Николаевич Тихомиров. - ИЗ, т.76, 1965. С.292-307; Памяти М.Н.Тихомирова. - ИСССР, 1965, № 5. С.217-232; М.Н.Тихомиров как исследователь русского летописания. - АЕ за 1973 г., 1974. С.173-177; М.Н.Тихомиров и отечественное летописоведение. - ЛХ за 1975 г., 1976. С.5-11; М.Н.Тихомиров в Институте истории АН СССР. - ИЗ, т.112, 1986. С.305-312 (совм. с Ю.П.Глушаковой).
- 3 Исаак Уриелович Будовниц. - ИЗ, т.74, 1963. С.286-297 (совм. с Н.В.Устюговым).
- 4 Л.Г.Бескровный. Творческий путь. - В кн.: Историческая география России XII - начала XX вв. М., 1975. С.3-14; Любомир Григорьевич Бескровный. - ИСССР, 1975, № 5. С.234-235 (совм. с А.Л.Нарочницким, Л.В.Черепниним); Л.Г.Бескровный - археограф и источниковед (к 70-летию со дня рождения). - АЕ за 1975 г., 1976. С.172-177; Л.Г.Бескровный. - ИСССР, 1981, № 5. С.150-157 (совм. с Я.Е.Водарским).
- 5 Труды А.Н.Насонова о русском летописании. - АЕ за 1974 г. 1975. С.235-240.
- 6 Н.Н.Улащик - источниковед и археограф. - ИСИ, М., 1976. С.365-374; Памяти Николая Николаевича Улащика (1906-1986). - В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР доктябрьского периода. М., 1987. С.225-228 (совм. с А.И.Плигузовым).
- 7 Проблемы реформационных движений и общественно-политической мысли России в трудах А.И.Клибанова. - ИЗ, т.98, 1977. С.257-275.

- 8 Историография отечественного источниковедения и археографии в трудах С.Н.Валка. - АЕ за 1976 г. 1977, С.302-305.
- 9 К 70-летию Бориса Александровича Рыбакова. - ИСССР, 1978, № 3. С.230-232 (совм. с Ю.В.Брслеем, А.П.Окладниковым, И.Д.Козальченко, Т.В.Николаевой); Русское летописание в трудах Б.А.Рыбакова. - ЛХ за 1984 г., 1984. С.3-12.
- 10 80-летие академика М.В.Нечкиной. - ВИ, 1981, № 2, С.115-117 (совм. с Ю.А.Поляковым, С.Л.Тихвинским, З.В.Удальцовой, В.А.Дунаевским, В.П.Наумовым).
- 11 Труды В.Т.Пашуто по истории отечественного летописания. - ЛХ за 1980 г., 1981. С.207-214; В.Т.Пашуто как источниковед. - В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1986. С.19-23.
- 12 История феодальной России в трудах В.И.Корецкого. - ИСССР, 1966, № 2. С.113-128.
- 13 "Записка" И.Д.Беляева об издании разрядных книг. - АЕ за 1969 г., 1971. С.236-241.
- 14 Ред., вступ. статья: Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978; Веселовский С.Б. Ономастикон: имена, прозвища и фамилии Древней Руси. М., 1974; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975; Веселовский С.Б. Акты писцового дела (1644-1661 гг.). М., 1977; ред., вступ. статья, комментарий: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
- 15 Русское летописание в советской историографии. - ВИ, 1966, № 12. С.143-154; Публикация летописных памятников по истории Сибири и Урала. - В кн.: Уральский археографический ежегодник за 1971 г. Свердловск, 1974. С.18-21; Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975, 344 с.; Об издании и изучении русских летописей. - Конференция по истории средневековой письменности и книги. Тезисы докладов. Ереван, 1977. С.7-8; Издание и изучение русских летописей в XIX в. - В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.327-334; и др.
- 16 Новейшая советская литература о крестьянских и городских движениях в России (XI-XVII вв.). - ВИ, 1965, № 3. С.127-139 (редактор В.И.Кириллов); Московские восстания последней четверти XVI в. в революционной и советской историографии. - ИСССР, 1966, № 2. С. 105-117; Крестьянские войны в России - итоги и перспективы исследований. - В кн.: Будущее науки. Вып.9. М., 1976. С.253-267; К изучению крестьянских войн в России. - ВИ, 1976, № 11. С. 136-142.
- 17 Изучения проблем отечественного источниковедения доок-

тябрьского периода. — В кн.: Изучение истории СССР дооктябрьского периода в советской историографии. 1980—1984 гг. Сб. статей, М., 1985. С.205—228; О некоторых проблемах историографии отечественной истории дооктябрьского периода. — В кн.: XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. С.34—40.

- 18 Основные направления исследований по источниковедению отечественной истории дооктябрьского периода. — ИСССР, 1976, № 6. С.224—227; Источниковедение и специальные исторические дисциплины (дооктябрьский период). — В кн.: Северный археографический ежегодник. Вып. IV. Сыктывкар, 1977. С.23—36; Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. — ВИ, 1977, № 3. С.3—15 (совм. с Г.А.Труханом); О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья. — ИСССР, 1979, № I. С.117—131 (совм. с А.А.Зиминим); XXVI съезд КПСС и актуальные задачи изучения отечественной истории. — В кн.: Изучение отечественной истории между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С.3—48 (совм. с С.С.Хромовым, В.П.Шерстобитовым).
- 19 Развитие источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода в 1970—1975 гг. — В кн.: Советская историческая наука от XXIV к XXV съезду КПСС. Дооктябрьский период. М., 1978. С.209—220; Источниковедческие исследования по отечественной истории. — В кн.: Изучение отечественной истории между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С.564—580; Исследование отечественной истории на современном этапе. — ВИ, 1982, № 3. С.3—16 (совм. с Г.А.Труханом).
- 20 Ред., вступ. статья: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в ХУШ в. М., 1981; Предводители крестьянских войн ХУП—ХУШ вв. Библиографический указатель. М., 1979; и др.
- 21 Куликовская битва 1380 г. и ее освещение в новейшей зарубежной историографии. — В кн.: Современная зарубежная историография Куликовской битвы (1380—1980). М., 1979. С.5—35; Важный вклад в изучение славянских культур (О деятельности и изданиях Международной ассоциации и Советского комитета по изучению и распространению славянских культур) — ИСССР, 1984, № 2. С.198—205; Американские историки о социальной психологии русского крестьянства периода феодализма. — ИСССР, 1986, № 5. С.205—210 (совм. с А.Н.Медушевским); ред., вступ. статья: Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.
- 22 Тихомирся М.Н. Источниковедение истории СССР. Вып. I. С древнейшего времени до конца ХУШ века. М., 1962. С.240.
- 23 Обзор списков разрядных книг последней четверти ХУ — на-

- чала ХУП вв. - ПИ, вып.УІ, 1958. С.152-219; Сокращенная редакция разрядных книг 1559-1605 гг. - АЕ за 1957 г., 1958. С.88-101; Разрядная книга Д.М.Пожарского. - Записки ОР ГБЛ, вып.20, 1958. С.90-101; Разрядные книги последней четверти ХУ - первой половины ХУП вв. Уч. пособие. М., 1959. 98 с.; "Государев разряд" первой половины ХУП в. - ПИ, вып.УІІІ. С.361-371; Сокращенная редакция разрядных книг 1550-1636 гг. - ПИ, вып.ІХ, 1961. С.270-279; Редакция "Государева разряда" 1585 г. - В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма. М., 1961. С.242-246; "Государев разряд" 1584 г. по списку БАН. - Труды БАН СССР и ФБОИ АН СССР, т.У, 1961. С.167-174.
- 24 Разрядные книги последней четверти ХУ - начала ХУП вв. М., 1962. 263 с.
- 25 Описание списков разрядных книг ХУП в. - АЕ за 1972 г., 1974. С.276-282; "Книги разрядные" ("Подлинники") 1613-1636 гг. - ИЗ, т.97, 1976. С.290-303; Новый список разрядной книги ("подлинника") 1637/38 г. (в фондах Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина). - Записки ОР ГБЛ, вып.45, 1986. С.5-10.
- 26 Источники разрядных книг последней четверти ХУ - начала ХУП вв. - ИЗ, т.76, 1965. С.216-229; Разрядные книги как памятник русской культуры. - ВИМК, 1959, № 6. С.105-111.
- 27 Сказание о смерти Федора Ивановича и воцарении Б.Годунова (записи в разрядной книге). - Записки ОР ГБЛ, вып.19, 1957. С.167-186; Документы о сражении при Молодях в 1572 г. - ИА, 1959, № 4. С.166-183; Повесть о поезде над крымскими татарами в 1572 г. - Хрестоматия по истории СССР ХУІ-ХУП вв. М., 1962, С.448-454; то же - АЕ за 1961 г., 1962. С.259-275; ср. Преславная победа. - ВИ, 1972, № 8. С.215-218 (совм. с Г.Д.Бурдеем).
- 28 "Государев разряд" 1556 г. и реформы 50-х гг. ХУІ в. - ИСССР, 1957, № 5. С.220-231; К изучению состава "Государева двора" ХУІ в. - В кн.: Общество и государство в феодальной России. М., 1975. С.55-61.
- 29 Грамота ливенскому воеводе О.И.Полеву (из истории организации сторожевой и станичной служб на юге России в конце ХУІ в.). - Записки ОР ГБЛ, вып.20, 1959. С.177-185; Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце ХУ - первой трети ХУП вв. - ИОИ за 1979 г., 1979. С.206-218.
- 30 Документы о Ливонской войне. - АЕ за 1960 г. 1962., С. 264-272; К вопросу о русском феодальном землевладении в Прибалтике в годы Ливонской войны. - Тезисы докладов и сообщений 7 (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1964 г.). Кишинев, 1964,

С.53-55; ср.: Материалы ЦГАДА как источник по истории управления Прибалтикой в годы Ливонской войны. - АЕ за 1968 г., 1970. С.349-353.

- 31 Описание похода на Кторскую землю в 1499-1500 гг. - В кн.: Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М., 1960. С.599-600; ср.: Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке. - Ученые записки Казанского пед. ин-та, вып.50, кафедра истории СССР. Сб.2, Казань, 1967. С.3-13 (совм. с А.А.Зиминим).
- 32 Засечная книга 1638 г. - Записки ОР ГБЛ, вып.23. 1960. С. 181-253.
- 33 Ред., вступ.статья: Боярские списки последней четверти ХVI - начала ХVII вв. и Роспись русского войска 1604 г. Ч.1-2, М., 1979. 341+185 с.; Боярская книга 1627 г. М., 1985. 206 с.
- 34 "Дворцовые разряды" первой половины ХVII в. - АЕ за 1975 г., 1976. С.252-258.
- 35 Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. 614 с.; Разрядная книга 1598-1638 гг. М., 1971. 398 с.; ред., вступ.статья: Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1971. 436 с.; Разрядная книга 1550-1636 гг. Т.1. М., 1975. 331 с.; Т.П, вып.1-2, М., 1976. 492 с.; Разрядная книга 1475-1605 гг. Т.1, вып. 1-2, М., 1977. 406 с.; вып.3, М., 1978. 203 с.; Т.П, вып. 1, М., 1981. 220 с.; вып.2-3, М., 1982. 440 с.; Т.Ш, вып. 1, М., 1984. 232 с.; вып.2, М., 1987. 236 с.; Разрядная книга 1636/37 гг. М., 1983. 187 с.
- 36 Вологодско-Пермская летопись. - ПСРЛ, т.26, М., 1959. 413 с. (совм. с М.Н.Тихомировым, Т.Н.Протасьевой, М.В.Шепкиной); О списках Вологодско-Пермской летописи. - В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н.Тихомирова. М., 1963. С.158-165.
- 37 Летописцы последней четверти ХVII века. - ПСРЛ, т.31, М., 1968. 263 с.
- 36 Холмогорская летопись. Двинской летописец. - ПСРЛ, т.33, М.-Л., 1977. 250 с.; Белорусско-литовские летописи. - ПСРЛ, т.35, М., 1980. 306 с.; Сибирские летописи. - ПСРЛ, т.36, М., 1987; Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. Сборник. М., 1976. 152 с.; Именной и географический указатели к Ипатьевской летописи. М., 1975. 112 с.
- 39 О некоторых вопросах издания русских летописей. - Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей. Тбилиси. 3-5 ноября 1969 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1969. С.5-6; Об изданиях русских летописей. - АЕ за

1971 г. М., 1972. С.17-23; Описание и факсимильное издание русских летописей. - Всесоюзная научная конференция "Проблемы научного описания и факсимильного издания памятников письменности". Тезисы докладов. Л.С.10-11.

- 40 Новое о русских летописях. - ПИИ, 1974, № 6. С.18-26; Русские летописи. - ВИ, 1984, № 6. С.77-91; ред., послесловие: Коретский В.И. История русского летописания второй половины XVII - начала XVIII в. М., 1986. 270 с.
- 41 Мнения древнейшая летопись. - ВИ, 1977, № 6. С.202-205 (совм. с Б.А.Рыбаковым, Л.П.Жуковской).
- 42 Описание Московского восстания 1662 г., отрывки из Повести с Московском восстании 1682 г. - Хрестоматия истории СССР XVI-XVII вв. М., 1962. С.448-454, 471; Летописные известия о Московском восстании 1682 г. - В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С.310-319; Повесть о Московском восстании 1682 года. - В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С.317-354; Наиболее известный Московский летописей XVII в. из Музейного собрания. - Записки ОР ИБЛ, т.32, М., 1971. С.127-167; Летописные заметки о Московских восстаниях второй половины XVII в. - ЛХ, М., 1974. С.338-346; "Повесть како отомсти" - памятник ранней публицистики "Смутного времени". - ТОДРЛ, т.28, Л., 1974. С.231-254 (совм. с В.И.Коретским, А.Д.Станиславским); Краткий московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея. - ЛХ, М., 1976. С.283-293.
- 43 Московское восстание 1662 года. М., 1964. 136 с.: Московские восстания конца XVII века. М., 1969. 440 с.
- 44 Страницы летописи Москвы. Народные восстания XIV-XVII вв. М., 1986. 206 с.; см. также: Городские восстания в Русской XVII в. и коммунальные движения в Западной Европе. - В кн.: К вопросу о смене социально-экономических формаций и типах социальных революций. Уч. пособие. М., 1975. С. 24-48.
- 45 Описание Московского восстания 1648 г. в Архивном сборнике. - ИА, 1957, № 4. С.227-230.
- 46 Новые источники о Московском восстании 25 июня 1662 г. - ПИ, вып.УП, 1959. С.348-356; Следствие о Московском восстании 1662 г. - ИЗ, т.65, 1959. С.278-302; Записки современника о московских восстаниях 1648 и 1662 гг. - АЕ за 1953 г. М., 1960. С.98-113; Новые материалы о московских восстаниях XVII в. - ИА, 1961, № 1. С.144-153 (совм. с В.А.Кучкиным); Новый документ о ссылке участников "Медного бунта" 1662 г. - ИА, 1962, № 4. С.233-234.

- 47 К вопросу о Московском восстании 1662 г. - ВИ, 1959, № 5. С.160-175; О социальном составе участников Московского восстания 1662 г. - ИЗ, т.66. С.312-317; Кто был главным предводителем "Медного бунта" 1662 года в Москве? - ВИ, 1965, № 3. С.209-211; Московские бунтари 1662 г. - Прометей. Историко-биографический альманах. Т.5, М., 1968. С.157-158.
- 48 Помимо уже упоминавшихся работ о летописных источниках см.: Новый источник о Московском восстании 1682 г. - Труды ЛОИИ, вып.7, Л., 1964. С.318-324; Источниковедческий анализ документов о Московском восстании 1682 года. - ВА, 1965, № 1. С.52-55; Новый источник о волнениях крестьян Ростовского уезда в 1682 г. - Труды ЛОИИ, вып. 9, Л., 1967. С.329-332; Документы о Московском восстании 1682 года. - СА, 1968, № 5. С.60-65.
- 49 К истории Московского восстания 1682 г. - В кн.: Города феодальной России. М., 1968. С.319-327; Из истории Московского восстания 1682 г. - В кн.: Славяне и Русь. М., 1968. С. 261-265; Стрелецкое восстание 1698 г. и начало ликвидации стрелецкого войска. - В кн.: Вопросы военной истории России. XVII и первая половина XIX вв. М., 1969. с.45-53.
- 50 См. также: Об оценке Московского восстания 1682 г. (по поводу рецензии Н.И.Павленко). - ИСССР, 1973, № 2. С.236-244.
- 51 Восстание 1682 г. в Москве. Сб. документов. М., 1976. 348 с.; Восстание московских стрельцов 1698 г. М., 1980. 326 с.
- 52 Крестьянская война под предводительством С.Т.Разина. - В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т.Ш, М., 1967. Гл.V. С.84-98; О некоторых вопросах истории Второй Крестьянской войны в России. - ВИ, 1968, № 7. С.36-51 (совм. с Е.В.Чистяковой); Степан Тимофеевич Разин. - ИСССР, 1971, № 2. С.62-74; Степан Тимофеевич Разин. - В кн.: История. Научно-популярные очерки. М., 1985; Прокламации С.Т.Разина и его сподвижников. - В кн.: Крестьянские войны в России XVII - XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С.297-306; О "повстанческом архиве" главного войска С.Т.Разина. - СА, 1975, № 5. С.82-89.
- 53 Крестьянская война в 1773-1775 гг. - крупнейшее событие классовой борьбы XVIII в. - В кн.: Участие народов в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Тезисы докл. на Всесоюзной научной конференции. Уфа, 3-5 июня 1974 г. Уфа, 1974. С. 3-6; Крестьянская война 1773-1775 гг. под предводительством Е.И.Пугачева. Конференция в Москве, Оренбурге и Уральске. - ВАН, 1974, № 2. С.176-180; Советская историография Крестьянской войны под председательством Е.И.Пугачева. - ВАН, 1974, № 9. С.75-85; Крестьянская война 1773-1775 гг. и ее место в освободительном движении наро-

- дов России.- Вестник НИИ языка, литературы и истории при Совете министров Калмыцкой АССР. 1974, № II. С.96-112; К вопросу о географии Второй Крестьянской войны.- 3 кн.: Историческая география России XII -начала XX вв. М., 1975, С.97-103; ред., вступ статья: Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И.Пугачева. Источниковедческое исследование. М., 1980. 280 с.; ср.: подгот. публ., прим.сост.: Документы о восстании крестьян Николо-Угрешского монастыря в 1756 г. - В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. IX, М., 1980. С.255-275 (совм. с С.М. Троицким).
- 54 Об источниковедческом анализе документов по истории крестьянских войн в России ХУП в. - Тезисы докл. и сообщ. 14 сессии Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы (Гродно, сентябрь 1972 г.). М., 1972, вып. I. С.81-83; Итоги и задачи изучения Крестьянских войн в России.- В кн.: Народы в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Уфа, 1977. С.3-17; и др. (см. выше).
- 55 Об идеологии Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России.- Научная конференция, посв. 200-летию Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е.И.Пугачева. Оренбург, 15-16 октября 1973 г. Тезисы докл. Оренбург, 1973. С.10-12; Об идеологии участников крестьянских войн в России.- ВИ, 1974, № I. С.44-60; Об идеологии участников Крестьянской войны 1773-1775 гг. - Всесоюзная научная конференция, посвященная 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Челябинск, октябрь 1973 г. Челябинск, 1976. С.35-50.
- 56 Крестьянские войны в России ХУП-ХУШ вв. М., 1976. 223 с.; О некоторых вопросах истории крестьянских войн в России.- ИАН Казахской ССР. Серия общественных наук. 1975, № 6. С. 44-50; Крестьянские движения в феодальной России. - Доклад на Международной комиссии по славяноведению XV Международного конгресса исторических наук. Букарест, II августа 1980 г. М., 1980. С.366; Der Klassenkampf in Russland in der Epoche der Bauernkrieg im 17 und 18 Jahrhundert.- Klassencamp und revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Berlin, 1977.
- 57 Крестьянские войны - высший этап в истории классовой борьбы в России периода феодализма. 15 сессии Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы. Вологда, сентябрь 1974 г. Вологда, 1974. С.79-82; Эволюция феодализма в России. Социально-экономическое развитие. IX в. - 1861 г. М., 1980. 342 с. (совм. с А.А.Гребраженским, Ю.А.Тихоновым); Очерки истории классовой борьбы в России XI-ХУШ вв. М., 1986. 237 с.; Bauernaufstände und Bauernkrieg in Ost- und Westeuropa in der Feudalzeit.- Jahrbuch für Geschichte der Sozialistischen Länder Europas. Berlin,

1977, Bd. 21, N 2; Walka Klasowa chłopow v Rosji od XI-XVIII w. - Kwartalnik Historyczny, 1977, N 4; Sozialstruktur und Klassenkampf der Bauern im feudalen Russland (9 bis 16 Jahrhundert). - Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, 1980, N 1.

- 58 Следует отметить, что помимо опыта работы с источниками по истории классовой борьбы ученые мог использовать здесь и свои знания, связанные с исследованиями политического сыска XVIII в. См.: Слово и дело государево. - ВИ, 1966, № 3. С. 215-218 (псевдоним: В.И. Марьин); В преображенских застенках. - ВИ, 1966, № 5. С. 216-218 (псевдоним: В.И. Домов); Тайная канцелярия XVIII в. - ВИ, 1967, № 12. С. 205-209 (псевдоним: В.И. Кириллов).
- 59 Переписка Геродового приказа с воеводами ливонских городов в 1577-1578 годах. - АЕ за 1964 г. 1965. С. 238-251; "Взятие польское Литовские земли" - описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания. - Записки ОР ИБД, вып. 31, М., 1969. С. 213-224; Освободительная борьба украинского и белорусского народов в середине XVII в. против иноземного угнетения: Воссоединение с Россией. - В кн.: Страницы боевого прошлого. М., 1968. С. 56-72; Борьба русского народа с интервенцией польско-литовских и шведских феодалов в начале XVII в. Национально-освободительная борьба украинского и белорусского народов в 1648-1654 гг. - В кн.: Страницы боевого прошлого народов нашей страны (IX-XIX вв.). М., 1972. С. 69-70, 88-99 (публикация); Военное искусство в походах С.Т. Разина. - ВИИ, 1973, № 12. С. 80-86; ред., послесловие: Бахревский В. Гетман Войска Запорожского. М., 1984. 271 с.; "Выборный человек всею землей" Кузьма Минин. - ВИ, 1981, № 9. С. 90-102; Куликовская битва. М., 1985, 2-е изд. II 2с.; Героические страницы боевого прошлого. - Памятники отечества. 1985, № 1. С. 39-49; послесловие: Митяев А. Ветры Куликова поля. Рассказы о воинской доблести предков. М., 1986, 2-е изд. 318 с. и др.
- 60 Из истории русского города XVI - начала XVII вв. Сарпухов и его округа, Саратов, 1981. 80 с. (совм. с Г.Д. Бурдеем, В.И. Корытким).
- 61 Moskau vom 12 bis zum beginnenden 18 Jh. - Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1979, Bd. 23, N 2.
- 62 Русские документы конца XV - XVII вв. в хранилищах Парижа. - ВИ, 1979, № 3. С. 137-141; Акты Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. в Парижской Национальной библиотеке. - СА, 1979, № 4. С. 34-43; Поместные акты XVII в. в Парижской Национальной библиотеке. - СА, 1981, № 3. С. 47-52; Два документа о Камчатке 60-х годов XVII в. из Парижской Национальной библиотеки. - СА, 1981, № 4. С. 77-78; Малованная гра-

мота 1736 г. из Парижской Национальной библиотеки - источник по истории Московской текстильной промышленности XVIII в. - АЕ за 1979 г., 1981. С.315-317.

- 63 Русские рукописи библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле (ФРГ). - СА, 1983, № 2. С.24-30.
- 64 Ред.: Реляция Петра Петрея о России начала ХУП в. М., 1976. 127 с.; Россия начала ХУП в.: Записки капитана Маржерета. М., 1982. 255 с.; ред., вступ. статья: Посольская книга по связям России с Англией 1613-1614 гг. М., 1979. 244 с.; Посольская книга по связям России с Ногайской ордой, 1489-1508 гг. М., 1984. 100 с.; и др., *треч и др.*
- 65 "Канцлер" предпетровской поры. - ВИ, 1971, № 10. С.144-156; это исследование находится в контексте изучения политической истории России накануне и в начале петровских преобразований, см.: Накануне преобразований. - В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967, т. III, гл. VI, § 1-3, с. 114-127 (совм. с А.А. Преображенским).
- 66 Славяно-молдавские грамоты конца XV - первой четверти ХУП вв. - ИОИ за 1981 г. М., 1982. С.272-279.
- 67 Документальные богатства государственных архивов СССР и их значение для развития советской исторической науки. - СА, 1978, № 3. С.35-42; Сокровищница документов прошлого. М., 1986. 355 с. (совм. с М.И. Автократовой, А.П. Богдановым, М.П. Лукичевым, Н.М. Рогским); Предисловие. - В кн.: Историческая география России XII - начала XX вв. М., 1975. С.1-2; ред., вступ. статья: Водяные знаки рукописей России ХУП в.: По материалам Отдела рукописей ИМЛ. М., 1980. 174 с.; Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. М., 1985. 176 с.

В Примечаниях отмечено немногим менее половины печатных трудов В.И. Буганова. Не отражена обширная редакторская работа ученого (за исключением нескольких случаев, когда им написаны имеющие самостоятельное значение предисловия). Обойден вниманием ряд статей и научно-популярных работ. Недостаток места вынудил полностью отказаться от отражения в Примечаниях рецензий и публикаций в газетах по отмеченным темам, являющимся любопытным источником для изучения развития научной мысли. Надеюсь, что будущие исследователи смогут привлечь материал более полно.

А.П. Богданов

К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ
 КОНЦА ХУ - НАЧАЛА ХУШ ВВ.

В настоящее время в 24 фондах ЦГАДА хранится более 760 посольских книг. В действительности их могло быть значительно больше. Определенная часть этих книг была утрачена во время стихийных бедствий (пожары Москвы 1571, 1626, 1702 гг.), события "Смутного времени", война 1812 г., некоторые пришли в ветхость и пропали. Какое-то количество книг различными путями попали в другие архивохранилища. Чтобы воссоздать относительно полный количественный состав посольских книг, созданных на протяжении более 200 лет, необходимо иметь представление о наиболее значительных их утратах. Особенно важно определить, какие комплексы книг по сношениям с той или иной страной, народами исчезли целиком.

Реконструкция количественного состава посольских книг осуществляется путем сопоставления сохранившихся книг с Описью Царского архива¹, а также с описями архива Посольского приказа 1614², 1626³ и 1673 гг.⁴ Возможность подобного метода была показана автором на примере реконструкции посольской документации начала ХУП в.⁵

Прежде всего остановимся на комплексах посольских книг, исчезнувших полностью. Не сохранились книги о взаимоотношениях Российского государства с Астраханским ханством⁶. В Описи Царского архива зафиксированы "Книги астраханские" 1508-1517 и 1521-1534 гг.⁷ Утрачены "Книги тюменские" по сношениям с Тюменским ханством, которое в середине ХУ в. находилось в степях нижнего течения р. Терек⁸. Известно, что летом 1551 г. к Ивану IV прибыл тюменский князь Бибарс Растов, в декабре 1556 г. привезали тюменские послы "о миру и торговле"⁹, в октябре 1558 г. тюменский князь просил царя, чтоб он их "держал в своем имени"¹⁰ и вслед за этим присылал послов в 1559 и 1560 гг.¹¹ Исчезли "тетради гиеские" о взаимоотношениях России с

Крымом времен правления дома Гиреев¹². Не сохранился значительный комплекс посольских книг по связям с Казанским ханством. В ногайской посольской книге под 1501 г. есть упоминание о "казанских тетратех"¹³. Казанские книги 1518 г. содержали материалы о приезде посла Шахбердея от казанского царя Магмет-Аминя и об ответном посольстве И.Ф.Наумова¹⁴. Книги 1524 г. содержали информацию о том, как великий князь Василий Иванович пожаловал "Сафа-Карей царя и всех казанцев и мир сстался"¹⁵. Ссылки Василия III с царем Сафа-Гиреем до 1531 г. были зафиксированы в "книгах казанских" "с лета 7032 по 39-й год"¹⁶. Существовали также "5 тетратей" о связях Ивана IV с казанским ханом Шиш-Алеем с 1552 по 1564 г. и дипломатических отношениях царей Федора Ивановича и Михаила Федоровича с касимовским ханом Арсланом Али (1585-1614 гг.)¹⁷.

За десять лет с 1558 по 1567 гг., по подсчетам Е.Н. Кушевой, русские послы шесть раз отправлялись к кабардинскому князю Темрюку Айдаровичу в ответ на его посольство 1557 г. с просьбой о принятии "в холопство"¹⁸. Русско-кабардинские отношения стали особенно близкими после брака Ивана IV с Марией Темрюковной в августе 1561 г., однако о них сохранилось только упоминание: "посылки черкаские ко князю Темрюку; и книги писаны в тетратех, от лета 7070-го до лета 7072-го"¹⁹.

В 1555 г. к Ивану IV прибыли послы "от сибирского князя Едигера и ото всей земли Сибирской" с челобитьем "чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя". Послы Едигера приезжали в Москву в ноябре 1556, 1557, 1558, а также в сентябре 1563 г.²⁰ Материалы этих посольств составляли содержание утраченных "сибирских книг", которые, вероятно, датировались 1555-1563 гг.²¹

Отдельный комплекс представляли "книги цесаревых послов и францовского магистра Вульфьянковых послов отписки",²² относительно освобождения из русского плена магистра Ливонского ордена Вильгельма Фюрстенберга. Датировались эти книги 1562-1566 гг.²³

В начале ХУП в. существовали также книги "шамохейские" с материалами посольств "шамохейских князей с великим князем Иваном и великим князем Васильем"²⁴. Известно, например, посольство "о любви",²⁵ прибывшее от Махмуд-салтана из Шемахи в марте 1499 г., упоминаются и "тетради шемахейские" без даты²⁶. В ноябре 1563 г. к Ивану IV из Шемахи от Абдулы, царя шемахейского, присыли послы Коземак, Судолой и Араслан-ага²⁷.

Этим исчерпывается информация о комплексах посольских книг, полностью исчезнувших. Далее речь пойдет о сохранившихся посольских книгах, полнота количественного состава которых устанавливается по материалам вышеуказанных описей.

По фонду сношений России с Австрией и Германской империей до наших дней сохранилось 49 книг с 1488 по 1698 гг. Существовала еще более ранняя посольская книга "лета 6993-го году по летс 7035-й год" с материалами посольств: М. и Д. Ралевых; М. Карачарова; гонца Н. Герасимова; посла И. Скаренского; посла Е. Трусова и Ш. Лодыгина²⁸. Наиболее значительные хронологические лакуны приходятся на периоды с 1519 по 1575 гг. и с 1599 по 1654 гг. Первому из них в описях соответствуют: "книги цесарские 7030-го по 39-й год"²⁹; список посольства 1542 г. М. Квашнина и Ш. Булгаксва к королю Фердинанду³⁰; посольские книги 1571-1576 гг. с материалами миссий В. Изенбурга, П. Магнуса, К. Скобельцына, Ю. Крамера, Вестфалья, Н. Ушакова, Г. Глазау и др. По второму периоду упоминаются только семь тетрадей статейного списка дьяка А. Власьева (1605 г.) и тетради с наказом С. Ушакову и дьяку С. Заборовскому посольства 1613-1614 гг.³¹

Книги "английские" сохранились только с 1581 г. О существовании более ранних книг известно в связи с упоминанием посольств О. Г. Непен (1556-1557 гг.), С. Твердикова (1567 г.), И. Афанасьева и Т. Смьвалова (1567 г.)³².

По связям Посольского приказа с греческим православным духовенством и монастырями до нас дошло 12 книг, с определенными пробелами отражающие события 1509-1694 гг.

Наибольшая хронологическая лакуна приходится на период 1594-1627 гг. В описи 1614 г. упоминаются "книги греческие 106-го году по 112 год"³³, которых уже нет в описи 1626 г., однако в последней указаны "тетради" за 1594-1597 гг., в которых речь идет о пожалованиях в пользу православных монастырей, сделанных царем Федором Ивановичем по ходатайству прибывших в Москву греческих старцев³⁴.

По сношениям России с Данией сохранилось 24 посольские книги с 1559 по 1638 гг. Имеются сведения о существовании более ранних книг с "лета 7001-го по 7009-й"³⁵ (1493-1501 гг.) и "7014 по 7028"³⁶ (1506-1520 гг.). В описи 1626 г. упоминаются также "тетради з дацких книг 93-го году" о приезде в 1585 г. датских гонцов Ю. Индрикова и Дек фон Юстра и отправлении гонца Г. Салмакова³⁷.

В настоящее время существует пять посольских книг по связям России с Молдавией и Валахией с 1643 по 1691 гг. В начале XVII в. в архиве Посольского приказа хранились более ранние "книги волоские с лета 6990-го по 7080-го"³⁸ (1482-1572 гг.), в описях же указываются "волошские тетради" 1502 г. и книги 1503 г.³⁹

За период с 1516 по 1689 гг. сохранилось шесть посольских книг по связям России с Тевтонским орденом и Пруссией. Наибольшая хронологическая лакуна относится ко времени с 1520 по 1650 гг. За этот период в описях отмечены "пруские книги" 1517-1521 гг.⁴⁰, а в описи 1673 г. упомянута также тетрадь, где содержатся данные о поездке стольника А. Нестерова к курфюрсту бранденбургскому в 1658 г.⁴¹

В дополнение к двум существующим посольским книгам по связям России с римской курией за 1576-1606 гг. опись 1614 г. указывает на "книги папы римского" 1523-1534 гг. с материалами посольства Пиоло Честурионе (1525 г.) и ответной миссии Д. Герасимова в том же году⁴².

В настоящее время сохранилось 256 посольских книг, отражающих русско-польско-литовские отношения с 1487 по 1701 гг. В 1612 г. некоторая часть этих книг была увезена в Польшу. По сохраниению 1635 г. книга за 1487-1500 гг. была воз-

вращена. Посольские же книги за 1505-1514, 1538-1541 гг. утрачены, а за 1517-1533 и 1533-1538 гг. дошли до нас в составе Литовской метрики⁴³. Согласно описи, в архиве Посольского приказа в 1614 г. среди литовских книг хранились: "Книги с лета 7053-го по 57-й год" с материалами дипломатических миссий: Я.Комаевского, В.Г.Захарова; Я.Войтехова; С.Богданова; К.Порошина; М.Якубова; кн. Д.И.Булгакова; И.Тетерина (1545-1549 гг.)⁴⁴; "Книга литовская, а в ней посольство литовского посла Лва Сспеги... во 109-м году; да приезд в Литву конца Яна Порадомского"⁴⁵. До настоящего времени эти книги не сохранились. Утрачены также "книги в тетратех и мелкая рознь со 113-го году по 113-й (1605-1610 гг.)"⁴⁶.

В ЦГАДА хранятся 28 турецких посольских книг с 1512 по 1699 гг. Имеются сведения об утраченных тетрадях 1615 года посольства И.Одадунова и восьми тетрадях Ф.Лызлова, которые содержат записи расходов во время сопровождения им турецких послов из Воронежа до Москвы⁴⁷.

По связям России с Швецией сохранилось 129 книг с 1555 по 1699 гг. В начале XVII в. существовали также "Книги свейские с лета 6996-го по 7045-й год" (1488-1536 гг.). В них содержались материалы посольств: Горвида; Н.Дивигонта; А.Акинсона и О.Речихи; Ф.Водникова и И.Кореленина; И.Репьева; Кростора; С.Замыцкого и Ш.Мякинина; Г.Петрова; А.Герикова и магистра Павла; И.Флямина; С.Тыртова; Г.Лаврова; Е.Трусова; И.Андреева⁴⁸. Согласно описи, в 1626 г. имелись в наличии также "Книги свейские 57-го и 58-го и 59-го годов"⁴⁹; "16 тетратей" посольства В.Сукина и дьяка П.Дмитриева в Швецию в 1600 г.⁵⁰; "12 тетратей посольского съезда", во время которого С.Жеребцов "с товарищи... меж Новгородского и Ладожского и Гдовского уездов и Сумерские волости межевали с свейскими послы"⁵¹.

Посольские книги дипломатических отношений России с Бухарским ханством существуют только за период с 1669 по 1743 г. Всего имеется семь книг. Согласно Списи Царского архива, в XVII в. существовали более ранние документы о сно-

нениях с Бухарой с 1549 по 1551 г.: это — "татраты бухарские с лета 7057-го до лета 7059-го"⁵². О сношениях с бухарскими ханами во второй половине XVI в. повествовали также "100 тетратей бухарского посольства, 84-го году" (1576 г.) и "9 тетратей бухарсково ж посольства... з 92-го году по 97-й год" (1584-1589 гг.)⁵³. В описи 1646 г. эти материалы не упоминаются, а в описи 1673 г. зафиксировано только 10 тетрадей 1576 г. и раскрыто их содержание: приезд к царю Ивану IV посла Баальзыт Шиха от бухарского хана Абдулы⁵⁴. Дело в том, что когда после майского пожара 1626 г. переписывали архив, некоторые документы, отмеченные в описи 1614 г., но не вошедшие в опись 1626 г., находились в другом хранилище⁵⁵.

Хранящиеся в ЦГАДА шестнадцать иверских посольских книг (т.е. по связям России с Грузией) охватывают период с 1586 по 1700 г. О более ранних документах имеется свидетельство в Описи Царского архива: "тетради... иверские"⁵⁶. К этому можно добавить, что зимой 1491 г. в Москву от грузинского царя Александра (1476-1511 гг.) прибыл посол Мурат⁵⁷, в ноябре 1564 г. из Москвы вместе с послом грузинского князя Леона Яковом отправились святогорские старцы⁵⁸, в июле 1577 г. "иверский князь и вся земля Иверскя... государю били челом"⁵⁹. Среди книг XVII в. недостает также "8 тетратей" статейного списка посланника Бахтеяра Мякинина и дьяка Якова Ушакова (1660 г.)⁶⁰.

По связям России с Крымом имеется 82 книги с 1474 по 1696 г. Не сохранились книги за период с 1540 по 1544 гг. и с 1549 по 1562 гг.⁶¹ В отсутствующих книгах отражались следующие события: возвращение из Крыма посла кн. Александра Васильевича Кашина-Оболенского (1542 г.)⁶²; миссия в Крым Ф.Вокшерина и Г.Тыртова; приезд конца Оксемтина⁶³; отправление гонца Тагандя мурзы и посла В.П.Борисова; приезд посла Сулемши; отправление гонца Н.Мясного (1542-1543 гг.); отправление в Крым и возвращение Аф.Шубина; приезд Н.Козаринова и крымского конца Баима (1549-1550 гг.); возвращение из Крыма А.Щепотева, Ф.Загряжского и приезд посла Ша-

хманскр-улана (1550-1551 гг.). В 1553 г. в Москву приезжал крымский гонец Акиччей, отпущенный обратно 24 июня того же года. С ним отправился "прежний" крымский посол Магмеджар и русский гонец С.Тутаев, а 29 июня в Крым был направлен гонец Ф.Д.Загряжский⁶⁴. В сентябре 1553 г. в столицу прибыли из Крыма С.Тутаев и гонец Талышман⁶⁵. В апреле 1554 г. от Загряжского приезжал гонец Б.Туишев, а в октябре 1555 г. он прибыл вновь, но уже от крымского царя Кучемжа⁶⁶. В ноябре в Крым был отправлен Ю.Мокшор, вернулся он в декабре 1556 г. вместе с крымским гонцом⁶⁷.

По сношениям России с Ногайской Ордой сохранилось 12 книг с 1489 по 1659 гг. В 1614 г., согласно описи, существовали также "книга ногайская 7031-го по 42-й год" с дипломатическими материалами, относящимися к периоду княжения в Ногайской Орде мурзы Мамай⁶⁸; "книги с лета 7079-го по лето 7084-го" дипломатических сношений царя Ивана IV с ногайским князем Тинехматом (1571-1576 гг.); "книги ногайские с лета 7091-го по 93-й год" (1583-1585 гг.), о содержании которых сведений не сохранилось⁶⁹.

Подводя итоги, можно констатировать, что не сохранились наиболее ранние комплексы посольских книг по взаимоотношениям Российского государства с Астраханским, Тюменским, Казанским и Крымским ханствами, Кабардой, Шемахой и Сибирью, относящиеся к концу XV - середине XVI вв.

Что касается сохранившихся комплексов посольских книг, то в большинстве случаев отсутствующие в них книги упоминаются во множественном числе. Иногда же они фигурируют как заготовка будущей книги - "тетрати". Поэтому трудно определить, сколько конкретно книг утрачено по каждой стране. Однако утвердительно можно говорить о том, что утраты имеются в фондах сношений России с Австрией, Англией, Грецией, Данией, Молдавией и Валахией, Пруссией, папской курией, Польшей, Турцией, Швецией, Бухарой, Грузией, Крымом и Ногайской Ордой. В основном они относятся к периоду последней четверти XV - середины XVI в. Таким образом, мы видим, что существовали более ранние, чем хранящиеся в ЦГАДА,

книги сношений с Австрией (1485-1527 гг.), Данией (1493-1501 гг.; 1506-1520 гг.; 1585 г.), Валахией (1482-1572 гг.); папской курией (1525 г.), Швецией (1488-1536 гг.), Бухарой (1549-1551 гг.) и Грузией (конец XV - середина XVI вв.).

Осуществленная реконструкция количественного состава посольских книг создает более полное представление о многообразии и интенсивности дипломатических связей Российского государства. Она позволяет выявить наиболее ранние из утраченных посольских книг и более определенно говорить о времени возникновения этой разновидности источников, в частности, о распространении тетрадной формы делопроизводства уже в конце XV в. Она также дает возможность наметить перспективы дальнейшего исследования существующих посольских книг и способствует более целенаправленному поиску утраченной их части.

-
- I Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Подготовка текста и комментарии А.А.Зиминой. М., 1978. (Далее - Гос.арх. XVI ст.).
 - 2 Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С.О.Шмидта. М., 1960. (Далее - Оп. 1614 г.).
 - 3 Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., (Далее - Оп. 1626 г.).
 - 4 ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, д. 4. (Далее - Оп. 1673 г.)
 - 5 Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа. - В кн.: Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1981. С. 99-114.
 - 6 Об истории Астраханского ханства см.: Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963, С. 186-198.
 - 7 Оп. 1614 г., л. 228.
 - 8 Кушева Е.Н. Указ, соч., С. 43, 93.
 - 9 ПСРЛ, т. XIII. С. 167, 277, 284.
 - 10 Там же. С. 313.
 - 11 Там же. С. 322, 324.
 - 12 Гос. арх. XVI ст. С. 41.
 - 13 Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489-1508 гг. М., 1964, л. 33.
 - 14 Оп. 1626 г., л. 365 об.
 - 15 Гос. арх. XVI ст. С. 183.

- 16 Оп. 1614 г., л. 228 об.
17 Оп. 1626 г., л. 366.
18 Кушева Е.Н. Указ. соч., С. 233.
19 Гос. арх. XVI ст. С.96.
20 ПСРЛ, т. XIII. С. 276, 285, 313, 370.
21 Гос. арх. XVI ст. С. 471.
22 Там же. С. 85.
23 Там же. С. 446-447.
24 Там же. С. 51.
25 ПСРЛ, т. VI. С. 43.
26 Оп. 1614 г., л. 228 об.
27 ПСРЛ, т. XIII. С. 371.
28 Оп. 1626 г., л. 390-390 об.
29 Оп. 1614 г., л. 256 об.-257.
30 Там же, л. 257 об.
31 Оп. 1626 г., л. 396 об.-397.
32 ПСРЛ, т. XIII. С. 270, 285, 286, 262; Гос. арх. XVI ст.,
С. 88.
33 Оп. 1614 г., л. 252.
34 Оп. 1626 г., л. 351 об.-352.
35 Оп. 1614 г., л. 266-266 об.
36 Там же, л. 267 об.-269 об.
37 Оп. 1626 г., л. 416 об.
38 Оп. 1614 г., л. 250.
39 Гос. арх. XVI ст., С. 139.
40 Оп. 1614 г., л. 261-261 об.
41 Оп. 1673 г., л. 370 об.
42 Оп. 1614 г., л. 261 об. - 262 об.
43 ЦГАДА, ф. 389, кн. 588; 590.
44 Оп. 1614 г., л. 231-232.
45 Там же, л. 248 об. - 249.
46 Там же, л. 307 об. - 308.
47 Оп. 1626 г., л. 352 об. - 353 об.
48 Оп. 1614 г., л. 273-277.
49 Оп. 1626 г., л. 401.
50 Там же, л. 410.
51 Там же, л. 414 об.
52 Гос. арх. XVI ст., л. 338.
53 Оп. 1626 г., л. 369 об. - 370.
54 Оп. 1673 г., л. 783.
55 Оп. 1626 г., л. 8-II.
56 Гос. арх. XVI ст., л. 236.
57 ПСРЛ, т. УШ. С. 224.
58 Там же, т. XIII. С. 391.
59 Там же. С. 284.
60 Оп. 1673 г., л. 670 об.
61 Оп. 1614 г., л. 211 об. - 214 об.
62 ПСРЛ, т. XIII. С. 143.
63 Там же.
64 Там же. С. 231, 232.
65 Там же. С. 234.
66 Там же. С. 239-240, 261.
67 Там же. С. 262, 276.
68 Оп. 1614 г., л. 226.
69 Там же, л. 227.

КОРМЧАЯ ВАССИАНА ПАТРИКЕЕВА

Исследователи русского "нестяжательства", испытывая затруднения в специальных вопросах истории канонического права, нередко обходили стороной важнейший труд Вассиана Патрикеева - его кормчую книгу. Кормчая Вассиана отличается нетрадиционным составом; прочие нетрадиционные юридические сборники до сих пор описаны плохо, поэтому трудно судить об индивидуальных чертах "нестяжательского" компендиума. А. С. Павлов (1871) без дополнительной аргументации указывал, что "подлинником" для Вассианова труда послужила кормчая сербской редакции¹. Н. С. Суворов (1889), также не апеллируя к текстам, называл важнейшими источниками вассиановского компендиума кормчую русскую редакцию (типа ГИМ, Синод, 132), а также экземпляр греческого афонского номоканона². Последующие разыскания В. Н. Бенешевича создали достаточные условия для детального решения вопроса о компонентах вассиановской кормчей, однако Ю. К. Бегунов (1956), приводя сравнительное описание номоканонов Ивана Волка Курицына и Вассиана Патрикеева, не обратил внимания на исследования Бенешевича и построил свою работу на свидетельствах устаревшего церковно-канонического курса М. А. Остроумова (1893)³. Вслед за Остроумовым Бегунов признал существование особой редакции греческой кормчей X в., где в указатель канонов были вписаны полные тексты правил без схолий, и к этой кормчей возвел сборники Ивана Курицына и Вассиана Патрикеева⁴.

Исходный пункт гипотезы Бегунова - греческое издание кардинала Анджело Май (1842)⁵, повторенное Ж. Минем (1860)⁶. Еще в 1844 г. Дж. Биккель, а впоследствии и Ж. Питра поставили под сомнение не только аргументы комментария к изданию Май (пересказанные Остроумовым), но и существование самой рукописи, по которой выполнено издание: если это сборник Vatic. 2184, то там указатель XIV титулов и собрание правил разделены; можно полагать, что Май опубликовал соб-

ственную реконструкцию канонического сборника, выдавая ее за произведение X века⁷. Независимо от оценки издания Май, Бегунов ошибается, думая, что опубликованный греческий текст сходен с кормчими Курицына и Патрикеева ("главы кормчей Курицына с правилами более краткой редакции соответствуют более полным граням кормчей Вассиана Патрикеева"⁸): сходство ограничивается независимым влиянием на каждый из сборников композиции традиционного указателя XIV титулов, а также изложением правил в порядке этого указателя. Последнему признаку Бегунов придает решающее значение, однако известны и некоторые другие компендиумы - например, указанный Бенешевичем сборник XIV в. Vatic. II 42⁹, отличающиеся подобным построением, но возникшие независимо от названных кормчих.

Появление статьи Бегунова не помогло, а помешало Н.А. Казаковой (1960, 1970, 1974) и И. Жукеву (1964) разобраться в составе кормчей Вассиана Патрикеева. Казакова, вопреки фактам, приняла главный тезис Бегунова о единстве редакций номоканона Курицына и Патрикеева, и лишь упрекала Бегунова в том, что он "не сравнил" упомянутые юридические сборники "с греческой кормчей систематической редакции, послужившей прототипом для русских кормчих этой редакции"¹⁰. Суждения Казаковой об источниках "нестяжательской" кормчей также зависят от наблюдений Бегунова: в неполном Пискаревском списке Казакова не находит "второй части - книги Фотия"¹¹ (на самом деле там отсутствует часть Appendix'a); эти слова можно объяснить лишь знакомством Бегунова с неверной терминологией кардинала Май, называвшего опубликованный им греческий текст "второй частью" труда Фотия. Вторая ошибка Казаковой состоит в том, что после "беглого ознакомления" с кормчей Владимиро-Суздальского музея-заповедника исследовательница не распознала в ней юридический сборник Вассиана Патрикеева¹², и тем самым существенно сузила круг своих источников.

Е.В. Белякова (1964), используя указания Я.Н. Шапова, рассеяла заблуждение об авторском характере сборника Ива-

на Курицына. Оказывается, принадлежавшая ему рукопись ГБЛ, МДА 187 вместе с другими подобными (ЦГАДА, Мазур. 534; ИИМ, Чуд. 168 и Увар. 557) восходит к болгарской обработке кормчей сербской редакции, выполненной в XIII-XIV вв.¹³ В неопубликованной статье 1966 г. Е.В.Белякова, отклоняя предположение Бегунова о близости "нестяжательской" кормчей к этому болгарскому сборнику, обратила внимание на более обоснованную гипотезу исследователя о взаимной связи вассиановской кормчей и рукописи ГБЛ, Рум. 236, а также напомнила о классификации типов нетрадиционных кормчих, данной Бенешевичем еще в 1905 г.¹⁴

Четыре сохранившихся описки "нестяжательской" кормчей - ГБЛ, Пискарев 39 (далее: П), ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, л. 1597 (А), ГИБ, Ф.П.74 (Т) и Владимиро-Суздальский музей-заповедник В 5636/399 (С) - различаются по составу и отражают разные этапы работы над книгой, что видно уже при анализе одной из статей кормчей - "Собрания некоего старца"¹⁵. Но прежде чем судить о видах и редакциях, отраженных кодексами ПАТС, условимся о терминах.

Кормчие традиционного состава, в том числе три основные вида кормчей, известные на Руси - древнеславянской, сербской и русской редакции¹⁶ - включают: 1. Сборник (указатель) XIV титулов; 2. законы вселенских и поместных соборов, отцов церкви и фрагменты светского византийского законодательства; 3. Appendix, дополнительные статьи преимущественно позднейшего происхождения. В.Н.Бенешевич (1905) предложил различать редакции Сборника XIV титулов. Сборник XIV титулов, называющий темы подборок, но не указывающий номера канонов, Бенешевич называет Синтагмой; Сборник, включающий также ссылки на конкретные правила, - Номоканон; Сборник, куда целиком внесены правила, относящиеся к темам граней и глав, - Синагога (свод)¹⁷. Последний тип сборника, где последовательно проведен тематический принцип расположения материала, возник под влиянием тематических подборок, получивших широкое распространение

в Византии после появления в VI веке Кодекса Юстиниана и Синагога Иоанна Схоластика^{17а}.

Вассиановская кормчая по списку II представляет собой удвоенный Сборник XIV титулов, сначала - в редакции Синтагмы, затем - Синагога. После Свода канонов следуют избранные святоотеческие правила, которые замыкает "Собрание некоего старца" - еще один своеобразный указатель к кормчей с канонической синтагмой в тексте, но раскрывающий не все темы Сборника XIV титулов, а лишь разделы, посвященные монашескому "обещанию"¹⁸. Список II не выдерживает чистоты жанра канонических сборников: Синтагма сохранила реликты Номоканона XIV титулов, из которого она была выписана (см. грань I, гл. 24, гл. 36; грань I3, гл. 19, гл. 33), а в списках AT и - особенно - С Синтагма все более обращается в Номоканон. Встречное движение обнаруживает Синагога канонов - она пестрит отсылками к правилам, которые полностью приведены в других гранях кормчей, что делает ее также похожей на Номоканон.

Решение, на котором основана редакция вассиановской кормчей - удвоение Сборника XIV титулов - редко встречается в канонических книгах, хотя сведение канонов в Синагога предпринималось неоднократно - например, подобная греческая кормчая хранилась в Ватопедском монастыре, где монашествовал Максим Грек¹⁹. Единственная близкая вассиановскому компендиуму редакция кормчей (по-видимому, южно-славянского происхождения) представлена рукописью второй половины XVI в. - ГБЛ, Рум.236 (это отметил Бегунов²⁰). Однако все четыре списка вассиановской кормчей возникли независимо от Рум. 236 или его протографа: ни одно из перечисленных ниже оригинальных дополнений ПАТС не находит аналогий в Рум. 236; не отразились в Рум. 236 и реликты Номоканона XIV титулов, сохранившиеся в Синтагме вассиановской кормчей, а каноны, внесенные в грани румянцевского сборника сверх указанных в традиционном Сборнике XIV титулов, не находят соответствия в подборках Вассиана.

Наши наблюдения вполне подтверждают мнение современ-

ников, отразившееся в материалах суда 1531 г.: действительно, кормчая, вложенная Вассианом в великокняжескую казну, была создана им заново, на основании кормчих традиционных редакций.

Попробуем определить, какими источниками пользовался Вассиан. Сверим его Синтагму, выписанную из Номоканона традиционных редакций, с указателями кормчих древнеславянской редакции (по Ефремовскому списку XII-XIII вв. ГИМ, Синод. 227, изданному Б.Н.Бенешевичем²¹, а также по рукописям третьей четверти XV в. ГБЛ, Рогожск. 268 и конца XV в. ГБЛ, Троицк. 207), русской редакции (по рукописям 1281 г.²² ГИМ, Синод. 132; первой половины XVI в. ГБЛ, Рогожск. 256; 1567 г. - ГБЛ, Егор. 931; начала XVII в. - ГБЛ, Рум. 235), сербской редакции (по Рязанскому списку 1284 г. ГИБ, Ф.п.П.1, опубликованному И.И.Срезневским²³, по печатной кормчей 1649-1653 гг.²⁴, спискам сер. XV в. - ГБЛ, Муз. 4843; 80-х гг. XV в. - ГБЛ, Рум. 232; сер. XVI в. - ГБЛ, Рогожск. 252; втор. пол. XVI в. - ГИБ, Погод. 236 и 242; 1622/23 г. - ГБЛ, Егор. 915). Указатели XIV титулов этих редакций имеют родственное происхождение - восходят к греческому сборнику 861-879 гг.²⁵, но указатели древнеславянской и сербской кормчих были переведены независимо друг от друга, соответственно в X в. в Болгарии и в начале XIII в. в Сербии, а указатель кормчих русской редакции возник в третьей четверти XIII в. на Руси в результате соединения двух первых переводов²⁶.

Синтагма вассиановской кормчей в своей основе восходит к Сборнику XIV титулов сербской редакции: в гл. I I-й грани читаются слова "и о крещениях" (нет в др.-сл. и рус. ред.), в 4 гл. - "и о лихоимстве" (нет в др.-сл. и рус. ред.) и т.д. Однако отдельные главы воспроизводят чтения древнеславянской редакции Сборника (гл. 6, 7 10-й грани; гл. 8, II 12-й грани соответствуют 10 и 14 гл. 12-й грани др.-сл. кормчей; 5 гл. I4-й грани). Использовалась при составлении Вассиановской Синтагмы и кормчая русской редакции (гр. 10, гл. 1, 2, 4, 8 - последняя соответствует гл. 6 10-й грани

русской редакции; гр. II, гл. 3, 5, 6, 8-10, гр. 12, гл.7).

Синагога́ кормчей Вассиана представляет собой неравное соединение трех редакций традиционной кормчей, с преимущественным использованием русской редакции. Так, в 10 грани (л.300 об.-308 об. списка П) из кормчей русской редакции взяты каноны IУ собора 26, УП собора II, 38 и 4I апостольское правило, 24 и 25 правила Антиохийского собора, 15 правило Анкирского собора, 12 (в тексте ошибка: 2) правило УП собора, 32 канон Карфагенского собора, 22 правило IУ собора, 22 и 8I правила Карфагенского собора. 7 канон Двукратного собора, 27 правило УI собора одинаково читаются в русской и сербской кормчих, поэтому неясно, откуда почерпнул их составитель. Синоптическое чтение 82 карфагенского правила явно выписано из сербской кормчей. Указание на 27 правило УI собора в гл. 7 могло быть извлечено только из древнеславянской кормчей.

12-15 главы 12 грани (л.340-345 об. списка П) в большей степени опираются на сербскую кормчую: 8 канон I собора дан по русской кормчей, толкование к нему выписано из сербской редакции, 47 карфагенский канон - из русской кормчей, а 57, 66, 82, 99, 107 (в тексте ошибка: 17) карфагенские правила - из сербской кормчей. Из сербской кормчей Вассиан извлек 31 правило Афанасия Александрийского (отрывок послания Афанасия к Руфиану)²⁷. Сербская кормчая, которую Вассиан держал в келье, может быть определена сравнительно точно: это была кормчая восточнославянского вида сербской редакции, ибо лишь она включает анонимную схолию конца XIV - начала XV в. на 7I (73 по счету Беверегия, 8I у Галлиса и Потлиса) карфагенское правило²⁸.

Мы видим, что Синтагма и Синагога́ списка П создавались на материалах не менее трех кормчих - древнеславянской, сербской и русской редакций, причем Синтагма в основной части была выписана из Номоканона XIV титулов сербской кормчей, а Синагога́ преимущественно опирается на русскую редакцию канонического сборника.

Второй и третий вид Синагога́ заключают в себе указа-

ния на новый источник, привлеченный Вассианом к работе над собранием правил - это греческая кормчая, привезенная на Русь в 1410 г. митрополитом Фотием и хранившаяся в Успенском соборе²⁹.

Славянские источники вассиановской кормчей установлены нами выше, попробуем теперь сопоставить наши знания с прямыми указаниями Вассиана. П содержит ссылки на "Софийские харатейные правила Великого Новгорода" (л. 144, 416), откуда были выписаны 75 канон VI собора и "Сказание о черноризческом чину" Кирилла Туровского. Название кормчей и совпадение текстов убеждают в том, что Вассиан работал с Новгородской кормчей 1281 г. (русской редакции), которая в 1480 или 1504 г. была вывезена из Новгорода³⁰, хранилась в казне Василия Ш, и не позднее 25 июля 1526 г. великий князь передал ее новопоставленному архиепископу Макарию, после чего книга вернулась в новгородский Софийский собор.³¹

Списки А (л.3) и Т (л.447) указывают еще два славянских кодекса: симоновские правила и кормчую, принадлежавшую Вассиану Санину и вывезенную с Афона Саввой (вероятно, Вишерским). Оба этих списка утрачены, либо до сих пор не выявлены среди списков законных книг. Кодекс С (л.2) сообщает еще об одном источнике вассиановского компендиума - Суздальских правилах брянского епископа Евфимия, безавшего в 1464 г. из Великого княжества Литовского на Русь³². Я.Н. Щапов предположительно определил копии с этой кормчей в списках суздальской подгруппы восточнославянского вида сербской кормчей (Погод. 235; Егор. 915) и производной от нее даниловской подгруппы (ГИМ, Барс. 157, Воскр. бум. 28; Погод. 242)³³. Выборочное сличение списков не дает оснований видеть среди источников вассиановской кормчей непременно один из названных кодексов, поэтому к сверке привлекались и другие списки восточнославянского вида сербской редакции (отметим близость "нестяжательского" компендиума к экземпляру ГБЛ, Муз. 4843, сер. XV в.).

Русская кормчая, положенная в основу вассиановской Синагога, вряд ли являлась Софийскими правилами 1281 г., ибо

они были не столь доступны (хранились в казне Василия Ш), и обращение к ним специально оговаривалось в заголовках выписанных оттуда статей. Из двух оставшихся претендентов на вассиановские "русские правила" наиболее вероятным считаем номоканон Симонова монастыря; сомнительно, чтобы Саввинская кормчая относилась к русской редакции; она была привезена с Афона в конце XIV в., где более вероятно было встретить древнеславянскую кормчую, к тому же Савва Вишерский вряд ли стал хлопотать о доставке на Русь русской редакции кормчей. Бегунов полагал, что Савва привез с Афона славянский перевод греческой кормчей X в. типа Синагога³⁴. Однако Синагога Саввы не отразилась в русских рукописях, в первую очередь - в "нестяжательском" своде правил. Более вероятно считать, что кормчая Саввы была номоканоном древнеславянской редакции.

Указания Вассиана и результаты анализа его кормчей могут быть согласованы так: Вассиан обращался к кормчей русской редакции, хранившейся в библиотеке Симонова монастыря (прежде она принадлежала симоновскому архимандриту, а затем, с 1506 по 1515 г. - ростовскому архиепископу Вассиану Санину), пользовался сербской кормчей, восходящей к номоканону Евфимия Брянского, древнеславянской кормчей Саввы Вишерского, вывезенной с Афона.

Источники, к которым Вассиан обращался эпизодически, далеко не исчерпываются двумя упомянутыми выше кормчами - Софийской 1281 г. и Успенской греческой (прежде 1410 г.). Отметим комплекс переводов с греческого в "нестяжательском" своде правил. Евфимий Чудовской в 80-90-х гг. ХУП в. оставил указания, которые можно понимать так, будто Максим Грек перевел с греческого всю книгу правил³⁵; версия эта, благодаря патриарху Иоакиму ("Остен", 1721 г.), стала общеизвестной³⁶. Частично оспорил ее А.И.Иванов (1969)³⁷. Прежде было известно, что Максим перевел для Вассиана 14 апостольское правило с толкованием Вальсамона, 24 канон IУ собора, 12 и 18 правила УП собора также со схолиями Вальсамона. Указывалось на переводы четырех (13, 15, 16, 17)

правил Василия Великого (ГПБ, ОЛДП 176, л. 62), выполненные Максимом по греческой кормчей³⁸. Список С вассиановского свода включает и другие переводы, а "писаны с греческих правил, что Максим Грек переводил" (С, л. 623, ср. л. 10 об., 473): отрывок из послания патриарха Тарасия к папе Андриану³⁹, правило Иоанна Безмолвника о Номоканоне Иоанна Постника, 3 правила о Нифонте. Две пометы в списке С (л. 177, 177 об.) говорят о существовании "правил Максимова перевода", - возможно, именно это указание смутило Евфимия Чудовского, - однако имеется в виду не полный текст номоканона, а лишь все правила Василия Великого; в С переписаны 92 и 93 правила Василия (по счету, неизвестному на Руси, но на основании греческой традиции принятому Беверегием⁴⁰). Если вспомнить о следах использования нового перевода 17 правила Василия в Вассиановом "Слове ответном" 1523-1524 гг.⁴¹, можно более определенно утверждать, что Максим перевел все 93 (по счету Раллиса и Потлиса - 92) правила Василия Великого.

С содержит также фрагменты, переведенные из "Церковной истории" Феодорита (л. 10-11), "Наставление" дьякона Агапита (л. 566 об.-580 об.) - в оглавление внесен его заголовок в болгарском переводе XI в.: "Корьмчим душам и наставник..." однако заголовок исправлен писцом Медоварцева: "А в иных пишет сие надписание..." (далее цитируется заголовок иного перевода, помещенный на л. 566 об.), причем последнее исправление подверглось еще одной правке: сам Медоварцев вместо слов: "А в иных" поставил более определенное: "А в греческих". Помещенный в Appendix С перевод "Наставления" известен в рукописях не ранее 20-х гг. XVI в., в иосифлянкой традиции (ГБД, Волск. 489 - старший список, Волск. 523; ГТБ, 4.ХУП.50, Соф. 1480, ср. выборку в 21 главу: Волск. 530). У нас есть основания связывать новый - третий славянский - перевод "Наставления" с переводческой деятельностью Максима или его учеников⁴².

Предположительно атрибутируем Максиму и переводы статей "египетских мудрецов" (С, л. 581 об.-586 об.), которые

обнаружил в кормчей Вассиана еще митрополит Даниил в 1531 г. ("...а ты ныне во своих правилех еллинских мудрецов учение написал"⁴³): два послания Аристотеля Александру Македонскому, "Беседу" Александра к Филиппу и фрагмент, не имеющий названия в С, но в Волок. 489 (л. 354) озаглавленный: "Сократа мудреца еллинского". К этому комплексу примыкает "Поучение" Василия Комнина Льву (л. 580 об.), а также ссылка на послание Фотия Михаилу Болгарскому ("В новой книге Максимова перевода").

Кодекс С сохранил выписки из Толковой псалтыри, переведенной Максимом в 1519–1522 гг.⁴⁴ (л. 555: толкования на пс. 4 и 59). Выписанное на поле л. 459 пояснение к биографии Григория Двоеслова вероятно восходит, как и "Сказание" Максима о толковниках кормчей, к устным сообщениям ученого грека. Выписки из толкований Златоуста на евангелие от Луки (л. 10 об., зач. 77) заставляют предположить, что Максим или кто-то из его сотрудников переводили этот памятник хотя бы фрагментарно.

Вассиан цитирует в С также славянские рукописи: Служебник митрополита Киприана 1397 г. (л. 627) – ныне ГИМ, Синод. 344, сборник 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (л. 2), хранившийся в 20-х гг. XVI в. в великокняжеской казне⁴⁵.

Перечень (вероятно, неполный) рукописей, использованных при составлении вассиановской кормчей, свидетельствует о том, что компендиум, разные стадии работы над которым представлены списками ПАТС, создавался в Москве, в непосредственной близости от книгохранилища Успенского собора, великокняжеской казны, кельи Максима Грека (в Чудове? на Симонове?) и библиотеки Симонова монастыря. Окончательно в пользу Симонова монастыря как места создания кормчей свидетельствует тот факт, что в оригинальной редакции анонимной схолии начала XV в. на 71 карфагенское правило (АТС), использовались черновые выписки Досифея Топоркова, жившего в первой половине 20-х гг. XVI в. на Симонове и "многжды" бывавшего в келье Вассиана Патрикеева⁴⁶.

Общий ход редактирования Синтагмы и Синагога "нестяжательской" кормчей, кратко описанный нами выше и проверенный в "шурфовых" текстологических исследованиях отдельных статей - "Собрания некоего старца"⁴⁷ и схолии на 71 карфагенское правило⁴⁸, свидетельствует о том, что работа над кормчей прошла в три этапа: П → АТ → С.

Список П включает 17 статей, но он неполон, содержит лишь "первую книгу" первоначальной редакции кормчей. Состав "второй книги" может быть реконструирован по пяти отсылкам к ней, обнаруженным в П (л. 2, 101 - "вторая книга" открывалась 18 главой, "Правилами" константинопольского архиепископа Геннадия; л. 139 об. - 23 "слово" включало 35-й вопрос Афанасия Александрийского; л. 265 об. - отсылка общего характера; л. 389 об. - 390 - ссылка на 28 слово "второй книги"). Приведенные отсылки П не соответствуют ни одному из трех более полных списков кормчей, ясно лишь, что "вторая книга" П содержала не менее 11 слов (18-28). На основании тушинского извода I редакции "Собрания некоего старца"⁴⁹ можно утверждать, что Гурий Тушин в Кирилло-Белозерском монастыре переписывал статьи из кормчей, близкой списку П, но, судя по составу его сборников Соф. 1451 и Соф. 1468, Гурий держал в руках полный, то есть включающий и "вторую книгу", экземпляр кормчей.

Списки АТ восходят к общему протографу, который был полнее "первой книги" П не менее чем на 17 статей, одинаково отразившихся в А и Т. Дополнительные статьи Т (л. 405-446 об., далее текст механически оборван) считаем подготовительными материалами к следующему виду кормчей. В отличие от полного вида П, который, похоже, рассматривался автором как итог определенного этапа работы и был отправлен Вассианом в Кирилло-Белозерский монастырь, протограф, отраженный в АТ, представлял собой черновую подборку (а АТ она парадно скопирована), с некоторыми несообразностями в оглавлении (сохранились ненужные ссылки на "вторую книгу").

Полный и окончательный вид вассиановская кормчая приобретает в списке С. Родственный С список "нестяжательско-

го" компендиума был представлен собору 1531 г.: только в С сохранились статьи "елтинских мудрецов", о которых говорил митрополит на суде. Вместе с тем несомненно, что не сам список С был положен в великокняжескую казну и представлялся Вассиану на суде 1531 г.: тот кодекс принадлежал руке Исаака Собака и им же был правлен⁵⁰ - в С почерка Исаака не обнаруживается. Пометы и приписки С, подклеенные осмьюшки бумаги и подтертый кое-где текст свидетельствуют о черновом характере этого списка и позволяют предположить, что С служил оригиналом белой копии, изготовленной Исааком Собакой для Василия Ш.

Обсуждение этой работы в мае 1986 года показало, что наиболее острые споры вызывает вопрос о времени возникновения разных видов (редакций) "нестяжательской" кормчей. Современная историография опирается на мнение А.С.Павлова (1871, 1902), который первый этап редакторской работы Вассиана (список П) на основании записей в АТ ("сия книга писана по благословению... Варлаама митрополита всея Руски в лето 7025-го, месяца мая 27 дня") относил к 1517 г., а второй (списки АТ) - к 1518 и последующим годам, когда в России трудился Максим Грек (прибыл в Москву 4 марта 1518 г.)⁵¹. Н.А.Казакова (1974) определила *terminus post quem* по виду кормчей, представленного АТ: 1524 г. Уточнение Казаковой опирается на два аргумента: не позднее 1524 г. выписки из вассиановской кормчей делал Гурий Тушин (Соф.1451); список кормчей, с которым работал Гурий, относился как раз ко второй редакции.⁵²

Суждения Казаковой отводим на том основании, что Соф. 1451 в его кирилло-белозерской части относится не к 1524, а к 1523 - июль 1526 г.⁵³, и Гурий выписывал статьи не из кормчей типа АТ, а скорее из полного вида П. Аргумент Павлова правдоподобен, но не свободен от логической ошибки: наличие переводных материалов Максима в АТ действительно свидетельствует о создании этого вида кормчей после приезда Максима в Москву, однако отсутствие переведенных Максимом статей в неполном списке П отнюдь не гарантирует воз-

никновения этого списка до начала работы Максима на Руси (Вассиан не обязательно немедленно сошелся с Максимом, переводы Максима могли содержаться во "второй книге" П). Дата (1517 г.), упомянутая в АТ, может интерпретироваться и как указание на день завершения полного вида П, и как упоминание дня, когда было получено благословение митрополита Варлаама на редактирование кормчей. Вассиан на суде 1531 г. сослался на решения малого московского собора, где Варлаам, Вассиан Санин, Симеон Стремоухов и Досифей Забелла "понудили" его редактировать кормчую⁵⁴. Если этот собор имел место (в 1531 г. Досифей Забелла отрицал факт созыва собора), он должен был заседать между 27 июля 1511 г. (поставление Варлаама) и 28 августа 1515 г. (смерть Вассиана Санина).

Я думаю, что работа Вассиана над кормчей началась в 1511-1515 гг., какой-то предварительный вид ее был завершен в мае 1517 г.⁵⁵, а полная редакция, частично отраженная списком П и копиями Гурия Тушина Соф.1451 и Соф.1468, была составлена в первой половине 20-х гг. В "Слове ответном" 1523-1525 гг. Вассиан свидетельствует о продолжении редактирования кормчей ("...книгу целу съставити нам иметь"⁵⁶), - возможно, речь идет уже об этапе, отмеченном списками АТ. Палеографические приметы С говорят за то, что кодекс создавался в середине-второй половине 20-х гг. XVI в. в кругу, обслуживавшем книжные интересы Вассиана, однако нигде в С не находим помет самого Максима Грека, - возможно, рукопись копировалась и редактировалась уже после ареста афонца (конец ноября 1524 г.)⁵⁷; предположительно датирован ее декабрем 1524 - маем 1531 г., причем датировка бумаги более подходит к времени, близко следующему за 1525 г.

В заключение несколько слов о датировке кормчей митрополита Даниила, составленной для опровержения "нестяжательского" компендиума Вассиана. До сих пор считалось, что если номоканон Вассиана был завершен к 1524 г. (Н.А.Казаква), то митрополит составил опровержение на него - Сводную кормчую ГБЛ, Унд.27 - к 1531 г. (Б.М. Клосс)⁵⁸. Теперь мы

знаем: Вассиан закончил свою работу во второй половине 20-х гг. Недостаточно надежно установлена и граница датировки Сводной кормчей (прежде 1531 г.) — она опирается лишь на наличие в Унд. 27 почерка Исаака Собака, осужденного в 1531 г. и отправленного в заточение сначала в новгородский Юрьев монастырь, а затем в митрополичий монастырь на Волосово⁵⁹. Против датировки, предложенной Б.М. Клоссом, могут быть выдвинуты три аргумента. Первый — особая, отличная от всех обвиняемых судьба Исаака, который, несмотря на требования Вассиана, не был предъявлен Даниилом Освященному собору и не давал показаний на суде. Исаак был осужден заочно, сослан, затем переопределен в митрополичий монастырь, причем уже после 1539 г. Исаак не только не сидел в темнице, а даже получил назначение в симоновские архимандриты, и перед этим ответственным шагом митрополит Иоасаф советовался с Даниилом, получил от него какие-то "грамоты", где Исаак, очевидно, аттестовался как полностью раскаявшийся⁶⁰. Значит, Исаак вполне мог работать в митрополичьем скриптории и после суда 1531 г.⁶¹ Второй аргумент — полное отсутствие в материалах суда ссылок на Сводную кормчую и цитат из нее, хотя об истории канонических книг на суде было сказано немало. Третий аргумент — книга, откуда зачитывались Вассиану свидетельства обвинения, названа в Судном деле "Отечником" (а не кормчей). "Отечник" — это, по видимому, кодекс ПИМ, Чуд. 273, втор. пол. 20-х гг. XVI в., одним из составителей которого был волоколамский игумен Нифонт Кормилицын⁶². Чуд. 273 открывается святоотеческими статьями, в том числе "Преданием" Нила Сорского, а на л. 147-194 содержит компиляцию, правленную рукой митрополита Даниила, отрывки которой вошли в Судный список II мая 1531 г.⁶³ На основании перечисленных соображений датируем Сводную кормчую 1531-1539 годами.

К 30-м годам XVI в. относится и второй иосифлянский опыт создания юридического компендиума — именно тогда Нифонт Кормилицын по образцу вассиановской кормчей составил сборник ГБЛ, Вгор. 156, где за указателем XIV титулов в

редакции Номоканона (л.30-51) следует Синагога канонов (л.52-300).

Три последовательных редакции кормчей Вассиана Патрикеева 1517 - второй половины 20-х гг. XVI в. сохранили достоверные свидетельства о характере и направлениях полемики Вассиана с постриженниками Иосифа Санина. Постатейное изучение вассиановской кормчей и последующее издание юридического сборника Владимиро-Суздальского музея-заповедника В 5636/399 является неременным условием нового, свободного от историографических легенд, понимания русского "нестяжательства".

- 1 Павлов А.С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871, ч. I. С. 73.
- 2 Суворов Н.С. Курс церковного права. Ярославль, 1889, т. I. С. 328.
- 3 Остроумов М. Введение в православное церковное право. Харьков, 1893, т. I. С. 553-554, 284.
- 4 Бегунов Д.К. Кормчая Ивана Волка Курицна. - ТОДРЛ, М.-Л., 1956, т. 12. С. 144.
- 5 Mai A. Spicilegium Romanum. Romae, 1842, t. VII. P. 1-418.
- 6 Migne J.P. Patrologiae cursus completus. Series graeca, t. 104. Col. 441-976.
- 7 Neue Jenaische Literaturzeitung, 1844, N 282/3. S. 1125-1130; Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905. С. 13-14, 40, 98.
- 8 Бегунов Д.К. Указ. соч. С. 146.
- 9 Бенешевич В.Н. Указ. соч. С. 307-313.
- 10 Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.-Л., 1960. С. 95, прим. 56; ср. с. 96 и прим. 53; с. 197, прим. 168; она же. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 145, прим. 185; С. 146, прим. 188; с. 111, прим. 100; она же. К изучению кормчей Вассиана Патрикеева. - ТОДРЛ, М., 1974, т. 28. С. 344-349. Zuzek I.S.J. Kormčaja Kniga. Studies on the Chief Code of Russian Canon Law. Roma, 1964 (Orientalia Christiana Analecta, vol. 168). P. 42-44.
- 11 Казакова Н.А. Очерки. С. III, прим. 100.
- 12 Казакова Н.А. К изучению кормчей. С. 345, прим. 3.
- 13 Белякова Е.В. Источники кормчей Ивана Волка Курицна. - В кн.: Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 75-83.
- 14 Белякова Е.В. Кормчие особого состава (с расположением правил в порядке XIV титулов). - Рукопись этой статьи готовится к публикации в очередном выпуске Методических рекомендаций Археографической комиссии АН СССР.
- 15 Плигузов А.И. Вступление Вассиана Патрикеева с полемику о монастырских землях и творческая история "Собрания некоего старца". - В кн.: Исследования по источниковеде-

- нию истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 4-48.
- 16 Шапов Я.Н. Византийское и восточнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978.
 - 17 Бенешевич В.Н. Указ. соч. С. 104-115; ср.: он же. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1913.
 - 17а О другом "довольно определенном типе" канонических сборников русского происхождения см.: Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. С. 255-256.
 - 18 Плигузов А.И. Указ. соч. С. 29-30, 37-39.
 - 19 Бенешевич В.Н. Сведения с греческих рукописях канонического содержания в библиотеках монастырей Ватопеда и Лавры св.Афанасия на Афоне. СПб., 1904 (Приложение № 2 к т. XI "Византийского временника"). С. 22.
 - 20 Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 146. Ср.: Žižek I.S.J. Kogm-šaja Kniga. P. 44.
 - 21 Бенешевич В.Н. Древне-славянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906, т. I. С. 5-56.
 - 22 Дата определена Б.М.Клоссом в подготовленной к печати монографии: Клосс Б.М. Летописные памятники древней Руси XII - начала XV века. М., 1987 (машинопись).
 - 23 Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1897. С. 139-170.
 - 24 Кормчая. М., 1912, ч. I, л. 26-55 об.
 - 25 Троицки С.В. Како треба издати Светосавску крмчију (Номоканон са тумачењима). Београд, 1952 (Српска Академија наука. Споменик, 102. Одељење друштвених наука. Нова серија, 4), С. 77.
 - 26 Шапов Я.Н. Указ. соч. С. 48, 133, 160.
 - 27 Троицки С.В. Указ. соч. С. 82; Migne, t.28. Col. 1179-1182; t. 138. Col. 565-572; Кормчая, ч. I, л. 264.
 - 28 Плигузов А.И. Противостояние митрополией и вассиановской кормчей накануне судебных заседаний 1531 года.- В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985, С. 33, 54-60. Прежде я не находил аргументов в пользу более узкой датировки схолии, а теперь связываю ее с возникновением московского летописного свода 1408 г. и считаю, что пафос толкования 71 карфагенского канона направлен на обличение великокняжеского печатника и самозванного митрополита Михаила-Мития.
 - 29 Фонкич Б.М. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 12-13.
 - 30 Прилежаев Е. Новгородская Софийская казна. - ЖМНП. СПб., 1875, ч. 180, № 7. С. III-III2; ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 3. С. 611.
 - 31 ПСРЛ, т. 4. С. 296.
 - 32 РИБ, т. У1. Стб. 657-670; ПСРЛ, т. 24. С. 186 (на известие Типографской летописи указал мне Г.В. Семенченко); Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 509.

- 33 Шапов Я.Н. Указ. соч. С. 154, 137, 266-267.
- 34 Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 144.
- 35 ГИМ, Синод. 464, л. 290, 841 об., 846, 849 об. О кормчей Евфимия см.: Лисовая Т.А. Лексика кормчих книг второй половины XVII века. Автореф. канд. филол. наук. М., 1986. С. 9-10.
- 36 Иконников В.С. Максим Грек и его время. Изд. 2-е. Киев, 1915. С. 175.
- 37 Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 50.
- 38 Там же. С. 51, 59.
- 39 Троицки С.В. Указ. соч. С. 81 - есть в сербской кормчей; ср. : Migne, t.98. Col. 1141-1452.
- 40 Различия в счете правил объясняются тем, что 87 правил Василия Великого по изданию Беверегия у Раллиса и Потлиса, Питра и в Пидалионе представлено как предисловие послания к Диодору Тарскому (Migne, t.138. Col. 809 В - 812 В), а в печатной кормчей 1649-1653 гг. оно является 86 правилом (Кормчая, ч. I, л. 248).
- 41 Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев. С. 266; греческий оригинал см.: Migne, t.138. Col.644 D. О датировке "Слова ответного" см.: Плигузов А.И. Памятники раннего "нестяжательства" первой трети XVI века. Автореф. канд. ист. наук. М., 1986. С. 12-13.
- 42 Греческий оригинал см.: Migne, t.26. Col.II63-II86; о первом переводе см.: Дьячок М.Т. О месте и времени первого славянского перевода "Наставления" Агапита. - В кн.: Памятники литературной и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 5-13.
- 43 Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев. С. 292.
- 44 Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 64.
- 45 Ср.: Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 33-40.
- 46 Плигузов А.И. Противостояние. С. 39-43.
- 47 Плигузов А.И. Вступление. С. 9-26.
- 48 Плигузов А.И. Противостояние. С. 38-39.
- 49 Плигузов А.И. Вступление. С. 17-18.
- 50 Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев. С. 294.
- 51 Павлов А.С. Исторический очерк. С. 93; он же. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. С. 117-119.
- 52 Казакова Н.А. Очерки. С. 262-265.
- 53 Плигузов А.И. Вступление. С. 44.
- 54 Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев. С. 286.
- 55 При установлении степени достоверности этой даты существенную помощь мне оказали замечания Н.В.Синицыной.
- 56 Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев. С. 256.
- 57 Вопрос о дате ареста Максима Грека вызвал споры исследователей, по-разному толковавших следственные показания Берсеня Беклемишева от 22 февраля 1525 года. Берсень говорил: "Угонил меня, господине, Федко Мареный тому с неделю против Николю, а Максима уже изымали" (ААЭ, т.1, № 172. С.114). И.И.Смирнов и А.А.Зимин видели в этих словах указание на праздник Николю Зимнего (6 декабря), а предлог "против" понимали как "около", следовательно,

по их мнению, Максим был "изыман" в начале декабря 1524 г. (Смирнов И.И. К вопросу о суде над Максимом Греком. - Вопросы истории, 1946, № 2-3. С.121; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С.268, прим.3). Н.В. Синицына, не обнаружив в словаре И.И.Срезневского временного значения предлога "против", предложила иное объяснение слов Берсеня Беклемишева: в Судном списке речь идет не о празднике Николы, а о Никольской церкви или Никольском монастыре, и предлог "против" указывает на место встречи Берсеня и Федора Жареного, состоявшейся "тому с неделю" до допроса Берсеня 22 февраля - около 15 февраля, значит, Максим был арестован не в начале декабря, а лишь к середине февраля (Синицына Н.В. Максим Грек. С.134-135). Наиболее уязвимая сторона в аргументации Н.В.Синицыной - безусловная вера в словарь Срезневского, который построен на материалах XI-XIV вв. и мало пригоден для анализа делопроизводственного языка и разговорной речи XVI столетия. "Повесть како отомсти" 1606 года и "Иное сказание" конца 20-х гг. XVI в. зафиксировали исконное временное значение предлога "против": "И женился той окаянный законпреступник месяца мая во 8 день, в четверг, в праздник святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, против пятка и против памяти чудотворца Николы" (Буганов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л. "Повесть како отомсти" - памятник ренной публицистики Смутного времени. - ТОДРЛ. Л., 1974. Т.28. С.249; РИБ. Л., 1925. Т.ХШ. Вып. I. Стб. 56 - Никола Великий отмечается 9 мая; ср. у Гоголя в "Вие": "...ходил к булочнице против самого Страстного четверга").

Итак, "против" - это значит "перед", "накануне", и показания Берсеня нужно читать так: "Встретил меня, господин, Федька Жареный примерно за неделю до Николы (6 декабря 1524 г. - А.П.), а Максима уже арестовали". Встреча Берсеня и Жареного произошла примерно 30 ноября, поэтому и время ареста Максима отодвигаем на конец ноября 1524 г.

- 58 Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980. С. 68. В статье 1985 г. (Плигузов А.И. Противостояние) я принял выводы Б.М.Клосса без всякого обсуждения.
- 59 Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971, С. 120-121.
- 60 Там же. С. 131-132.
- 61 Если верна атрибуция почерка Евангелия Покровского собора (филиал ГИМ) инв. № 103799/2, то в феврале 1539 - январе 1542 г. Исаак Собака копировал эту рукопись для митрополита Иоасафа, см.: Серебрякова Е.И. Лицевое Евангелие писца Исаака из собрания ГИМ. - В кн.: Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987 (Труды ГИМ, вып. 63). С. 45-51.
- 62 Подробнее см.: Плигузов А.И. О датировке и атрибуции "Трактата о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ" (в печати).
- 63 Ср.: Чуд. 273, л. 147-148 - Казакова И.А., Вассиан Патрикеев. С. 288-289; л. 150-150 об. - С. 291; л. 153-153 об. - С. 291-292.

РАССКАЗ БЕЛОЗЕРСКОГО КРЕСТЬЯНИНА ОБ
УБИЙСТВЕ ПОМЕЩИКА В НАЧАЛЕ ХУП ВЕКА

История Белозерского у. в начале ХУП в. посвящена неопубликованная статья С.Б.Веселовского "Белозерский край в первые годы после Смуты"¹. До 1612 г. в Белозерском у. еще не было поместного землевладения, а в жизни крестьян большую роль играли земские миры с развитой системой самоуправления. На протяжении последующих нескольких лет черные и дворцовые земли уезда были почти полностью розданы светским феодалам. В условиях общего разорения эксплуатация крепостных крестьян принимала особо тяжелые формы. Так жители волости Федосьин городок в 1615/16 г. жаловались, что их новые владельцы Ю.И.Бирюлев и С.Д.Кузьмин вымогая продовольствие, "крестьян бьют и мучат связанных и жены и дети позорят пуши воровских казаков"². Крестьяне долго не могли смириться со своим новым положением крепостных, отказывались платить налоги, бежали от "поместной раздачи". Получившие поместья в Ковжезерской волости дворяне разных городов и царские конюхи подали даже коллективную челобитную на своих крестьян: "И крестьяне, государь, нас, холопей твоих, не слушают ни в чем и оброков нам никаких платити не хотят, и нас, холопей твоих, лаут матерны и всякою неподобною лайю"³.

Новые штрихи к истории классовой борьбы на русском севере в это время содержат документы из фонда Оружейной палаты ЦГАДА⁴. Весной 1618 г. в своем поместье в Исаевской волости был найден убитым Иван Кириллович Хрипунов, сын известного Кирилла Путятина, бежавшего в начале ХУП в. в Речь Посполитую и показавшего там, что самозванец является истинным царевичем Дмитрием. Сыск по этому делу не дал результатов, так как "крестьяне его, Ивановы, и окольных поместей бегали тогда от ..государевых полатей". Кто-то сказал сыщикам, что помещика убили разбойники. Однако через год выяснилось, что Хрипунов был убит и ограблен собствен-

ными холопом и крестьянами.

Публикуемые расспросные речи сохранили скрупулезное описание убийства и ограбления Хрипунова: пойманный с поличным крестьянин Агей Яковлев обладал и прекрасной памятью и даром рассказчика. Ценным источником являются они также для изучения помещичьего быта в XVII столетии. Но может быть самое неожиданное в расспросных речах белозерского крестьянина – это фольклорные мотивы, столь необычные в такого рода документе.

1 Архив АН СССР, ф. 620, оп. I, д. 73, лл. I-50.

2 ЦГАДА, ф. 1107, оп. I, д. 151, л. 5.

3 ЦГАДА, ф. 1107, оп. I, д. 67, л. I.

4 ЦГАДА, ф. 396, стб. 3959I, лл. 223-224.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1619 г. апреля 5. – Расспросные речи крестьянина А.Яковлева об убийстве белозерского помещика И.К.Хрипунова

127-го апреля в 5 день привел в приказ к воеводе к Ондрею Федоровичю Образцову да к Федору Вохромееву Игнатей Третьяков сын Карсаков Иванову убойцу Кириллова сына Хрипунова с поличным, с Ивановым платьем. А платья на нем: шуба волчья нагольная да кафтан заечей под зеньденю. А изымал деи его в Исаевской волости на лесу – пришел по то по Иваново платье. А тот деи мужик – Иванов, и Ивану он убойца.

А в Розряде воеводе Ондрею Федоровичю Образцову да Федору Вохромееву тот мужик сказался: бывал Иванов крестьянин Хрипунова деревни Борзиковские Горы, Агейком зовут Яковлев. В прошлом деи во 126-м году о Николине дни вешнем зговорилися мы: я, Агейко, да человек его Иванов Лучка Тимофиев, да с нами ж деи были в думе его ж Ивановы крестьяне наши ж Борзиковские деревни Омоско Иванов да деревни Нифонтовские его ж Иванов крестьянин, у которого он, Иван, на дворе стоял, Иевко Олферьев, да его ж Ивановы деревни

Митины Ошатка Нестеров да Завьялко Федоров, да на Хярке деревни Павшины Горы его ж Иванов крестьянин Олешка Нефедов, да на Хярке же деревни Михалевские его ж Иванов крестьянин Кондратка Кондратьев.

И в прошлом деи во 126-м году канун Нжнолина дни пришли мы к помещику своему Ивану Хрилунову в деревню Нифонтовскую, где он стоял, ночью, с оружием, а звал де он нас оберегать себя от розбойников. И тое деи ночи он, Иван, ездил по полю до полуночи, и с полуночи де учал его с нами по зговору звать тот его человек Лучка во двор, и он деи во двор и поехал. И как де приехал во двор, и с коня слез, и вшел в избу да лег на стол и заснул, а мы де, его крестьяне и человек его, в избе. Да, проснулся, он, Иван, учал прошать огню, чтоб зажгли, а человек деи его, Лучка, в тое пору приготовил пищаль, а я деи, Агейко, стою с рогатиною в темне, в избе ж. Да как он в третьей попрошал огню вздуть, и я де, Агейко, его, Ивана, рогатиною и ткнул в бок, а человек деи его, Лучка, в тое пору его из пищали и застрелил, а крестьянин деи Олешка с Хярки топором и ткнул по шее. И он деи тут и умер. И мы деи с него сняли тое шубу волчью, которая ныне на мне, да Сипун заячей под зенденью, а деньги де все были у человека его Лучки. И то де платьишко было у меня, Агейка, на лесу, как деи его мы^а

ЦГАДА, ф. 396, стб. 39591,
л. 224. Псдлинник.

а Далее текст утрачен.

ОКЛАДНЫЕ И "ЗЕМЛЯНЫЕ" ЖИЛЕЦКИЕ СПИСКИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ ХУП В.

Для фиксации персонального состава служилого дворянства, а также их финансового и земельного обеспечения в Разрядном приказе в ХУП в. существовало несколько разновидностей учетной документации. К их числу относятся жилецкие списки, получившие свое наименование по названию одного из чинов Государева двора — жильцов.

Жильцы составляли одну из самых многочисленных групп дворянства, занимавших невысокое положение в чиновной иерархии двора. В начале ХУП в. в боярские книги и списки их имена вносились перед выборными дворянами. Характер службы жильцов изучен еще не достаточно полно. Имеющиеся в литературе высказывания на этот счет отличаются краткостью, порой — неточностью. Наиболее подробные сведения о происхождении и служебной деятельности жильцов можно найти в кандидатской диссертации А.Л. Станиславского¹. В их компетенцию входила, в первую очередь, охрана царского двора, а в походах — стана, прислуживание за государевым столом, участие в торжественных церемониях (например, приемах и проводах послов) и т.д. Верстались они из числа детей выборных дворян, дьяков, стрелецких голов. Невысокое происхождение жильцов и относительно скромная служба исключали возможность внесения известий об их назначениях в разрядные книги. Этот пробел хорошо восполняют жилецкие списки, представляющие собой именные перечни жильцов с пометами и приписками об их служебных назначениях и перемещениях. Особая категория жилецких списков содержит (кроме указанных сведений) данные о размерах поместных и денежных окладов или конкретных земельных владений. Предметом нашего рассмотрения являются наиболее ранние сохранившиеся жилецкие окладные и "земляные" списки "до пожарного" (1626 г.) периода.

Эти документы не привлекали специального внимания исследователей. Не проводилось их выявление, описание, дати-

ровка, систематизация. Не определено место жилацких списков в делопроизводстве Разрядного приказа. Отсутствуют их публикации. В начале столетия А. Изюмов дал краткую характеристику лишь одного "земляного" списка - 1630 г.² Некоторые соображения о возникновении жилацких списков и их соотношении с боярскими высказаны в статье А.Л. Станиславского³. Этими трудами, по существу, и ограничивается литература о жилацких списках как исторических источниках.

Первоначально жилацкие перечни входили в состав боярских книг и списков. Практика их включения (хотя и не регулярная) в состав этих документов продолжалась до 30-х гг. XVII в. Имена жильцов фигурировали в наиболее ранней известной, но не дошедшей до нас боярской книге 1608/09 гг. Они были расписаны по величине складов (поместных, а внутри группы - денежных). При этом жильцы делились на тех, кто получает годовое денежное жалованье из Четвертей и "из приказу"⁴. В боярские книги 1615, 1627 и 1629 гг. перечни жильцов не вносились. Однако, судя по заголовку, упомянутому в архивной справке XVIII в., они были включены в несохранившуюся боярскую книгу 1630 г. ("Книга... бояр, окольных и думных людей, столников, стряпчих, и дворян московских, и дьяков, и жильцов и из городов дворян выборных 139 года...")⁵ Кстати, жильцы входили в состав боярского списка того же 1630 г.⁶

Но одновременно (с конца XVI в.) начинает складываться особое делопроизводство, связанное с назначением жильцов на службу и пожалованием их окладами. Так в Разрядном приказе хранились жилацкие "пометные столпы" 7115 и 7116 гг.⁷ Неуклонный рост численности жильцов приводит к необходимости составления отдельных жилацких списков (в том числе, окладных). Оформились они, как считает А.Л. Станиславский, "...в результате вычленения перечней жильцов из боярских списков и книг"⁸. Упоминание о наиболее раннем списке жильцов встречаем в описи архива Разрядного приказа 1626 г.: "Список жилацкой с помесными оклады 107 году"⁹.

Среди материалов Разрядного приказа встречаются до-

вольно обширные выписки из не пошедшего списка, составленного в 7119 г. Он служил основой при составлении подобных документов в первые годы правления новой династии. В архивной описи Разряда 1668 г. раздел документов о жильцах начинается с характеристики списка: "...а которого году, того не ведомо, с начала отодрано по княз Данилово имя Ухтомского, а в нем приправлены оклады из списка 119-го году, а иные справлены при государе по сыску"¹⁰. Сохранился (не полностью) список жильцов с указаниями о времени их пожалования окладами ("при царе Василии", "при боярех", "при государе") и ссылками в тексте на список 7119 г. ("в списке 119-го написан")¹¹. Если данное лицо не фигурировало в этом списке, то на полях делали специальные пометы ("119-го году не написан"). Составлен документ, по всей видимости, во второй половине 1616- первой половине 1617 гг. Среди внесенных туда имен встречаем А.И. Тимофеева (сына известного писателя и публициста дьяка Ивана Тимофеева), поверстанного по сыску окладом в 50 четвертей и 8 руб.¹² Оклад ему установлен повторно (ранее был "при царе Василии") 2 мая 1616 г.¹³ Вместе с тем, согласно помете в другом жильцком списке - 7125 г., Андрей Тимофеев был переведен из жильцов в городские дворяне по Малому Ярославцу¹⁴.

Для реконструкции списка 7119 г. следует использовать также составленный в результате сыска окладов перечень жильцов, которые выписаны "ис поместного столпа, что кому придано государева жалованья поместного и денежного оклада"¹⁵. Здесь практически у всех жильцов указываются оклады (или их отсутствие) по списку 7119 г. и отмечаются дальнейшие прибавки. Документ появился в 7123 г., что явствует из неоднократно встречающейся фразы: "в нынешнем в 123-м году"¹⁶.

Особенно интенсивное документирование служебных назначений и окладных пожалований жильцов началось сразу же после Смуты. В описи дел Разрядного приказа 1626 г. отмечены "списки жильцкие с 121 году по нынешней по 131 год, с поместными и с денежными окладами по годам"¹⁷. В описи Разряд-

ного архива 1730-х гг. - "список жилецкой с оклады и розметками со 121 году по 171¹⁸. В боярской книге 1627 г. имеется отсылка к окладным жилецким спискам 7122-7127 гг.¹⁹ Видимо, с 1613 г. эти документы составляются ежегодно.

К сожалению, списка за 1613 г. не сохранилось. Наиболее ранним можно считать своеобразный по составу и содержанию "земляной" список жильцов 7123 г. В него включены сведения о размерах, местонахождении, времени и обстоятельствах пожалования поместных и вотчинных владений²⁰. На л. I об столбца, в который входит данный список, имеется запись середины ХУП в.: "Список жильцо/й/ 123-го году, кому по сыску помесной и денежной оклады и с придачами, о начала отодрано по Михайлово имя Рчинова, а с низу - по Иваново имя Лобанова". Этот заголовок сделан, по всей видимости, в процессе разборки и описания разрядных документов в 60-х гг. ХУП в. В описи 1668 г. встречаем совпадающую с этим заголовком описательную статью²¹. Однако в нем имеется одна существенная неточность. Столбец, действительно, начинается с имени М.Ф.Рчинова. Но до л. 43 текст не имеет отношения к рассматриваемому нами списку. На лл. 1-5 внесены имена стрелецких голов с пространными записями об их окладах²². Л. 6-42 содержат уже упоминавшийся нами перечень жильцов, которые "выписаны из помесного столпа". В "земляном" жилецком списке (л. 43-103) начало и конец утеряны. Датируется он по позднейшей встречающейся в тексте дате. Например: "Петр Иванов сын Ярцев. Поместья за ним по даче 123-го году на Угличе, что ему сдал Ондрей Палицин..."²³ В основу списка легли материалы сыска (подлинные "скаска" жильцов) и некоторые специальные делопроизводственные документы, например, "земляной" боярский список 7104 г. Так, о владениях И.Н.Дядина отмечено: "...и он сказал: поместья за матерью ево да за меншим братом за Михаилом..."²⁴ Каширское поместье Ф.С. Колтовского, перешедшее к нему от отца, определено "по земляному списку 104-го году"²⁵. Жильцы, служившие с родительских поместей и не имевшие собственных земельных окладов, выделены в особый раздел "Не

верстанние". Документ дает ценный материал о поместно-вотчинном жилецком землевладении не только в первые годы царствования Романовых, но и в период Смуты. В тексте нередко сообщается о пожалованиях, проводившихся при Василии Шуйском и при боярском правительстве. В большинстве случаев размеры реальных поместных владений у жильцов были меньше назначенных им окладов. Но иногда они несколько превышали их. У П.О. Прончищева поместные дачи за разные годы в совокупности составляли по списку 715 четвертей²⁶, его же оклад равнялся 550 четвертям²⁷. Проводившийся сыск и должен был выявить подобные несоответствия.

Появление "земляного" жилецкого списка 7123 г., возможно, непосредственно связано с июньским 7122 (1614) г. приговором земского собора об отписке земель у "нетчиков" полка кн. Д.Т. Трубецкого. Имена их, в том числе жильцов, отослали в Поместный приказ, где должны были выяснить и сообщить в Разряд, сколько за кем земельных владений²⁸. В этой связи могли приступить к составлению полного жилецкого списка "с землями".

Следующий известный нам жилецкий список относится к 7125 г.²⁹ На л. I он имеет заголовок: "Список жильцов с помесными и с денежными оклады 125-го году подлинной". В описи 1668 г. он обозначен как "список 125-го году за приписью дьяка Марка Поздеева"³⁰. Указание в заголовке документа на его "подлинность" означает, что он содержит имена всего (полного, подлинного) состава жильцов. Таким образом, жилецкие списки, как и боярские, делились на "подлинные" и "наличные". Последние включали имена жильцов, находившихся в данный момент на столичной службе. За интересующий нас период удалось обнаружить один окладной жилецкий "наличный" список, датированный по пометам осенью 1623 г.³¹ В тексте списка есть прямое указание на характер документа. Рядом с именем Д.Д. Шенгурского помечено: "Сентябрь в 8 день отпущон и написан в другои полов/ине/"³² Кстати, подавляющее большинство помет в нем сообщают именно о выбытии жильцов из столицы.

Но вернемся к списку 7125 г. Он имеет типичную для ок-

ладных жилецких списков структуру. Имена жильцов расположены по величине поместных окладов (с разницей в 50 четвертей), а внутри этих групп — денежных. Цифры означающие размеры окладов, являются своеобразными рубриками:

По 850 чети

Денги емлют из Четверти

55 рублев

Матвей Михайлов сын Унковский 33

Список включает также следующие перечни: "Поместьем не верстаны, а деньги емлют ис приказу", "Жильцы, и помесные и денежные оклады в Розряде не сысканы...", "Жильцы, и помесным окладом и денежным не верстаны". Подобные перечни можно встретить и в других окладных жилецких списках данного периода. Кроме того, имеется особый перечень жильцов: "...выписаны им помесные и денежные оклады ис списка 119-го году, а при государе не бивали челом". Наличие этого перечня обусловлено еще продолжавшимся сыском денежных и поместных окладов дворян.

"Подлинные" жилецкие списки могли содержать данные лишь о поместных окладах. Таким является список 7126 г., имеющий следующий заголовок: "Список жильцов с помесными оклады 126-го году подлинной"³⁴. В пределах рубрик имена жильцов расположены в той же последовательности, что и в списке 7125 г., т.е. с учетом размеров денежных окладов. Правда, наблюдаются некоторые перестановки.

Список 7125 г.

600 чети. 35 руб.

кн. Ф.П. Бсрятинский

И.Г. Чирков.³⁵

Список 7126 г.

600 чети

И.Г. Чирков

кн. Ф.П.Борятинский.³⁶

Возможно, за год в денежных окладах этих лиц произошли изменения, что и нашло отражение в списке 7126 г.³⁷ Вообще при работе над очередным жилецким списком учитывать все данные (пометы, приписки) предшествующего аналогичного документа. Так, в списке 7125 г. над именем А.Ф. Акинџова читаем: "С Москвы"³⁸. В списке 7126 г. он уже не числится.

Рядом с именем И.А. Аргомакова в списке 7125 г. имеется приписка: "Погорел. Отпущон";³⁹ в списке 7126 г.: "Отпущен" (зачеркнуто)⁴⁰.

"Подлинные" окладные жилецкие списки активно функционировали в приказе, т.е. пополнялись новыми сведениями, как правило, в течении года. Но в году к их составлению могли приступать 2-3 раза. В описи 1668 г. отмечены: "Список подлинной 131-го году с помесными оклады, да два списка с помесными ж и з денежными оклады..."⁴¹ Один из них упомянут в приказной выписке 1627 г.: "А в жилецком в подлинном списку 131-го году, каков уцелел у пожару, за приписью дюка Федора Степанова"⁴². В 7132 г. составлялись два списка: один с помесными и денежными окладами, другой - с поместными⁴³. Последний сохранился до нашего времени⁴⁴. Он отличается большим количеством помет, в том числе датированных. Наиболее ранняя относится к апрелю 1624 г. (Ф.А. Новокщонов: "132-го в апреле отпущон на Соловки молитца"⁴⁵.) Документ функционировал в Разряде до конца 7132 г. Позднейшая приписка сообщает об отставке М.Т. Норова 26 августа 1624 г.⁴⁶ Перечень вновь пожалованных в жильцы так же доведен до августа месяца⁴⁷. В этом списке имена жильцов, находившихся на момент его составления вне Москвы, вынесены в отдельный раздел. В тексте указаны время и цель посылки. Например, о Ф.И. Болотникове сказано: "Отослан в Пушкарский приказ в 129-м году, а ис Пушкарского приказу куды отослан и у каково дела, того в Розряде не ведомо"⁴⁸.

Три списка сохранилось от 7133 г. Один из них имеет довольно своеобразную структуру. Он сочетает в себе элементы окладных и "земляных" списков⁴⁹. Имена жильцов расположены здесь по величине их поместных окладов. Но рядом с некоторыми именами сделаны отметки о местонахождении поместных земель (без указания их реальных размеров). Например: "По 800 чети. Степан Андреев сын Татьянин. На Вологде да во Пскове"⁵⁰. Документ появился осенью 1624 г. Над именем М.Б. Мешкова-Плещеева имеется приписка, сообщающая о переводе его в чин патриаршего стольника 15 ноября этого года⁵¹.

Список пополнялся новыми сведениями до лета 7133 (1625) г. Следует отметить, что документ аналогичного содержания был составлен и в предыдущем году. В описи 1626 г. фигурирует за 7132 г. "список жилецкой с помесными оклады, и в которых городех за кем поместья"⁵².

Осенью же 1624 г. появился жилецкий список с поместными и денежными окладами⁵³. Ориентиром для его датировки может служить следующий факт: в нем указаны Я.И. Давыдов, Е.Б. Нелединский и И.Г. Веревкин, отставленные от службы соответственно 10, 13 и 16 октября 1624 г.⁵⁴ Большинство помет и гриписок внесены в раздел, где указаны жильцы, не верстанные поместными и денежными окладами. Эти записи касаются, главным образом, новых пожалований.

Несмотря на то, что этот список функционировал в приказе до августа-сентября 1625 г., в том же году был составлен еще один - только с поместными окладами⁵⁵. Наиболее ранняя датированная помета - о Ф.В. Панове: "133 апреля в 6 день в дьяцех послан в Кизилбаша"⁵⁶.

Сравнение текстов трех списков 7133 г. показывает, что фиксация перемещений по службе жильцов проводилась во всех названных документах. Сравним имеющиеся в них пометы над именем И.М. Волярского.

Список с указанием местонахождения поместья.

"133-го отставлен из житя"⁵⁷.

Список с поместными и денежными окладами

"133-го отставлен из житя"⁵⁸.

Список с поместными окладами

"133-го отставлен, а служит с Коломны"⁵⁹.

Иногда пометы, идентичные по своему содержанию и сделанные одной рукой, различаются в стилистическом отношении, как, например, запись о И.А. Ржевском.

Список с поместными и денежными окладами.

"133-го мая в 15 день государь пожаловал, велел написать в Московский список"⁶⁰.

Список с поместными окладами.

"133-го мая 15 день с Москвы"⁶¹.

Вероятно, они делались не одновременно, и более пространный записи послужила непосредственным источником для краткой приписки.

Перестав пополняться новыми данными и поступив в архив приказа, окладные жилецкие списки продолжали использоваться в качестве справочного материала при рассмотрении дел о пожаловании жильцов в чины, окладами и прибавками к ним. Экземпляры некоторых жилецких списков посылались для справочных целей в другие приказы. Так, в 7134 г. (вероятно, после майского пожара 1626 г.) в Поместный приказ был отослан жилецкий список "за приписью дьяка Михаила Данилова"⁶². Имеется (правда, единственный нам известный) случай использования жилецкого списка в местническом деле. По списку 7119 г. в Разрядном приказе устанавливалось чиновное положение спорящих сторон - Якова Демьянова и Ивана Писемского⁶³. Подлинные окладные жилецкие списки использовались, вероятно, и для проведения различных смотров. Об этом свидетельствуют неоднократно встречающиеся рядом с фамилиями пометы "был", "нет". А в осеннем списке 1624 г. (с поместными и денежными окладами) над именем А.Ф. Лодыженского отмечено: "133-го у смотру сказали, что нет такова"⁶⁴. Жилецкие списки являлись источником для некоторых других разрядных документов. Так, их использовали при составлении и ведении боярских книг⁶⁵. В последних, кстати сказать, встречаются особые перечни московских дворян, пожалованных "из жития".

С середины XVII в. жилецкие списки меняют свою делопроизводственную форму; они состояются уже не в виде столбцов, а в виде книг. Эти материалы, охватывающие период с 1663 по 1710 г., образуют сейчас отдельный комплекс фонда Разрядного приказа⁶⁶. Показательно, что в приказе в составе Московского стола существовало особое повытье под названием "жилецкого списка"⁶⁷. Подьячие этого структурного подразделения в приказной служебной иерархии занимали место, следующее за подьячими самого представительного повытья Разряда - "боярского списка"⁶⁸. Нередко они и пополняли

затем его штат, поднимаясь, таким образом, по служебной лестнице. Например, в 1663-64 гг. "у жилецкого списка" состоял Иван Максимов⁶⁹. В 1677 г. он же "работает у боярского списка"⁷⁰. Алексей Яцкой, отвечавший за составление жилецкого списка в 1667/68 гг.,⁷¹ в 1679 г. был определен "к боярскому списку"⁷².

Даже краткое знакомство с составом и содержанием наиболее ранних окладных жилецких списков позволяет говорить о значении этих документов как исторического источника. За первую четверть XVII в. их сохранилось немного (хотя они и составлялись 1-3 раза в год). Тем более возрастает значимость информации, содержащейся в дошедших до нас списках. Она имеет особый интерес еще и потому, что не повторяется в полном объеме в других делопроизводственных материалах. В совокупности своей рассмотренные источники помогают уяснить характер окладной системы материального обеспечения дворянства, дают сведения о размерах окладов жильцов и их реальных владений (по "земляным" спискам), об особенностях их служебных назначений, о генеалогическом составе этого чиновного разряда. Жилецкие списки содержат богатый биографический материал. Анализ приемов их составления и ведения в приказе конкретизирует наши знания о постановке делопроизводства в центральных учреждениях XVII в. Поэтому необходимо проводить дальнейшее тщательное выявление и детальное изучение этих документов.

-
- 1 Станиславский А.Л. Источники для изучения состава и структуры Государева двора последней четверти XVI - начала XVII вв. Дисс. канд. ист. наук (Машинопись). М., 1973. С. 175-178.
 - 2 Изюмов А. Жилецкое землевладение в 1632 г. М., 1913.
 - 3 Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. - В кн.: Актовое источниковедение. М., 1979. С. 146-147.
 - 4 ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы Московского стола, д. 6, столпик 1, л. 254; столпик 2, л. 202, 330.
 - 5 ЦГАДА, ф. 389, Канцелярия Московского разрядно-сенатского архива, кн. 833, л. 153.
 - 6 Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. С. 147.

- 7 ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 13, л. 389, 391.
- 8 Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. С. 147.
- 9 Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. приложение IУ. С. 53.
- 10 ЦГАДА, ф. 210, оп. 20, д. 221, л. 186.
- 11 Там же, столбцы Московского стола, д. 1093, столпик I, л. 1-49.
- 12 Там же, л. 15.
- 13 Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени (1604-1617). М., 1912. С. 239-240.
- 14 ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 900, столпик 2, л. 24.
- 15 Там же, д. 900, столпик I, л. 6-42. Скорпись одного почерка первой половины ХУП в.
- 16 Там же, л. 23, 24, 26.
- 17 Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века, приложение IУ. С. 44-45.
- 18 ЦГАДА, ф. 236, Герольдмейстерская контора, оп. 2, кн. I, л. 213 об.
- 19 Там же, ф. 210, боярские книги, кн. I, л. 257.
- 20 Там же, столбцы Московского стола, д. 900, столпик I, л. 43-103.
- 21 ЦГАДА, ф. 210, оп. 20, д. 221, л. 186.
- 22 Так, на л. 5 значится Д.И. Пузиков. Он же в разрядах под 7127 г. назван головой у стрельцов (Разрядная книга 1550-1636 гг., т. П, вып. 2, М., 1976. С. 314).
- 23 ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 900, столпик I, л. 52.
- 24 Там же, л. 100.
- 25 Там же.
- 26 Там же, л. 44.
- 27 Там же, д. 900, столпик I, л. 10.
- 28 Акты Московского государства, т. I, СПб., 1890. С. 129-130.
- 29 ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 900, столпик 2, л. 1-80. Скрепа - дьяка Марко Поздеева.
- 30 Там же, оп. 20, д. 221, л. 186 об.
- 31 Там же, столбцы Московского стола, д. 1070, столпик 7, л. 1-85. На л. 6 над именем Ф.И. Шеранова: "сентября 15 отпущен для отца ево смерти"; на л. 3 над именем Б.Б. Милославского: "131 генваря в 24 день - с Москвы".
- 32 Там же, л. 6.
- 33 Там же, д. 900, столпик 2, л. 2.
- 34 Там же, д. 900, столпик 3, л. 1-49. Скопись одного почерка первой четверти ХУП в. (аналогичный - в списке 7125 г.).
- 35 Там же, д. 900, столпик 2, л. 15.
- 36 Там же, д. 900, столпик 3, л. 7.
- 37 В 7126 г. была составлена также "книжница в полдсть раздачи денежного жалованья жилцом 126-го, за приписью дьяка Ивана Грамотина" (там же, оп. 20, д. 221, л. 186 об.).

- 38 Там же, д. 900, столпик 2, л. 7.
- 39 Там же.
- 40 Там же, д. 900, столпик 3, л. 3.
- 41 Там же, оп. 20, д. 221, л. 187. Она упоминает также не дошедшие до нас хилецкие списки 7128 и 7129 гг. (л. 186 об.).
- 42 Там же, столбцы Приказного стола, д. 20, л. 391.
- 43 Там же, оп. 20, д. 221, л. 187.
- 44 Там же, столбцы Московского стола, д. 17, л. 1-70. Начала нет. На л. 1 об. скорописью второй половины XVII в.: "Список хилецкой 132-го году".
- 45 Там же, л. 7.
- 46 Там же, л. 54.
- 47 Там же, л. 64.
- 48 Там же, л. 66.
- 49 Там же, д. 888, столпик 3, л. 1-122. Начала нет. Скрепа - дьяка Федора Степанова.
- 50 Там же, л. 4. У многих хильцов, имевших поместные оклады, реальных владений не было. Рядом с их именами указано: "Без поместей".
- 51 Там же, л. 700.
- 52 Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVII века, приложение IV, С. 45.
- 53 ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 897, столпик I, л. 1-97. Начала нет. Скоропись одного почерка первой четверти XVII в. (аналогичный в упомянутом списке 1624 г.). л. 34 должен следовать за л. 32. Скрепа дьяка Федора Степанова.
- 54 Там же, л. 40, 55, 66.
- 55 Там же, д. 888, столпик I, л. 4-86. Начала нет. Скрепа - дьяка Федора Степанова.
- 56 Там же, л. 12.
- 57 Там же, д. 888, столпик 3, л. 90.
- 58 Там же, д. 897, столпик I, л. 73.
- 59 Там же, д. 888, столпик I, л. 64.
- 60 Там же, д. 897, столпик I, л. 9.
- 61 Там же, д. 888, столпик I, л. 6.
- 62 Там же, ф. 1209, столбцы Поместного приказа, д. 3, л. 14.
- 63 Там же, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 17, столпик 3, л. 35.
- 64 Там же, д. 897, столпик I, л. 77.
- 65 Лукичев М.П. Боярские книги XVII в. - СЛ. 1980, № 5. С. 53; он же: Источники боярских книг XVII века. - В кн.: Вопросы источниковедения и историографии истории СССР дооктябрьского периода. М., 1981, С. 127-138.
- 66 ЦГАДА, ф. 210, оп. 3, кн. 1-83.
- 67 Там же, ф. 248, Сенат и сенатские учреждения, кн. 648, л. 117.
- 68 О функциях этого повытья см.: Лукичев М.П. Боярские книги XVII в. С. 53-54.
- 69 ЦГАДА, ф. 210, оп. 20, д. 31, л. 2.
- 70 Там же, столбцы Московского стола, д. 527, л. 64.
- 71 Там же, оп. 21, д. 211, л. 6.
- 72 Там же, столбцы Московского стола, д. 536, л. 313-314.

В.Н.Козляков
ДЕСЯТНИ, "СЫСНЫЕ" И "ПОДЛИННЫЕ" СПИСКИ
ГОРДОВЫХ СЛУЖИЛЫХ КОРПОРАЦИЙ ВЕРХНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ХУП ВЕКА

Источники по истории наименее привилегированной части господствующего класса России ХУІ-ХУП вв. - городских дворян и детей боярских слабо изучены как в дореволюционной, так и в советской исторической науке. Источниковедческие работы десятилетиям посвящали русские историки Н.В.Калачев, В.Н.Сторожев, Н.Н.Оглоблин и Л.М.Сухотин¹. Они рассматривали, в основном, вопросы определения и классификации этих источников. В конце ХІХ - начале ХХ вв. В.Н.Сторожев и другие исследователи осуществили публикации всех известных к тому времени десятен ХУІ в., воронежских, нижегородских, рязанских, тверских десятен ХУП в.² В советской историографии в 20-60-е гг. десятилетия, как источник по истории правящих групп и землевладения служилых "городов" ХУП в. изучал А.А.Новосельский³. В 70-е - первой половине 80-х гг. появился ряд монографий, учебных пособий и диссертационных работ В.М.Важинского, В.Б.Кобрина, И.И.Соколовой и С.В.Позднякова, посвященных землевладению русских феодалов ХУІ в., служилых корпораций приокских и Малоярославецкого уездов во второй половине ХУІ - первой половине ХУП вв. общины однодворцев на юге русского государства в ХУП в.⁴ В этих исследованиях намечается путь сравнительного изучения десятен с материалами писцовых описаний, столбцами Поместного приказа. А.Л.Станиславский опубликовал новые десятилетия ХУІ в.⁵ В ряде статей М.Г.Кротов обосновал методику реконструкции утраченных десятен второй половины ХУІ - первой четверти ХУП вв.⁶

Таким образом, в настоящее время остаются малоизученными вопросы периодичности составления десятен в первой половине ХУП в., их взаимоотношение с другой документацией Разрядного приказа по учету служилых "городов" - "сыскими", "подлинными" списками дворян и детей боярских. Этим вопросам и посвящена настоящая работа.

Городовые служилые корпорации в первой половине ХУП в. обладали рядом региональных особенностей. Это отражалось в учете их состава в разных столах Разрядного приказа, в назначении места проведения разбора и верстания, в особенностях несения службы в полках в определенных районах, в географическом размещении принадлежавших служилым людям поместий и вотчин в соседних уездах, и, наконец, в родственных связях представителей служилого "города". Поэтому для исследования выбран один регион - Верхнего Поволжья, охватывающий значительные по территории Ярославский и Костромской уезды, и тяготеющие к ним более мелкие Галичский, Романовский, Ростовский, Пошехонский, Угличский уезды.

Какова же была периодичность составления десятен служилых корпораций этих уездов в первой половине ХУП в.? Рассмотрим выявленные нами в составе архива Разрядного приказа в ЦГАДА и Эрмитажного собрания ОР ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина десяти служилых "городов" Верхнего Поволжья, а также упоминания о составлении этих документов, вошедшие в разрядные книги.

О проведении первого в ХУП в. верстания городских дворян и детей боярских мы узнаем именно из разрядной книги. Составитель одной из ее редакций начала ХУП в. приводит роспись городов, в которые, согласно распоряжению Лжедмитрия I, в 1604/1605 гг. были посланы воеводы для пересмотра денежных окладов служилых людей. По этой росписи "на Кострому послан верстат Костромич и Ярославцов боярин князь Андрей Петрович Куракин, да князь Яков Петрович Зорятинской". Трудно сказать, каковы были результаты этого верстания, так как десяти начала ХУП в. городских служилых корпораций Верхнего Поволжья не сохранились.

Самые ранние из известных нам десятен по вышеперечисленным уездам - десяти денежной раздачи 1617 и 1618 гг. В официальных редакциях разрядных книг сохранились списки наказов воеводам, производившим раздачу жалованья. Из этих наказов узнаем, что в сентябре 1617 г. воевода Д.М.Черкасский и дьяк В.Яковлев выдали деньги дворянам и детям бояр-

ским Ярославля (398 чел.), Костромы (612 чел.), Галича (323 чел.), Вологды (109 чел.), Романова (62 чел.), Пошехонья (67 чел.), Углича (70 чел.)⁸. Осенью следующего 1618 г. другим воеводою И.Б.Черкасским были составлены десятины раздачи денежного жалованья служилым "городам", собравшимся в Ярославле для борьбы с войсками польского королевича Владислава. Перечень городских корпораций, но уже без указания их количественного состава, также находим в наказе И.Б.Черкасскому. Это Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Кострома, Галич, Романов, Пошехонье, Вологда, Дмитров, Кашия, Углич, Бежецкий Верх и другие⁹. Из большого комплекса десятиен, охватывавших все верхневолжские корпорации в 1617 и 1618 гг. утрачено большинство, за исключением одного "города" - Пошехонья¹⁰.

Рассмотрим внутренний состав сохранившихся источников. Десятина денежной раздачи 1617 г. пошехонским дворянам и детям боярским открывается предисловием, из которого мы узнаем о порядке составления документа. Первое, что должны были сделать составители десятиен 1617 г. в соответствии с наказом - выявить дворян и детей боярских, участвовавших в предыдущих разборах и верстанях в качестве окладчиков и выбрать новых. Согласно предисловию, Д.М.Черкасскому было указано далее: "пересмотрев дворян и детей боярских роспрашивати про тех про всех прс дворян и детей боярских окладчиков, что кому поместный и денежный оклад по верстанью и что кому при царе Василье поместные и денжные оклады учинены и сколько кому за которые службы придано было"¹¹. Кроме выяснения размеров жалованья составители десятины вместе с окладчиками должны были указать количество земли, находившейся в поместном или вотчинном владении служилого человека и количество живущих на его землях крестьян. В случае, если поместья или вотчины оказывались пустыми, необходимо было указать причины их запустения. Конечная цель всех этих вопросов - установление служебной годности городских дворян: "кому мочно вперед с овсих поместий и вотчин государева служба служить без жалованья, кому з жалованьем, которым

и з жалованьем не мочно"¹². Следовательно, "программа" десятиен 1617 г. была довольно широкой. Некоторые ее элементы, например, наличие формулы "окладчики сказали" сближают эти источники с разборными десятинями. Все это значительно повышает информативную ценность десятиен раздачи денежного жалования 1617 г., поскольку они содержат не только перечень лиц, получивших жалование, но и сведения о службах, времени верстанья городских дворян и детей боярских. Отметим представляющие несомненный интерес многочисленные указания на верстание пошехонских дворян и детей боярских "в 114 году (1605/1606 гг.)"¹³, что, на наш взгляд, подтверждает факт составления верстальной десятини по этой верхневолжской корпорации если не при Лжедмитрии I, то во время правления царя Василия Шуйского.

Формуляр десятини денежной раздачи 1618 г. также связан с некоторыми чертами разборной десятини. Это нашло отражение уже в предисловии к источнику, где мы встречаем следующие формулы: "боярин и воевода князь Иван Борисович Черкасский разбирали дворян и детей боярских пошехонцев с окладчики", "а что про ково у розбору боярину и воеводам князю Ивану Борисовичю Черкасскому с товарищи окладчики сказали, и то писано в сей десятине", "у розбору и верстанья... были окладчики"¹⁴. Но в тексте десятиен отсутствует передача сказок окладчиков о каждом служилом человеке. Слово "розбор" здесь означает не установление новых окладов и норм вооружения и количества людей, выставляемых в поход городовым дворянином, а лишь фиксацию уже существовавшего порядка. В соответствии с этим имена пошехонских дворян и детей боярских записаны по двум большим разделам - кто из них "будет в службу" или "не будет". Как и предписывалось наказом И.Б.Черкасскому, десятини 1618 г. преследовали цели раздачи денежного жалования служилым людям, собравшимся в Ярославле. Вместе с тем, в условиях нарушенной событиями "смутного времени" системы учета состава служилых "городов" каждому воеводе приходилось заново определять служебное положение дворян и детей боярских, являвшееся

основанием для выдачи жалованья.

Наиболее полные сведения о составе, вооружении и служебной годности провинциального дворянства вошли в разборные десятины 1622 г. Смотр этого года носил общегосударственный характер, поэтому значение разборных десятен как источников повышается в связи с возможностью их сравнительного изучения по разным уездам Русского государства. Разрядные книги сообщают, что для разбора городовых служилых корпораций Романова, Ростова, Пошехонья, Ярославля и ряда других городов в Ярославль были посланы воевода Д.Т.Трубецкой и дьяк М.Поздеев, костромичей и галичан разбирали в Костроме воевода Г.П.Ромодановский и дьяк И.Мизинов, разборные десятины по Угличу составляли в Кашине воевода Ф.С.Куракин, дьяк А.Ботвиньев¹⁵. Большинство десятен верхневолжских служилых корпораций 1622 г., видимо, сгорело во время московского пожара в мае 1626 г., уничтожившего значительное количество документов из архива Разрядного приказа. Однако, сразу же после этого пожара был предпринят розыск черновых материалов и копий разборных десятен, оставшихся у воевод, проводивших смотр 1622 г. Так, в частности, удалось восстановить разборную десятню по Угличу. Согласно предисловию к ней черновик разборного списка угличских дворян и детей боярских 1622 г. хранился у воеводы Ф.С.Куракина и в 1626 г. был взят в Разрядный приказ, где с этого документа была заново сделана десятня (книга)¹⁶. Черновой угличский разборный список 1622 г. в настоящее время не найден. Однако, можно предположить, что подобные материалы оставались в Разрядном приказе, например, известен черновой разборный список 1622 г. по Пошехонью, также имевший скрепу дьяка Михаила Данилова¹⁷. Следовательно, из материалов разбора 1622 г. по верхневолжским служилым "городам" известны в настоящее время лишь угличская десятня, составленная в 1626 г., на основании черновика разборного списка 1622 г. и черновые материалы к разборным десятинам пошехонских дворян и детей боярских.

Отличительной чертой разборных десятен 1622 г. являет-

ся полнота учета в них состава городовых служилых корпораций. Как свидетельствуют наказания воеводам, проводившим смотры провинциальных дворян и сохранившиеся материалы разбора, в десяти были включены не только имена выборных дворян, дворовых и городовых детей боярских, исправно выезжавших на службу, но и те лица, которые по разным причинам не несли ее "за старостью", "за увечьем", "за худобой", "воровством", находились в отставке или "сдали" свои поместья другим лицам, "ушли" в холопы или в монастырь. Были приняты некоторые дополнительные меры и для более полного учета "поспевших" в службу новиков - городовых дворян и детей боярских, достигнувших 15-летнего возраста. На смотрах 1622 г. новиков верстали окладами, причем, всем служилым "городам" было объявлено о том, что следующее новичное верстанье состоится лишь через несколько лет¹⁸. Таким образом, разборные десяти 1622 г. полнее передают состав городовых служилых корпораций, чем десяти денежной раздачи предыдущих лет. Общегосударственный смотр явился завершающим этапом в восстановлении учета служилых "городов" в Разрядном приказе.

В 1630-1631 гг., почти через десять лет после проведения разбора 1622 г. были составлены новые десяти - денежной раздачи. Они опирались на проведенное в августе 1630 г. Ю.А. Сулешевым и осенью-зимой 1630/1631 гг. Д.М. Пожарским верстанье представителей ряда служилых корпораций Замосковского края на три статьи для получения денежного жалованья - "первую", "вторую" и "третью". Это верстанье было оформлено в так называемых разборных списках, образцы которых по некоторым служилым корпорациям Верхнего Поволжья хранятся в столбцах Разрядного приказа в ЦГАДА¹⁹. Рассматривая особенности, во-первых, следует обратить внимание на присутствие при составлении разборных списков окладчиков - дворян и детей боярских, выбранных служилыми "городами" отвечавших на вопросы о служебной годности представителей корпорации. Во-вторых, разборные списки 1630-1631 гг. имели существовавший до тех пор порядок учета состава городовых

довых служилых корпораций²⁰. С этого времени утвердилось их новое деление на две половины: "первую" и "другую". Это деление закрепляло сложившуюся в 20-е гг. ХУП в. практику поочередного вызова "на украинную службу" первой и второй половин служилых "городов" Замосковского края²¹. В-третьих, была проведена унификация денежных окладов дворян и детей боярских, получавших жалованье "с городом". Отныне денежные оклады городских дворян делились на три статьи по количеству выплачиваемых денег: 1-я - 25 рублей, 2-я - 20 рублей, 3-я - 15 рублей²². Служба в каждой статье и, соответственно, количество получаемого жалованья, должны были зависеть от служебной годности дворян и детей боярских и характера выполняемой ими службы. Отдельно в разборном списке 1630 г. были записаны те их представители дворянских корпораций, кто по своей бедности или болезни не мог нести службу и, следовательно, претендовать на жалованье в какой-либо статье.

Разбор и верстанье в статьи, проведенные Ю.Я. Сулешевым и Д.М. Пожарским, были закреплены в 1630/1631 гг. составлением десятен раздачи денежного жалованья. В настоящее время сохранились десятины 1630 г. - по Угличу (подлинник), Костроме и Помехонью (списки ХУП в.) и 1631 г. - по Ростову (подлинник)²³. Не обнаружены десятины 1630-1631 гг. по Галичу, Романову и Ярославлю. Впрочем, выписки из последней, сделанные в конце ХУШ в., хранятся в делах ярославского дворянского депутатского собрания²⁴, что подтверждает факт составления этого источника в 1631 г.

Рассмотрим порядок раздачи денежного жалованья в 1630-1631 гг. Первый указ об этом последовал 1 сентября 1630 г.²⁵

С.В. Прозоровскому было указано ориентироваться на разборные списки 1630 г., взяв их у одного из составителей - дьяка Н. Постникова. После выдачи денег составлялись десятины, в которых были записаны имена дворян и детей боярских по статьям с указанием помесного и денежного оклада, службы по выбору, по дворовому списку или с городом, именами поручителей и записями о служебной годности дворян и де-

тей боярских²⁶. Однако последние записи не носили самостоятельного характера, а были перенесены из разборных списков²⁷.

2 марта 1631 г. последовал указ боярину Д.М.Пожарскому и дьяку Ф.Панову о раздаче денежного жалованья городовым дворянам и детям боярским, в том числе по Ростову и Ярославлю²⁸. В предисловии к ростовской десятне 1631 г. разбор "139"го года" (не ранее 1 сентября 1630 г.), во время которого представители служилой корпорации этого уезда были также поделены на три статьи для выдачи денежного жалованья, упомянут без имен разборщики. Однако текст десятни позволяет установить, что "разбор" проводили ранее сами ее составители. Так в одной из статей (разделов) десятни записано о том, что часть новиков "по верстанью боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарского, да дьяка Федора Панова 139 году поместными и денежными оклады верстаны, а к деньгам не объявились"²⁹. Десятни 1631 г. были составлены по той же схеме, что и десятни 1630 г. Как те, так и другие десятни опирались на разборные списки и содержали сведения о величине поместных и денежных окладов, положении служилого человека на чиновной лестнице своей корпорации, о его служебной годности. Содержатся в этих источниках и имена городовых дворян и детей боярских, не получивших денежного жалованья по разным причинам: "за худобю, и за бедностью, и за старостью, и за увечьем, и которые написаны в отсылках и у дел, и к Москве не бывали, и померли"³⁰.

Наличие двух указов о раздаче денежного жалованья в 1630-1631 гг. объясняется тем, что "верстанье" служилых "городов" было проведено Ю.Я.Сулешевым и Д.М.Пожарским в разные сроки. Разборные списки, составленные этими воеводами, явились основой десятен 1630-1631 гг. Поэтому в случае утраты десятен разборные списки могут быть использованы для восстановления сведений о составе городовых служилых корпораций.

Деление на статьи денежного жалованья было сохранено при раздаче денег за "смоленскую службу" в 1634 г. По городским служилым корпорациям Верхнего Поволжья сохранились

десятни раздачи денежного жалованья, составленные в 1634 г.: воеводами Н.И.Одоевским, И.Ф.Шаховским и дьяком Н.Леонтьевым - (Ярославль, Углич); воеводой А.В.Хилковым, дьяком Г.Леонтьевым - (Галич)⁵¹. В предисловиях к этим десятям указывается, что в 1634 г. запись в статьи денежного жалованья была поставлена в зависимость от продолжительности службы под Смоленском. Всего было определено две статьи жалованья: 1-я - 25 рублей, 2-я - 20 рублей. В 1 статью включались служилые люди, "которые были на государеве службе под Смоленским сентябрю по 18-е число, по отход окольничево князь Семена Васильевича Прозоровского и съехали после отходу"⁵². Сюда же входили дворяне и дети боярские, уехавшие из-под Смоленска до этого срока "с отписками", "с сеунчом" и "с языки" в московские приказы, а также раненные и больные. 2-ю статью жалованья получили городовые дворяне и дети боярские 1 статьи, самовольно уехавшие из полков под Смоленском и в Белой до отхода С.В.Прозоровского. 20 рублей за службу под Смоленском и в Белой получили и остальные служилые люди 2 и 3 статей (по верстанью 1630-1631 гг.).

Следовательно, десятни 1634 г. помимо состава служилых корпораций сообщают сведения о службе ее представителей под Смоленском. Это не единственные дополнительные сведения десятен. В ряде ее статей записаны имена тех, кто не получил жалованье и служилых людей "нетчиков", не явившихся на службу под Смоленск. Большой интерес представляют приводимые в десятях 1634 г. имена детей боярских, служивших в рейтарах и в солдатах. Десятни сообщают и о лицах, продолжавших служить под Смоленском после раздачи жалованья, убитых и раненых на службе.

После 1634 г. наступил долгий перерыв в выдаче денег городовым служилым корпорациям Верхнего Поволжья. Лишь 25 июня 1648 г. последовал указ воеводе В.П.Ахамашуксову-Черкасскому и дьяку С.Софонову о том, чтобы выдать "денежное жалованье дворянам и детям боярским замосковных городов, тем которым в нынешнем во 156 году велено быти на госуда-

рече службе на Украине с воеводами по местам ярославцом и ярославским помещиком новокрещенам, костромичам, старичаком, можаичем, Юрѣва Польского"³³. В 1648 г. жалованье выдавалось не всему служилому "городу", а лишь тем, кто должен был идти летом 1648 г. на службу для обороны южных границ государства. В единственном сохранившемся списке десяти денежной раздачи 1648 г. по Ярославлю записаны поэтому имена одной - I половины дворян и детей боярских. Для всех служилых людей была установлена одна указная статья жалованья - 14 рублей, значительно меньшая, чем при предыдущих раздачах денег в 1630-1631 и 1634 гг. В десятнях денежной раздачи 1648 г. отсутствовало деление на I-2-3 статьи, а дворяне и дети боярские были записаны по разделам: выбор, дворовые, городовые и новики.

Выдача жалованья части дворян и детей боярских замосковского края в 1648 г., видимо, не удовлетворила служилые "города" в целом. В декабре 1648 г. было принято решение о проведении нового смотра и составлении разборных десятен. По свидетельству грамоты, посланной из Разрядного приказа ярославскому воеводе И.Г.Квашнину, проведение разбора было следствием коллективной челобитной дворян и детей боярских "разных городов" о том, чтобы "их пожаловать, велеть разобрав дать... денежное жалованье в городах без московские волокиты"³⁴. Для разбора и раздачи денежного жалованья в Ростов, Ярославль, Кострому, Вологду и Белоозеро были посланы боярин М.М.Салтыков и дьяк Н.Шипулин. Для этих целей из Приказа Большой казны было выделено 35 402 р.³⁵

Из разборных десятен 1649 г. по верхневолжским служилым корпорациям сохранилась лишь одна - I половины костромских дворян и детей боярских. В предисловии к костромской десятне сохранились вопросы, которые М.М.Салтыков и Н.Шипулин должны были задавать, разбирая провинциальных дворян. Эти вопросы связаны с определением характера выполняемой ими службы, количества оружия и лошадей, выставляемых в поход, проверкою точности исполнения приказов о приезде на службу к определенным срокам. Специальный вопрос

был посвящен выяснению местонахождения дворян и детей боярских в 1646-1648 гг., когда большинство их служило на южной окраине государства "в Курску, в Белгороде, в Карпове... для береженья от приходу воинских людей" и участвовали в сооружении укреплений ("городовые крепости и земляное дело делали")³⁶. Костромская разборная десятина была составлена 25 января 1649 г. вместе с десятными служилых людей "гервых половин" по Переславлю-Залесскому и Можайску, "которым государево денежное жалованье дано на Москве в прошлом во 156 и в нынешнем во 157 году"³⁷. Следовательно, раздачу денежного жалованья в 1648-1649 гг. и проведение разбора 1649 г. можно рассматривать как последовательно осуществленные мероприятия в интересах служилых "городов".

Рассмотрим насколько полно сохранились десятины городовых служилых корпораций Верхнего Поволжья первой половины ХУП в. С этой целью обобщим сведения об известных нам рукописях десятен в виде таблицы. Обозначим сохранившиеся полные экземпляры знаками "+" - подлинник, "х" - список ХУП в., неполные экземпляры - "+-" или "х-". Знак "-" означает, что источник утрачен или не разыскан.

Таблица³⁸

Сохранность десятен городовых служилых корпораций Верхнего Поволжья первой половины ХУП в.

	1605	1617	1618	1622	1630/31	1634	1648	1649
Ярославль	-	-	-	-	-	+	х-	-
Кострома	-	-	-	-	х	-	-	+
Галич	-	-	-	-	+	+	-	-
Попехонье	-	+	+	-	х	-	-	-
Романов	-	-	-	-	-	-	-	-
Ростов	-	-	-	-	+	+	-	-
Углич	-	-	-	х	+	+	-	-

Для восполнения лакун, возникших вследствие утраты текстов десятен, можно использовать "сыскные" и "подлинные" списки служилых "городов". "Сыскные" списки упоминаются в

делопроизводстве Разрядного приказа в 10-е гг. ХУП в. В это время для того, чтобы восстановить систему учета служилых "городов", правительство царя Михаила Федоровича предприняло широкие розыски, или "сыск" десятен и списков городских дворян и детей боярских, составлявшихся по случаю их разбора, верстания, раздачи денежного жалованья и выхода на службу в составе ратных отрядов.

Из крупных верхневолжских служилых "городов" в нашем распоряжении имеется "сыскной" список по Костроме. Этот список был отослан костромским воеводой Ф.Кобылиным 16 сентября 1616 г. в Разрядный приказ вместе с отпиской, которая объясняет его происхождение. Список хранился у стольника и воеводы И.Хилкова и был взят у него по приказу, данному Ф.Кобылину из Разрядного приказа³⁹. Заголовок источника свидетельствует, что в нем записаны имена костромских дворян и детей боярских, принявших участие в 1612 г. в ополчении Д.М.Пожарского и К.Минина⁴⁰. В списке учтен весь костромской служилый "город", как служивший в ополчении, так и остававшийся по разным причинам в Костроме, указаны поместные оклады его представителей из числа выборных дворян, дворовых и городских детей боярских и новиков. Этот документ в 1612 г., видимо, оставался в костромской приказной избе, где в него вносились записи о новиках, поверстанных в ополчении⁴¹. "Сыскной" список костромских дворян и детей боярских 1612 г. является одним из наиболее ранних источников о составе служилой корпорации этого уезда и одновременно дает материал для изучения участия ее представителей в сложных событиях "смутного времени" в начале ХУП в.

Сохранился ряд "сыскных" десятен и списков 10-х гг. ХУП в. по "малым" верхневолжским служилым корпорациям. Все они вошли в состав одного сборника из Эрмитажного собрания ОР ГИБ⁴². Этот сборник представляет собой список ХУП в. с книги, составленной в Разрядном приказе из переписанных "сыскных" списков, присланных воеводами и дьяками из городов, или взятых в Разряд у воевод, которые ранее собирали

городовых дворян и детей боярских на службу. Подлинные "сыскные" списки, как свидетельствует предисловие к Эрмитажному сборнику, сгорели в московский пожар 1626 г. и уже списки с них, вошедшие в так называемую "Книгу сыскную" были спасены вместе с другой документацией Разрядного приказа. Сборник из Эрмитажного собрания является копией "Книги сыскной", подлинник которой в настоящее время также не сохранился.

Из источников о составе городовых служилых корпораций Верхнего Поволжья, вошедших в "Книгу сыскную" отметим следующие списки дворян и детей боярских:

по г. Романову

- 1) 1608-1609 гг. - Список "за приписью дьяка Ивана Ефанова 117 году" (лл. 3-6).
- 2) 1606-1610 гг. - Список "каков сыскан в Разряде после Московского разоренья, а у подлинново списка припись дьяка Михаила Данилова" (лл. 51 об. - 54).
- 3) 1614 г., ноября 27 - Список "за приписью дьяка Марка Мартемьянова и за окладчиковыми руками, что кому был помещной и денежной оклад при царе Василье по выпросу окладчиков" (лл. 7-17 об.). Этот документ составлял Б.Н.Волошенинов - сыщик, специально посланный из Разрядного приказа;

по г. Галичу

- 1) 1608-1609 гг. - Список, отданный в 1614 г. в Разрядном приказе воеводою П.Мансуровым. По его словам указанный источник был списан им со списка, взятого у галичского губного старосты Дея Чередова в 1611 г., когда, возглавив отряд галичских дворян и детей боярских, Петр Мансуров выступил в поход для соединения с другими отрядами первого пополчения П.П.Ляпунова. Дею Чередову список был дан "при царе Василье за приписью дьяка Ивана Ефанова" (лл. 18 об. - 36).
- 2) 1606-1610 гг. - Список, найденный в Разрядном приказе "после Московского разоренья" за приписью дьяка Михаила

Данилова (лл. 60-69);

по г. Ростову

1) 1616 г. - Список, присланный ростовским воеводою боярином А.А.Нагим с указанием на поместные и денежные оклады, которые были у ростовских дворян и детей боярских "при царе Василье" "за окладчиковыми и за детей боярских руками" (лл. 36 об. - 44);

по г. Пошехонью

1) 1606-1610 гг. - "Список дворян и детей боярских пошехонцев, списан / с / списка, каков список сыскан после московского разоренья 118 году, что кому был поместной оклад при царе Василье" (лл. 44 об. - 51)⁴³.

Таким образом, в настоящее время сохранилось 8 "сыскных" списков по исследуемым нами верхневолжским служилым корпорациям: Костроме - 1, Галичу - 2, Романову - 3, Ростову - 1, Пошехонью - 1. Не обнаружены сыскные списки по Угличу и Ярославлю⁴⁴. Один "сыскной" список - по Костроме - подлинник, остальные - копии ХУП в. По хронологии указанные списки можно разделить на несколько групп:

1) Списки 1608-1609 гг. "За приписью дьяка Ивана Ефанова" - Романов (№ 1), Галич (№ 1).

2) 1606-1610 гг. - Списки, "сысканные после московского разоренья" за приписью дьяка Михаила Данилова - Романов (№ 3), Галич (№ 2), Пошехонье (№ 1).

3) 1614 г. - Список, составленный специальным сыщиком, посланным из Разрядного приказа - Романов (№ 2).

4) 1616 г. - Списки, разысканные или составленные городовыми воеводами - Кострома (список 1612 г.); Ростов (№ 1).

Поиск списков служилых "городов" Верхнего Поволжья в 10-е гг. ХУП в. был организован в разных направлениях: в архиве Разрядного приказа, у воевод, собиравших на службу городовых дворян. В города рассылались специальные сыщики для восстановления размеров окладов денежного и поместнос-

го жалованья служилых людей. Воеводам на местах присылались грамоты с требованием "сыска" списков служилых "городов", сведений о составе городских дворян и детей боярских при царе Василье Шуйском.

Основное значение "сыскных" списков в плане изучения состава служилых "городов" Верхнего Поволжья состоит в том, что они являются наиболее ранними из сохранившихся источников, в достаточно полном объеме зафиксировавших имена городских дворян и детей боярских этого региона. Для первой половины ХУП в. сведения "сыскных" списков 10-х гг. (при утрате десятен конца ХУІ - начала ХУІІ в.) становятся отправной точкой изучения эволюции состава уездных служилых корпораций.

Сведения утраченных десятен первой половины ХУП в. о составе служилых "городов" восстанавливаются также на основании "подлинных" списков. Эти источники повторяли сведения десятен о личном составе уездных корпораций и составляли с ними единый делопроизводственный комплекс по учету состава городского дворянства в первой половине ХУП в. Краткую характеристику "подлинных" списков дал А.Л.Станиславский, рассматривавший порядок учета в них выборных дворян⁴⁵.

По Костроме и Ярославлю нами обнаружены "подлинные" списки за три года - 1628, 1631, 1637 гг. Их дата устанавливается на основании самой ранней из содержащихся в тексте списков точно датированных помет. "Подлинные" списки за каждый год хранятся вместе по обоим городам в составе одного столбца. Это свидетельствует о том, что ярославская и костромская служилые корпорации были связаны общностью учета в делопроизводстве Разрядного приказа.

Представление о формулярах "подлинных" списков разных лет дает их описание:

"Подлинны" списки городских дворян и детей боярских гг. Костромы и Ярославля 1628 г. - ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы новгородского стола, № 14, лл. 6-93 (Кострома), лл. 94-165 (Ярославль).

Кострома: выборные дворяне (лл. 6-10), дворовые дети

боярские (лл. 10-17), городовые дети боярские (лл. 17-61), новики 1627/1628 гг. (лл. 61-73), "худопоместные" (лл. 74-76), недоросли (лл. 76-78), пометы о памятях из приказов (лл. 79-80), "селищенские помещики" (лл. 83-85), костромские дети боярские, отставленные от службы по разбору 1622 г. (лл. 86-90), помещики Пошехонского и Касимовского уездов (л. 90), новики, поверстанные в Разрядном приказе в 1626/1627 гг. "за полон" (л. 91), пометы о памятях из приказов (лл. 92-93).

Ярославль: выборные дворяне (лл. 94-100), дворовые дети боярские (лл. 100-109), городовые дети боярские (лл. 110-151), новики по памятям из Поместного приказа и из недорослей (лл. 152-156), недоросли "с прожиточных пометий" (лл. 157-159), новик, поверстанный в Разрядном приказе в 1627/1628 гг. "за полон" (л. 159), ярославские дети боярские, "окладчики про них сказали, что оне бедны" (лл. 159-160), ярославские дворяне и дети боярские, служившие городовую службу (лл. 160-165).

"Подлинные" списки городовых дворян и детей боярских гг. Ярославля и Костромы 1631 г. - ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, столбцы московского стола, № 1085, столпик 3, лл. 1-59, столпик 1, лл. 1-49 (Ярославль), столпик 1, (лл. 51-173) Кострома.

Ярославль: начало списка утрачено; ... (первая статья), городовые дети боярские, новики 1630 г. (столпик 3, лл. 1-23, столпик 1, лл. 1-11); вторая ("другая") статья: дворовые и городовые дети боярские, новики 1630/1631 гг. (столпик 1, лл. 12-34); третья статья: городовые дети боярские, новики 1628-1631 гг. (столпик 3, лл. 24-35, столпик 1, лл. 35-45); ярославские дворяне и дети боярские, не получившие жалованье в 1630/1631 г., находившиеся на разных службах и отставные (столпик 3, лл. 36-59, столпик 1, лл. 46-47), пометы о памятях из приказов (столпик 3, лл. 52 об.-53 об., столпик 1, лл. 48-49).

Кострома: первая статья: выборные дворяне, дворовые и городовые дети боярские, новики 1628-1631 гг., "сележские

помещики" (Зубцов, Юрьев-Польской, Звенигород, Малоярославец, Мценск, Рославль, Медынь) (столпик I, лл. 51-97); вторая статья: дворовые и городовые дети боярские, новики 1628-1631 гг. (лл. 98-132); третья статья: городовые дети боярские (лл. 133-171), костромские дворяне и дети боярские, которым не выдано жалованье в 1630/1631 гг. (л. 172), пометы о памятях из приказов (л. 173).

"Подлинные" списки городовых дворян и детей боярских гг. Костромы и Ярославля 1637 г. - ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, оп. 20, столбцы разных столов, № 65, лл. 1-60 (Ярославль), лл. 61-140 (Кострома).

Ярославль: выборные дворяне (лл. 1-7), дворовые дети боярские (лл. 7-11), городовые дети боярские (лл. 12-32), ярославские дворяне и дети боярские, служившие в солдатах, городовую службу и отставные (лл. 33-39), новики 1634-1637 гг. (лл. 40-41), недоросли (лл. 42-51), ярославские новокрещены и служилые татары (лл. 52-60).

Кострома: выборные дворяне (лл. 61-68), дворовые дети боярские (лл. 69-78), городовые дети боярские (лл. 78-117), костромские дворяне и дети боярские, служившие в стрелецких сотниках (л. 118), новики 1634-1637 гг. (лл. 121-126), недоросли (лл. 127-137), пометы о памятях из приказов (лл. 138-140).

В "подлиннике" списки из десяти записывали имена всех представителей уездной служилой корпорации, в соответствии с существовавшим в ней чиновным перечнем: выборные дворяне, дворовые и городовые дети боярские, новики и недоросли. Указывались поместные оклады и иногда сведения о служебной годности дворян и детей боярских, о количестве выставляемых в поход людей, оружия и лошадей.

После составления "подлинных" списков в них вносились делопроизводственные пометы с целью учета изменений в составе служилых "городов" по сравнению с десятнями:

1) рядом с именами городовых дворян и детей боярских об их назначениях на службу, прибавках поместных окладов, отпусках, ранах, болезнях и смертях;

2) в самом конце "подлинного" списка сведения о включении

в состав служилой корпорации новых членов (недорослей по памятям из Поместного приказа, возвращавшихся из плена служилых людей и т. д.) Следует учесть, что пометы первого вида при копировании "подлинных" списков могли переноситься составителем нового списка из одного документа в другой. В этом случае они будут записаны тем же почерком, что и имена служилых людей, в то время как почерк вновь вносимых делопроизводственных помет отличается от текста списка чернилами и "беглым" характером написания. Записи о памятях из Поместного и других приказов включались в новый список в виде особого раздела.

Время службы "подлинных" списков в делопроизводстве Разрядного приказа ограничивается временем составления десятен, причем в перерывах между разборами, верстаниями, раздачами денежного жалованья "подлинные" списки могли копироваться, один источник заменял другой. Эти же документы использовались и при составлении десятен. Так, в частности, наказ воеводам, составлявшим в 1622 г. разборные десятины, говорит о том, что: "списки подлинные дворян и детей боярских... с поместными окладами даны им (воеводам - В.К.) за дьячьей приписью"⁴⁶. По окончании разбора тот же наказ предписывал возвратить "подлинные" списки в Разрядный приказ. Видимо, "подлинные" списки являлись одновременно так называемыми "московскими" или "разрядными" списками, часто упоминаемыми при составлении десятен⁴⁷.

Вторичность "подлинных" списков по отношению к десятиням объясняет существующие различия формуляров списков разных лет. Как видно из приведенных описаний "подлинных" списков по Ярославлю и Костроме 1628, 1631 и 1637 гг. эти источники отличаются друг от друга порядком записи чиновного перечня. В списке 1628 г. записаны выборные дворяне, дворовые и городовые дети боярские, новики и т. д. Однако, следующий обнаруженный список 1631 г. распределяет эти категории по трем статьям: первой, второй и третьей. В 1637 г. составителями документа снова, как и в 1628 г., принято перечисление чинов служилого "города" в порядке их следования.

Часть "подлинных" списков включает сведения о количестве людей, вооружения и лошадей, выставляемых в полки провинциальными дворянами и детьми боярскими (списки по Ярославлю 1628 и 1631 гг. и по Костроме 1631 г.). В других списках приводятся только имена представителей служилой корпорации, без указания на их служебную годность.

Повторение "подлинными" списками сведений десятен о личном составе, вооружении и служебной годности служилых людей позволяет восстановить некоторые важные сведения для изучения состава верхневолжских городовых корпораций. Среди них сведения не дошедших до настоящего времени разборных десятен 1622 г. по Костроме и Ярославлю, десяти денежной раздачи 1631 г. по Ярославлю, десяти денежной раздачи 1634 г. по Костроме. Сопоставление известий "подлинных" списков 1628, 1631 и 1637 гг. с сохранившимися десятнями по Ярославлю и Костроме дает необходимый материал для изучения состава и процесса формирования верхневолжских служилых "городов" в 20-40-х гг. XVII в.

-
- 1 Калачев Н.В. Десятки. М., 1875 (отд. отт.); Сторожев В.Н. Десятни как источник для изучения русского провинциального дворянства в XVI и XVII вв. (Историко-юридическая заметка). - Юридический вестник, 1890, т. IV, кн. III. С. 487-297; Оглобнин Н.Н. Что такое "десятни". - ЖМНП, 1891, ноябрь. С. 40-64; Сухотин Л.М. О списке смоленской десяти XVI века. - ЖМНП, 1914, декабрь. С. 240-259; см. также: Востоков А. Русское служилое сословие по десятням 1577-1608 гг. - Юридический вестник, 1888, т. XXVIII. С. 266; Зерцалов А.Н. К вопросу о десятнях. - ЧОИДР, 1891, № I, смесь. С. 13-22; Новицкий В.И. Выборное и большое дворянство XVI-XVII веков. Киев, 1915.
 - 2 Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1891, т. УШ; Состав нижегородского дворянства по десятням XVII века. - Действия нижегородской архивной комиссии, 1890, вып. 9. С. 399-408; Состав рязанского дворянства по десятням XVII века. - Труды Рязанской архивной комиссии, 1890, т. У, № 9 и 10; Тверское дворянство XVII века. Тверь, 1891-1895, вып. I-IV; Воронежское дворянство по десятням XVII века. Воронеж, 1894, вып. I.
 - 3 Новосельский А.А. Правящие группы в служилом "городе" XVII века. - Ученые зап. Института истории РАНИОН, 1928,

- т.У. С. 315-335; Он же. Распад землевладения служилого "города" в ХУП в. (по десятинам). - В кн.: Русское государство в ХУП веке. Сб. статей. М., 1961. С. 231-253.
- 4 Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в ХУП веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М., 1985; Соколова И.И. Служилое землевладение и хозяйственное состояние приокских уездов Русского государства в конце XVI- первой трети ХУП века (по материалам писцовых описаний, отказным книгам, десятинам и столбцам Поместного приказа). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1975; Поздняков С.В. Служилая корпорация Малоярославецкого уезда и ее землевладение во второй половине XVI - первой половине ХУП вв. (по писцовым и переписным книгам). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1982.
 - 5 Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. (Публ. А.Л.Станиславского). - АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 293-301; Станиславский А.Л. Десятина по Арзамасу 1597 г. - СА, 1976, № 3, С.100.
 - 6 Кротов М.Г. Опыт реконструкции десятен по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. - В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1985, С. 69-91.
 - 7 Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время. М., 1907, с.6.
 - 8 Книги разрядные. СПб., 1853, т.1, стлб. 360.
 - 9 Там же, стлб. 577.
 - 10 ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, дела десятен, № 266 (1617 г.), № 159 (1618 г.).
 - 11 ЦГАДА, ф. 210, дела десятен, № 266, л. 1 об.
 - 12 Там же, л. 2.
 - 13 Там же, лл. 4 об., 5, 7 об., л. 26.
 - 14 ЦГАДА, ф. 210, дела десятен, № 159, лл. 1-2.
 - 15 Книги разрядные..., т. 1, стлб. 781.
 - 16 ЦГАДА, ф. 210, дела десятен, № 162, л. 1.
 - 17 ЦГАДА, ф. 210, столбцы новгородского стола, № 6.
 - 18 См.: Книги разрядные..., т. 1, стлб. 781.
 - 19 ЦГАДА, ф. 210, столбцы московского стола, № III7 (со скрепой дьяка); столбцы московского стола, № III6 (без скрепы) - разборный список "первой половины"; столбцы новгородского стола, № 7 - разборный список "второй половины".
 - 20 ЦГАДА, ф. 210, столбцы новгородского стола, № 7, л. 1.

- 21 См.: Книги разрядные..., т. I, столб. 623.
- 22 Размеры денежного жалования для каждой статьи были конкретизированы в наказе составителям десятен 1630/1631 гг.
- 23 ЦГАДА, ф. 210, дела десятен, № 163 (Углич), № 184 (Ростов); ОР ГИБ, Эрм. 550/16 (Помехонье), Эрм. 343/8 (Кострома).
- 24 Государственный архив Ярославской области (ГЯАО), ф. 213, Ярославское дворянское депутатское собрание, оп. I, д. 788, л. 6 об.
- 25 ЦГАДА, ф. 210, дела десятен, № 163, л. I.
- 26 Там же.
- 27 Ср. разборный список г. Углича 1630 г. и угличскую десятню 1630 г.; см. также сноску 51.
- 28 ЦГАДА, ф. 210, № 184, л. I.
- 29 ЦГАДА, ф. 210, дела десятен, № 184, л. 70 об.
- 30 Там же, л. 2.
- 31 ЦГАДА, ф. 210, дела десятен, № 63 (Ярославль), № 164 (Углич), № 220 (Галич), оп. 22, д. 3 (Ростов).
- 32 ЦГАДА, ф. 210, оп. 22, д. 3, л. I-I об.
- 33 ОР ГИБ, Эрм. 343/7, л. I.
- 34 ЦГАДА, ф. 210, столбцы новгородского стола, № 96, л. 23.
- 35 Там же, л. 51.
- 36 ЦГАДА, ф. 210, дела десятен, № 230, л. I об..
- 37 Там же, л. I.
- 38 В таблице не учтен крайне дефектный экземпляр десятни 1648/1649 гг. по гг. Помехонью, Романову и Ростову - ЦГАДА, ф. 210, дела десятен, № 309.
- 39 ЦГАДА, ф. 210, столбцы новгородского стола, № I, л. 33.
- 40 Там же, л. 31.
- 41 Там же, л. 6.
- 42 ОР ГИБ, Эрм. 394.
- 43 Ссылки на листы сборника Эрм. 394; даты в скобках определены автором.
- 44 Списки и десятни по Ярославлю до 1622 г. считались утраченными уже в ХУП в. См.: ЦГАДА, ф. 210, столбцы новгородского стола, № 277, л. 610 а.
- 45 Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. - В кн.: Актовое источниковедение. Сб. статей. М., 1979. С. 146-149.
- 46 Книги разрядные.... т. I, столб. 786.

Недавно М.Г.Кротов отметил, что исследователям неизвестны образцы "московских" или "разрядных" списков, объяснив этот факт их "исключительно вспомогательной ролью": Кротов М.Г. К истории составления десятен (2-я половина XVI в.) - В кн.: Исследования по источниковедению истории СССР десятилетнего периода. Сб. статей. М., 1984. С. 67.

К ИЗДАНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ ЗАПИСНЫХ РАЗРЯДНЫХ КНИГ ХУП В.

С разрядных книгах в дореволюционной и советской историографии написано немало. Такая же разновидность документов Разрядного приказа как записные книги ("записные книги всяких дел") освещена сравнительно слабо, хотя все историки, работавшие с этим источником, отмечали необычайное богатство и разнообразие заключающегося в книгах материала.

Записные книги велись в Разряде ежегодно. В них вносились записи о наиболее важных событиях, имевших место при царском дворе, списки воевод по городам и объезжих голов по Москве, записывались царские указы и боярские приговоры, касавшиеся ведомства Разряда или объявлявшиеся через него, отписки воевод из городов или с места военных действий и т.п. Существовали записные книги общие, всего Разряда в целом и ведшиеся каждым отдельным столом приказа. Лучше всего сохранились и представляют наибольший интерес записные книги центрального, Московского стола.

Одной из причин малого внимания историков к этому источнику является, по-видимому, то, что опубликовано записных разрядных книг немного. Из 27 книг, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов, опубликовано только 10.

Напечатаны они в Русской исторической библиотеке, издававшейся Археографической комиссией. Вышло три тома, содержащих записные разрядные книги¹. В предисловии к IX тому, открывающему их публикацию, составители сообщают, что для обнародования отобраны древнейшие из имеющихся в архиве Министерства юстиции книги. В предисловиях ко всем трем томам кратко описывается содержание публикуемых документов.

В IX томе изданы записные разрядные книги Московского стола за годы: 7135 (5 мая 1626 - 31 августа 1627 гг.) и 7142 (1633 - 1634 гг.); в X томе - 7145 (1636 - 1637 гг.),

7147 (1638 - 1639 гг.), 7149 (1640 - 1641 гг.), 7155 (1646 - 1647 гг.), 7157 (1648 - 1649), 7171 (1662 - 1663 гг.); в XI томе - записная книга Разрядного приказа за 7173 год (1664 - 1665 гг.) и "книга о полковых делах полку боярина и воеводы князя Михайла Алегуковича Черкасского с товарищи" за 7187 - 7188 гг. (ноябрь 1678 - сентябрь 1679 гг.). В отличие от прочих, последняя книга содержит царские грамоты, указы, отписки начальных людей и другие документы не в извлечениях, а полностью. Но книга имеет гораздо более узкое содержание, чем другие.

Обе опубликованные в XI томе книги ошибочно отнесены к записным книгам Московского стола, тогда как первая является общей книгой всего Разрядного приказа, а записи второй носят узко специальный характер (о военных приготовлениях Московского правительства в 1678 и 1679 годах на случай войны с Турцией).

Этим публикация записных разрядных книг как специальное, целенаправленное издание источника исчерпывается. Помимо публикации РИБ имеются лишь отрывки из записных книг, напечатанные в разных исторических трудах и сборниках документов (о чем будет сказано ниже).

Первый опыт использования записных разрядных книг как исторического источника был сделан уже в ХУП в. - в труде Сильвестра Медведева "Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве"². Повествуя об избрании на царство царевны Софьи Алексеевны, Медведев ссылается на записную книгу 1682 года: "И по сем, якоже прежде салдаты и стрелцы усветоваше о прошении правления российского государства благоверной премудрой государыне царевне и великой княжне Софии Алексеевне, тако и сотвориша. И по одному их благому совету и тщанию сотворися: а како то бысть и чего ради, и о том изъявляет писание в розряде в записной того года книге..."³ Все же "Созерцание..." - это сочинение по преимуществу политического характера.

В исторической же науке записные книги Разряда впервые были использованы, видимо, в работе "Московские и дру-

где старинные приказы", опубликованной Н.И.Новиковым в Древней Российской Вивлиофике⁴. Вопрос об авторстве работы, напечатанной без подписи, окончательно не решен. Н.П. Загоскин называл автором Новикова⁵, а Н.П.Лихачев и вслед за ним многие другие ученые полагали, что статью написал Г.Ф.Миллер⁶. Однако новейшие исследования позволяют с большой долей вероятности решить вопрос об авторе работы или, по крайней мере, основной ее части, и пролить свет на истинную базу статьи. А.Б.Каменским были обнаружены черновые записи Миллера к статье "Московские и другие старинные приказы", которые сохранились в "портфелях Миллера" в ЦГАДА. Сведения о приказах, их личном составе почерпнуты Миллером, как убедительно доказывает Каменский, из записных разрядных книг Московского стола⁷. Причем Миллер делал выписки как непосредственно из записных книг, так и из "Краткой ведомости" о московских приказах, составленной в Разрядном архиве в 1777 году, основным источником для которой послужили также записные книги Московского стола Разрядного приказа (полное название ведомости - "Краткая ведомость, учиненная в Разрядном архиве из нижеписанных книг о бывших в Москве приказах, в том числе из записных после бывшего во 134-м году в Москве пожару книг, в которых писано о государевых выходах, о походах и указах, о встрече послов, кто имяны в Москве в приказах были бояре, судьи и дьяки, и в городах воеводы, и что в городах людей, и с наряду кто в какия чины жалованы и наряды на службу боярам и воеводам, и ратным людям, и объезжим в Москве головам, а какия в тех книгах значут приказы, и об оных, также и о других материях указы, о том значит под сим"). При написании статьи, опубликованной лишь через восемь лет после смерти Миллера, эти наброски были использованы в значительно переработанном и расширенном виде, из чего Каменский заключает, что статья "в том виде, в каком она была опубликована в 1791 г., не была целиком написана Миллером, но является компиляцией его заметок и списков думных чинов, по крайней мере частично составленных служащими архива⁸. Такая компиляция могла быть сделана,

как полагает Каменский, М.Соколовским, который после смерти Миллера имел доступ к его архиву и мог подготовить статью для публикации в ДРВ.

В статье обильно использованы выдержки из записных книг, переданные почти дословно. Например, о Ямском приказе: "Как то видно из записной 1627 году книги, что того году, марта в 8 день, государь указал давати подводы влаstem и бояром и окольныхчим и думным и всяких чинов людем, по своему государеву уложению: митрополитом по двадцати подвод с проводником. Архиепископам по пятнадцати подвод с проводником" и т.д. В источнике эта запись звучит так: "Того ж году 135, марта в 8 день, государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси и отец его государев, великий государь, святейший патриарх Филарет Никитич московской и всеа Руси, указали давати подводы, влаstem и бояром, окольныхчим и думным и всяких чинов людем, по своему государскому уложению: митрополитом по двадцати подвод с проводником. Архиепископам по пятнадцати подвод с проводником..."⁹ Далее тексты ДРВ и РИБ совпадают.¹⁰

Автор и издатель не сообщают точных сведений о количестве записных книг, которыми они располагали. Между тем Загоскин считал, что в распоряжении автора статьи было гораздо больше книг, чем во время его собственных занятий в Московском архиве Министерства Юстиции. Многие книги, как он пишет, сгорели в 1812 г., когда при приближении армии Наполеона к Москве все дела Разрядного архива были свалены в Кремлевский ров. Замечание Загоскина подтверждается сличением статьи в ДРВ и сведений из "Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции"¹¹. В последнем не упомянуты книги за годы 1596, 1599, 1604, 1606, 1610, 1613, 1625, 1628, 1629, 1642, 1656, 1658, 1672, 1677, 1680, 1689, 1695, 1700, 1701, 1705, 1707, 1708, 1709, ссылки на которые есть в ДРВ. Таким образом, у автора статьи о старинных приказах имеются указания на существование записных разрядных книг с конца XVI до начала XVIII вв., что делает его работу особенно ценной. С уверенностью

же сказать, каким именно количеством записных книг и за какие годы располагал автор работы в ДРВ, трудно, так как часто им указаны лишь крайние годы, под которыми имеются записи о приказах. Например, об Аптекарском приказе сказано, что он упоминается в записных разрядных книгах с 1658 по 1672 год, Иноземский приказ - с 1628 по 1666 год, Казенный двор - с 1626 по 1709 год, Казачий приказ - с 1628 по 1646 год¹² и т.д. Здесь, видимо, необходимо, следуя указаниям Каменского, обратиться к "портфелям Миллера" (ЦГАДА, ф. 199).

Почти полвека к записным разрядным книгам исследователи не обращались, а в 1842 году вышла работа П.Иванова, директора Московского архива Министерства юстиции, посвященная Разрядному архиву, в которой много внимания уделено этому источнику.

Автор подробно характеризует содержание источника, останавливаясь, главным образом, на дворцовом быте и "духовных церемониях": "царских выходах в праздничные и торжественные дни, путешествиях в разные обители для поклонения чудотворным иконам и мощам святых угодников в греко-российской церкви", а также упоминает заключающиеся в записных разрядных книгах "некоторые производства о местничестве, а особенно открывавшиеся при назначениях в разные церемонии и отправлениях службы во время больших царских столов".

В работе содержится много выписок из записных книг, большинство из которых остаются единственной публикацией, в частности, за годы 7158 (1649-1650), 7169 (1660-1661), 7192 (1683-1684), 7195 (1686-1687). Например, выдержки из записной книги за 1686-1687 гг. о молебне 1 сентября 1686 г., о чине, совершавшемся на страстной неделе 23 марта, о церемониале шествия патриарха в Вербное воскресенье 20 марта, о придворном церемониале в день Пасхи 27 марта, о крестном ходе, бывшем 22 октября в день Казанской богородицы и т.д. Из записной книги 1649-1650 гг. Ивановым приводятся выдержки такого, например, содержания: дело о жалобе дьяка Лариона Лопухина о записи его в уложенной книге ниже тор-

говых людей; дело воеводы князя Ивана Засекина с воеводой Никифором Давыдовым, не хотевшим идти к нему на сход для истребления саранчи и другие¹³.

В целом же книга носит справочно-описательный характер, автор не ставил своей задачей выяснить значение записных книг Разряда как исторического источника, их место в системе других источников.

Через несколько лет Иванов выпустил еще одну работу, содержащую выписку из записной книги 1674 (7182) года - "о царских распоряжениях, следовавших по случаю сырной и первой недели великого поста" (записная книга не опубликована)¹⁴.

В 1879 году вышел известный труд Н.П.Загоскина "Столы Разрядного приказа...", в котором основное внимание уделено записным разрядным книгам. В кратком очерке автор передает основное содержание записей в этих книгах. Он делит его на пять основных разделов:

I. Списки личного состава приказов и воевод в городах, которыми открываются ежегодно записи в книгах.

II. Записи различных придворных событий, торжеств и церемоний.

III. Высшее ведение ратного дела и служилых людей.

IV. Дела административного характера.

V. Записи царских грамот и указов, обнаруженных через Разряд.

Для каждого раздела автор сделал обширные выписки из записных разрядных книг. Некоторые из них более не публиковались, например, книги за годы 7168 (1659-1660), 7170 (1661-1662), 7182 (1673-1674), 7202 (1693-1694), другие напечатаны в РИБ (за 7135, 7142, 7145 годы и другие).

В большинстве случаев отличия в публикациях РИБ и выдержках из записных книг у Загоскина незначительны (пунктуация и буквенные разночтения); иногда Загоскин не считает нужным выписывать имена и фамилии участников церемоний. Но есть и более существенные расхождения. Например, замена фамилии А.В.Хилкова в записи под 23 мая 1637 г. у Загоски-

на: "А на Москве указал государь быти бояром: кн. И.А.Голицыну, кн. А.В.Хованскому, окольничему С.М.Проестеву. И того ж дни на государеве дворе с боярином со князем И.А.Голицынным дневать и ночевать:...", далее Загоскин указывает количество людей, не называя имен. В РИБ: "А с государем бояре и околничие и думные люди и столники и стряпчие и дворяне московские и жилцы. А на Москве указал государь быти бояром: князю Ивану Андреевичу Голицыну, князю Андрею Васильевичу Хилкову. Околничему Степану Матвеевичу Проестеву. И того ж дни на государеве дворе с боярином со князем Иваном Андреевичем Голицынным дневать и ночевать..." (далее - поименное перечисление людей)¹⁵.

Как уже говорилось, Загоскин с большим сожалением отмечал чрезвычайно плохую сохранность документов: "Большая часть записных книг находится в таком ветхом состоянии, что к ним страшно приступиться: истлевшие края листов положительно осыпаются при их перелистывании. Весьма многие места до такой степени выцвели от дурного хранения их в течении продолжительного времени, до настоящей реорганизации архива, в сыром и затхлом помещении, - что в настоящее время совершенно недоступны для прочтения: иные листы истлели наполовину и представляют собой почти невозстановимые фрагменты. Книги эти все более и более разрушаются при каждом, хотя бы и самом осторожном, пользовании ими"¹⁶.

Рассматривая в своей работе компетенцию каждого стола Разрядного приказа, Загоскин исходил из взгляда на архивное распределение документов как на историческое и на архивные отделы как на подлинное делопроизводство соответствующих столов. На эту ошибку Загоскина первым указал сотрудник архива Министерства юстиции в Москве А.А.Голомбиевский. Он обратил внимание историков на "искусственность" архивных отделов Разряда, на "произвол лиц, производивших распределение разрядных книг по столам приказа", а также указал на необходимость "это распределение подвергнуть строгой разработке".

Голомбиевский впервые попытался представить научно

обоснованный очерк организации столов Разряда в XVII веке. В связи с этим он затронул и вопрос о записных разрядных книгах. Автор выделяет два вида записных книг. Первый - общие записные книги всего приказа, "носящие обыкновенно заглавие: "книга записная в Разряде отпискам и из приказов памятем при дьяках (таких-то) нынешнего (такого-то) году". Такая книга опубликована в XI томе Русской исторической библиотеки как записная книга Московского стола 7173 года (1664-1665 гг.), о чем уже говорилось выше. Это были своего рода журналы входящей и исходящей документации Разряда. Второй вид представляют, по мнению ученого, записные книги каждого стола приказа в отдельности. Они назывались: "книга записная (такого-то) стола приказа о всяких делах" или "всяких дел". Наиболее известные из них - книги Московского стола.

Ставя своей целью "изучение способов управления, делопроизводства и организации Разряда", Голомблевский обращает свое внимание главным образом на первый вид записных книг, подробно описывая способ их составления, характер записей, дьяческих помет и т.д. Касаясь книг Московского стола, автор дает лишь краткий обзор их основного содержания¹⁷.

В 1864 году новый директор Московского архива Министерства Юстиции Н.В.Калачов, сменивший на этом посту Иванова, основал издание "Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции". В первой же книге в предисловии отмечается, что "для исторических исследований особенного внимания заслуживают столбцы и записные книги Московского стола"¹⁸.

В IV книге "Описания ..." помещен труд Н.Н.Оглоблина "Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа"¹⁹, в котором он дает точные, основанные на документальных данных характеристики значительной части видов разрядных документов, исследует вопросы об организации Разрядного приказа и составе его фондов в архиве Министерства Юстиции. В числе рассматриваемых документов находятся и записные раз-

рядные книги.

Исходя из своих задач, определенных в названии работы, автор обращает внимание в основном на значение записных книг как источника для изучения порубежной службы, порядка назначения воевод в различные города Московского государства и обстоятельств несения ими службы и т.п. Оглоблин упоминает в работе записные книги 7134, 7135, 7148, 7182 гг. (последняя не опубликована); обильно цитирует книгу 7173 г., опубликованную в XI томе РИБ. В цитируемых отрывках расхождений с РИБ, за исключением неполного написания имен и отчеств, нет.

В самой работе, а также в приложении к ней, Оглоблин упоминает также "разрядные вязки". Они входят в число 370 разных документов XVII и XVIII вв., которые были переданы в 1870 году из Московского Сенатского архива в I отделение МАМО и не вошли в "Указатель документам" в I томе "Описания..." К Разрядному приказу относятся вязки за № I-56 и 264 (1600-1710 гг.), их и имеет в виду Оглоблин.

"Большая часть содержащихся в них документов, - сообщает Оглоблин, - представляет цельные книги, списки, дела и пр., а остальные документы сохранились в отрывках - без начала или конца и т.п."

В "разрядных вязках" заключаются отрывки и из записных книг Московского стола, а именно: отрывок из записной книги 7140 г. (ропись воевод в "польских" городах, записи отписок из разных городов по финансовым делам, подневные записи царских указов и "памятей" из Разряда в другие приказы, записи расходов по Разряду и некоторые другие); сходные по характеру отрывки из записных книг 7172 и 7184 гг. Остальные отрывки носят, видимо, черновой, подготовительный характер - это "записки отпискам", присланным из городов и приказов в Разряд, они относятся к следующим годам: 1697-1698, 1704, 1705, 1707, 1709. Отрывки из книг за годы 1632, 1661, 1676 и 1704 не опубликованы и книги эти не упоминаются ни в одном из известных исследований (включая работу в ДРВ).

В IX книге этого же издания находится подробное описа-

ние дел Московского стола Разрядного приказа, в том числе 27 записных книг. Отмечены – год, начало заглавия книги, кратко перечислены выдающиеся из обычных дела, например: "7147 / 1658-39 гг. "Книга записная о всяких делах", заключающая, сверх обычных данных, сведения о кончине царевичей Ивана и Василия Михайловичей и роспись лиц, дневавших и ночевавших у их гроба; указы об отпуске ратных людей по домам и о бытии в городах для посольской размены дворянам, детям боярским и казакам; роспись объезжих голсы; распоряжение о неотдаче на откуп мелких промыслов в городах, ведавшихся в Новгородской чети; памяти из Разряда в приказы об отсрочке служилым людям ради службы в судебных делах". Указаны также количество листов в книге, их сохранность, наличие чистых листов, например, для книги 7163 (1654-55 гг.): "Начальных 137 листов нет. Книга ветха"; для книги 7168 (1659-60 гг.): "313 листов. Листов 1 и 2 нет; листы 110, 119-124, 128, 144, 153-156, 158, 159, 161-163, 166, 167, 180, 208, 215, 233, 234, 242-251 чистые. Книга ветха, особенно ветхи листы 1-23, 254-313".²⁰

В советское время издание записных разрядных книг не было продолжено. Исследователи пользовались изданием Русской исторической библиотеки. В целом же источник в исторических работах использовался мало.

В 1946 году Главное архивное управление НКВД СССР выпустило путеводитель по ЦГАДА. В нем значатся и записные разрядные книги "всяких дел" (1625-1697 гг.). Количество и состав их со времени "Описания документов и бумаг..." не изменились. В путеводителе для всех книг кратко дается их основное содержание: наиболее часто встречающихся для и некоторых сверхобычных, как, например, о воссоединении Украины с Россией, о присяге гетмана Ю.Хмельницкого на подданство Москве, об измене гетмана И.Выговского, о "Медном бунте" в Москве и т.д.²¹

Записные книги Московского стола послужили одним из источников для списка приказных судей ХУП века, составленного С.К.Богоявленским. Ученый пользовался не оригиналами,

а теми книгами, которые были опубликованы в РИБ (тт. IX-XI). Однако в предисловии к работе автор предупреждает, что "некоторые показания "списка" не сходятся с теми основными данными, которые мы находим в официальных документах регистрации перемен в составе приказных служащих, т.е. в Разрядных книгах и в записных книгах Московского стола Разрядного приказа". Богоявленский предположил, что более углубленная критика этих документов как исторических источников "раскроет определенный порядок и время записи назначений", пока же можно лишь утверждать, что "записи в названных документах не всегда совпадают с действительными переменами в личном составе приказов"²². Далее ученый пишет, что можно установить случаи неверных разрядных записей и в качестве примера приводит записную книгу Московского стола, в которой список приказных судей отнесен к трем годам, к 7140-7142²³, тогда как он относится, исходя из данных других источников, только к 7142 году, а в 7140 году состав судей был совершенно иным. Показания записных разрядных книг автор проверял, в частности, памятями, которыми обменивались между собой приказы.

А.А.Новосельский для описания распределения полков по городам в 1647 г. использовал записную книгу Разряда 1646-1647 гг. (РИБ, т. X), в которой приведены указы царя Алексея Михайловича от 12 апреля и 29 мая 1647 года (большой полк - в Ливнах, передовой - в Курске, сторожевой - в Ельце). В подтверждение своего предположения о том, что, вопреки существующему мнению, и в 1639 году и позже старший порядок сбора у Заозкой засечной черты (несмотря на строительство новой, Белгородской) продолжался, и полки стояли в Туле, Переяславле-Рязанском, Веневе, Крапивне, Одоеве и Мценске, автор привел указ Михаила Федоровича от марта (число неясно) 1639 года из записной книги 1638-1639 гг. По этому же источнику им была определена общая численность ратных людей, готовых к походу в этом году - около 28 тысяч человек. Характеризуя меры Московского правительства против татар, применявшихся в 1646 году - организацию похода со сто-

роны Дона на Крым и улусы ногаев, Новосельский почти дословно передал царские грамоты войску Донскому от 12 и 18 июня 1646 года. В грамотах говорится о посылке в Астрахань стольника и воеводы князя С.Р. Пожарского для соединения с донским войском и совместного похода на Крым, а также предписывается казакам с турками (т.е. с Азовом) задора не чинить, чтобы не вызвать ссоры с султаном²⁴.

Надо отметить, что в своей работе Новосельский использовал записные разрядные книги в комплексе с другими источниками (дворцовыми разрядами, донскими делами и др.), сопоставляя и взаимно проверяя их.

В книге "Вооруженные силы русского государства в XV-XVII веках" А.В. Чернов привлек записные книги Московского стола Разрядного приказа для разбора реформ русской армии во время Крымского похода 1687 г. Из них он почерпнул данные о новых принципах формирования войск, об их вооружении и численности, о ходе самой кампании. Записные книги за этот год не изданы. В работе нет прямого цитирования или пересказа источника, автор лишь обобщает сведения, полученные из него²⁵.

В статье этого же ученого о ЦГАДА также упоминаются записные книги. В главе, посвященной содержанию вооруженных сил, он отмечает, что законодательные материалы о налоговой политике правительства сохранились в фонде Разрядного приказа, в записных книгах указов по столам приказа, преимущественно Московского, часть из которых опубликована в Русской исторической библиотеке. Там же, в отписках воевод, имеются сведения о проведении сборов различных налогов и повинностей²⁶.

В сборнике документов "Крестьянская война под предводительством Степана Разина" представлены отрывки из записной книги Московского стола Разрядного приказа с октября 1670 по январь 1671 гг., не опубликованной в РИБ. Отрывки включают следующие записи в книге Разрядного приказа: по отпискам воевод из Мурома, Галича, Коростояка, Орла, Старого Оскола, Тулы и других мест о нападении восставших на

служилых людей; о потерях ратных людей в боях с восставшими Разина; о невозможности собрать подати правеем ввиду восстания; об опасности проезда по дорогам некоторых уездов; по челобитью служилых людей о невозможности проехать к месту службы, поскольку местность занята восставшими, и т.д.²⁷ В издании даются текст записи со всеми особенностями оригинала, точная его датировка, указываются пометы дьяков на отписках, под текстом записи.

В 1964 г. вышла книга В.И.Буганова "Московское восстание 1662 г.". Рассказывая о ходе восстания 25 июля, об "остром недовольстве низших и средних слоев посадского населения Москвы, служилых людей московского гарнизона и армии"; автор дает ссылку на неопубликованную еще записную книгу Московского стола Разрядного приказа за 7169 (1661-1662) год. В ней за 13 августа 1662 г. имеется запись о том, что "смольянин С.П.Румянцев от имени служилых людей "розных городов" подал челобитную о "служилых скудостех", от которых они "прибтели" в Москву за жалованием, и ждут государева указа "по се число" и что "служилые люди жаловались на воевод, которые не отпускают их из полков в Москву для подачи челобитных царю"²⁸.

В сборник документов "Восстание в Москве 1682 г." также включены значительные отрывки из записных книг Разрядного приказа. Они освещают начало движения - конец апреля-первая половина мая - и содержат "ценные сведения о поведении восставших в эти и более поздние дни"²⁹.

В последние годы о записных книгах говорилось в упоминавшейся выше статье А.Б.Каменского, в связи с историей приказов в России и ее изучением. Поскольку этот источник не являлся предметом исследования, сказано о нем в статье коротко и под углом зрения основной проблемы.

1 Русская историческая библиотека (далее - РИБ), т. IX-XI.

2 ЧОИДР. М., 1894, кн. 4.

3 Там же. С. 65.

4 ДРВ. М., 1791, ч. XX. Изд. 2-е.

5 Загоскин Н.П. Столы Разрядного приказа, по хранящимся в Московском архиве Министерства Юстиции книгам их. Казань, 1879.

- 6 Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Спб., 1888. С.24.
- 7 Каменский А.Б. Изучение истории государственных учреждений Московской Руси во второй половине XVIII в. - Из. М., 1982, т. 108.
- 8 Каменский А.Б. Указ. соч. С. 266.
- 9 ДРВ, ч. XX, С. 413-416; РИБ, т. IX. С. 520.
- 10 ДРВ, ч. XX. С. 413-416; РИБ, т. IX. С. 520-522.
- 11 Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 9; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. Кн. IX., 1894. С. 101-104.
- 12 ДРВ, ч. XX. С. 278, 314, 318.
- 13 Иванов П. Описание государственного Разрядного архива. М., 1842, УШ, С. 307-310, 323-325, 317-322, 326-329, 330-334, 345-346, 347-349.
- 14 Описание государственного архива старых дел, составленное инспектором государственных архивов и членом разных ученых обществ П.Ивановым. М., 1850. С. 327-330.
- 15 Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 10; РИБ, т. X. С. 89-91.
- 16 Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 16.
- 17 Голомбиевский А.А. "Столы Разрядного приказа в 1668-1670 годах". - ЖМНП, 1890. № 7. С. 1, 4 и др.
- 18 Описание документов и бумаг..., кн. I. М., 1864., с.XIV.
- 19 Там же, кн. IV. М., 1884.
- 20 Описание документов и бумаг..., кн. IX, М., 1894. С. 102, 103.
- 21 Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. М.: ГАУ НКВД СССР, ч. I. С. 208.
- 22 Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М., 1946. С. 4, 5.
- 23 РИБ, т. IX, С. 526.
- 24 РИБ, т. X. С. 358, 371, 190-200, 382-383; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. С. 372-373.
- 25 Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 195-196.
- 26 Чернов А.В. Центральный государственный архив древних актов как исторический источник по военной истории русского государства до XVIII в. - Труды МГИИИ, 1948, т. 4. С. 153.
- 27 Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. II, ч. I. М., 1957. С. 168-169, 226-227, 261-262, 266-269, 466, 506, 520; ч. 2. С. 40-41, 68-69, 77-78, 173-174, 182-190, 193, 198. Т. II, ч. 2. М., 1959.
- 28 Буганов В.И. Московское восстание 1662 г. М., 1964. С. 40, прим. 22.
- 29 Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. С. 4.

ХРОНОГРАФЕЦ КОНЦА ХУП ВЕКА О МОСКОВСКОМ
ВОССТАНИИ 1682 г.

Майские события 1682 г. в столице Российского государства вызвали широчайший интерес современников, нашли отклик в самых различных слоях общества. Свидетельством тому стали яркие публицистические сочинения (такие как "Сззерцание" Медведева, Барсовская повесть участника восстания и Записки Матвеева), а главное - многочисленные летописные записи, выделяющиеся из контекста своей детальностью и объемом. Место московского восстания 1682 г. в развитии русской общественной (в частности - исторической) мысли не получило еще должного освещения. Сам факт развития русского летописания в последней четверти ХУП в. и значение летописных источников для изучения московского восстания 1682 г. стали очевидны сравнительно недавно, в результате исследований, начатых М.Н.Тихомировым¹, значительно расширенных его учеником и продолжателем В.И.Бугановым² и развивающихся под его руководством³. К настоящему времени усилиями советских исследователей выявлен и изучен значительный корпус сочинений летописцев-современников, очевидцев и участников событий московского восстания, сведения которых сыграли немаловажную роль в пересмотре традиционных представлений об этом крупном социально-политическом катаклизме. Поиск в указанном М.Н.Тихомировым и В.И.Бугановым направлении остается перспективным и сегодня. Подтверждением этому служит публикуемая ниже летописная статья о московском восстании, выявленная в современном событиям сочинении - Хронографе 1682 г. (ЦГАДА, ф. 196, Мазуринское собр., оп. I, № 659, л. 308-329).

Хронографец 1682 г. обнаружен мной в историческом сборнике, написанном одним лицом в несколько приемов. Первую, наиболее обширную часть сборника, составляет Хронограф II-й русской редакции (л. I-202, 203 об. - 252 об.). Он

писался в конце 1670-х - начале 1680-х гг.⁴ в два приема: завершив первый отрезок текста несколькими дополнительными летописными статьями (л. 202 об. - 203)⁵, составитель сборника продолжил переписку Хронографа через некоторое время, более крупным вариантом той же устойчивой книжной скорописи.

Возможно, в промежутке между этими работами, составитель написал вторую (по расположению в сборнике) часть рукописи. Она представляет собой занимательные выписки из летописей, Хронографа, Пчелы, Синаксаря, Библии, Пролога, Маргарита, сочинений Кирилла Транквилиона и творений св. отцов, Минеи и т.п. (л. 253-307 об.). Датируемая приблизительно тем же временем⁶, эта часть завершалась Летописцем общерусским кратким с 6523 по 7153 г. (последняя статья сообщала о воцарении Алексея Михайловича). Последовательное повествование летописца было дополнено разрозненными летописными выписками, охватывающими время с 6994 по 1654 г. (последнее по времени сообщение - о походе Алексея Михайловича под Смоленск). В настоящее время летописец с дополнениями находится на л. 330-350 об., хотя, судя по палеографическим признакам, писался непосредственно вслед за "четыми" выписками (точнее - в их составе). Нынешнее положение летописец занял в результате вставки в рукопись нового сочинения, написанного тем же лицом на бумаге, бытовавшей в Москве в 1682 г.⁷, и ведущем повествование от рождества Христова до событий этого года (л. 308-329).

Основным источником Хронографца 1682 г. был Хронограф П-й русской редакции, возможно, дополненный выписками из Нового летописца. По форме сочинение наиболее близко к "Хронографцу" чудовского иеромонаха Боголепа Адамова (1688 г.)⁸. Оно представляет собой краткий, наполненный оценочными суждениями очерк событий византийской и русской истории, с очевидной тенденцией выделить наиболее существенные, с точки зрения составителя, явления и ранжировать события по их влиянию на развитие государства. Несмотря на краткость записей, их составитель проявил заметную склонность к пате-

тическим обобщениям (особенно см. л. 320, о занятии Москвой места Константинополя после его взятия османами) и высказываниям (ср. панегирики Ивану IV и Федору Ивановичу, оценки Бориса Годунова и событий Смуты, л. 322-236). Сходные черты проявились и в Летописце русском кратком (ср. статьи о Владимире Святом, кончине царя Федора Ивановича, Лжедмитрии I, "царевиче Петре" и др., л. 330, 333-337), содержащем, помимо прочего, интересную заметку о московском восстании 1648 г. (л. 349 об. - 350). В отличие от последнего, в Хронографце сведения о политических событиях ХУП в. после Смуты ограничиваются биографическими записями о членах царской фамилии, доведенными первоначально до венчания на царство Федора Алексеевича (1676 г.).

Летописная статья о смерти Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. и событиях середины мая написана новыми чернилами, видимо, спустя некоторое время после окончания предшествующего текста Хронографца (л. 327-329). Она состоит из черновых записей с авторскими дополнениями, сделанными, судя по последней заметке о распродаже имущества казенных, между 19 и 22 мая⁹. Вероятнее всего, записи делались непосредственно в ходе событий. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что в летописной статье не отразилась публицистические версии событий, распространявшиеся начиная с этого времени противоборствующими сторонами и придворными группировками и во многом определившие содержание последующих летописных и исторических сочинений.

Автор летописной статьи не был непосредственным свидетелем штурма Кремля и казней 15-17 мая. На это указывает, по-видимому, дополнение над строкой об участии в восстании солдат Бутырского выборного полка Матвея Кравкова (игравших весьма заметную роль в событиях). Автор неточно пишет о казнях 15 мая на Красной площади, куда тела убитых волокли из Кремля под крики "Либо!"; на площади их лишь иссекали "в мелочь". В то же время в перечислении "побитых" он подробен и точен, верно указывает последовательность казней и ссылок. С фактической стороны заслуживает внимания сообщение

о поимке Языковых. Согласно "Созерцанию краткому", И.М. Языкова "хоронящегося на некоем дворе нашед...убили" на Красной площади в I-м часу ночи с 15 на 16 мая¹⁰. Из летописной записи мы узнаем подробности этого события, в частности, об освобождении восставшими П.П.Языкова, что подтверждает гипотезу о существовании списка "изменников-бояр и думных людей", принятого восставшими во время совещаний в "кругах" и служившего им руководством при расправах с представителями "верхов"¹¹.

Нельзя не заметить, что из множества ярких подробностей московских событий 15-17 мая, отразившихся в сочинениях современников, в летописной записи зафиксированы исключительно факты расправы восставших с "верхами". Автор подчеркнул жестокость казней и "поругательство" над телами казненных "ноипаче иноверных". Оценка восставших "паче басурманов", выражавшая стремление представить их врагами Российского государства, была дана в 1682 г. также в царской грамоте от начала сентября, предназначенной только для дворянства (в грамотах для "объявления" народу подобных оценок нет)¹². Резко отрицательное отношение автора летописной записи к восставшим связано, вероятно, с его дворянским происхождением, на которое указывают также разрядные статьи помещенного в Мазуринском сборнике летописца русского краткого (с л. 343 и до конца они составляют основное содержание Летописца).

Использование разрядных источников и внимание составителя к городским восстаниям сближает Мазуринский сборник с Архивским сборником, исследованным В.И.Бугановым¹³. Составленный в конце 1670-х - 1680-х гг. в роду Собакиных, Архивский сборник включил обширную статью о московском восстании 1648 г. К тому же типу разрядно-родословных сборников с летописными включениями относится указанный мне О.Е.Коселевой сборник рода Пыжовых (ЦГАДА, ф.188, № 1483), также имеющий в своем составе краткий оригинальный летописец со статьей о восстании 1648 г. Мазуринский сборник более "четкий" по составу, но отражает те же интересы, свойственные москов-

скому дворянству, к которому его составитель, скорее всего, принадлежал: недаром в мае 1682 г. ему виднее всего были события в Белом городе.

Летописная статья о московском восстании 1682 г. отражала ужас и смятение, схватившее чиновников Государева двора после похода восставших на Кремль. Она позволяет понять, почему, несмотря на большую избирательность расправ восставших и их заверения в том, что движение направлено против конкретных "изменников", дворянство в массе своей побежало из Москвы и в страхе попряталось по дальним вотчинам. Социально-политическая "наивность" восставших, надеявшихся, после избавления от виднейших своих притеснителей, обуздать боярское "своеволие" и установить справедливый для всех сословий правопорядок в существующих государственных рамках, столкнулась с достаточно развитым сословным самосознанием чинов Государева двора, увидевших в выступлениях 15-17 мая покушение на основы Российского феодального государства.

Ниже приводится летописная статья Хронографца 1682 г. о Московском восстании (в связи с обычным использованием квадратных скобок авторами конца XVII в., издательские дополнения внесены в круглых скобках).

"(л.327) Преставился царь и великий князь Феодор Алексиевич всеа Великия, и Малыя, и Белья // (л.327 об.) России самодержец во 190-м (1682) году апреля в 27 день в 13 часу дни. В том же числе и часу принял Московское царство брат его, великий государь царь и великий князь Петр Алексиевич всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержец. Того ж дни и часу и крест ему целовали. Бысть на царстве Феодор Алексиевич 6 лет и три месяца без четырех дней.

Того ж 190-го году мая в 15 день в десятом часу дни на Москве приходили стрельцы и^а салдаты Матвеева полку Кривокова, с Бутьрок^а, бунтом в Кремль на царской двор в государьские хоромы. И взяли в государьских хоромех бояр: князя Григорья Григорьевича Ромодановского, боярина князя Михаила Брѣевича Долгоруко(во), боярина Артемона Сергеевича Ма-
а-е Вставлено над строкой тем же почерком и чернилами.

твеева, да^б думнаго дьяка Лариона Иванова, стольника Федора Петрова сына Салтыкова, полкоеника Андрея Семенова сына Дохтурова и с сыном его, да стольника Афонася Кирилова сына Нарышкина. Вывели на Красную площадь, берды- // (л. 328)шами изрубили, и копы без милости искололи, и поругали(ся) над телами их зело поругательно, ноипаче иноверцов.

Того ж дни часу в другонатцатом на дворе его они ж, стрельцы и са(л)даты, убили боярина князя Юрья Алексеевича Долгоруково. И тело его сташили з двора его и положили пред воротами его, лежало три дни. Обсекли голову, и руки, и ного^в, и иссечен бы(х) в мелкие части бердышами зело поругательно.

Маия ж в 16 день те ж стрельцы и салдаты еще приходили бунтом^г великаго государя на двор и в хоромы. И всяли у великаго государя в хоромех невежеством боярина и оружейничего Ивана Кириловича Нарышкина да думнаго дьяка Аверкия Кирилова. И вывели из города, на Красно(й) площади близ Лобнова места копы и бердыши поругательно убили и над телы их поругались без милосердия: головы, и руки, и ного^д обсекли бердышами и тела изсекли в малые части, ноипаче иноверных.

Того ж дни сыскали в Белом городе у Нико-// (л. 328 об.) лы на Хлынове у попа боярина Ивана Языкова да окольниковичева Павла Петровича Языкова. И Павла освободили, а Ивана поругательно на площади копы кололи и бердыши ссекли на мелкие части.

Того ж дни сыскали дохтура Степана жида, и того тут же на площади скололи и бердышами изрубили поругательно в мелкие части.

Маия же в 17 день просили убить боярини^е Кирила Полуектовича Нарышкина и детей его меньших. И по упрощению государыни царицы и великой княгини Наталии Кириловны в Чудове монастыре постригли, во иноцех старец Киприян, и сослали и з детьми в Кирилов монастырь.

Маия ж (в) 18 день сыскали Алексея да Михайла Тимофе-

б, г Вставлено над строкой тем же почерком и чернилами.
в, д, е Так в рукописи.

евых детей Лихачевч: сидели за караулом и сосланы в ссылку.

А дома и животы побитых бояр, и думных диаков, и зсех побитых взяты на великаго государя и свезены в город в Отвере // (л.329)тную полату. И испроданы стрельцом да салдатом по оценке, малую ценою”.

- 1 Тихомиров М.Н.: Заметки земского дьячка второй половины XVII в. - "Исторический архив", М.-Л., 1939, т. II. С.93-100; Записки приказных людей конца XVII в. - ТОДРЛ, М.-Л., 1956, т. XII. С.442-457.
- 2 Буганов В.И., Кучкин В.А. Новые материалы о московских восстаниях XVII в. - "Исторический архив", 1961, № I. С. 144-153; Буганов В.И.: 1) Новый источник о Московском восстании 1682 г. - В сб.: Исследования по отечественному источниковедению. М., 1964. С. 318-324; 2) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. - В сб.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 310-319; 3) Повесть о Московском восстании 1682 года. - В сб.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С.317-354; 4) ПСРЛ, т. 31, М., 1968 (редактор и составитель); 5) Московские восстания конца XVII века. М., 1969; 6) Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. - ЛХ за 1973 г. М., 1974. С. 338-346.
- 3 Богданов А.П.: 1) Поденные записи очевидца Московского восстания 1622 года. - СА, 1979, № 2. С. 34-37; 2) Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича. - ЛХ за 1980 г. М., 1981. С. 197-206; 3) Краткий ростовский летописец конца XVII века. - СА, 1981, № 6. С. 33-37; 4) Редакции Летописца 1619-1691 гг. - В сб.: Исследования по источниковедению истории СССР десятилетнего периода. М., 1962. С. 124-151; 5) Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях. - ЛХ за 1984 г. М., 1984. С.131-146.
- 4 Филигрань: Голова шута IY типа с литерой L (л.1-134, 141-148); герб г. Амстердам с литерами DGH в рамке, сходен с Диановой № 184 - 1680, 1690 гг. и с ГИМ, Барс. 1795, Ф-5, 1680-е гг. (л.135 а-140, 204-212, 238-258 а, 285-307); Голова шута типа Гераклитова № 1406-1408, 1410 - 1681 г., сходна с Диановой № 416 - 1681 г. (л. 149-156); Голова шута IY типа (л. 157-203, 213-218, 221-227); голова шута типа Гераклитова № 1194-1222 - 1674 - 1681 гг., типа Диановой № 351-381 - 1665-1682 гг. (л. 219-220, 229, 231-237); герб г. Амстердам, близок типу Хишуда № 343 - 1671 г. (л.228, 250).
- 5 Это статьи о времени существования Царьграда, крещении Руси, нашествия Батя, приезде Максима Грека в Москву,

взятии Киева Гедимином и владении им литовскими князьями до 1654 г. (последняя переключается с Синописисом первого издания).

- 6 Филиграни: герб г. Амстердам с литерами EP, типа Диановой № 159-160 - 1680 г. и ГИМ, Син. 153, ф-10, около 1686 г. (л. 253-268); голова шута IY типа с контрамаркой NB, типа Гераклитова № 1380, 1382 - 1680 г. (л. 269-284, 330-344, 346-350); Голова шута IY типа с литерами FR (л. 345, 350 а).
- 7 Филигрань: герб г. Амстердам с литерами IG, сходен с Диановой № 140 - 1682 г.
- 8 ГБЛ, ф. 218, Пост. 1963 г. № 65.1, л. 1-144 (автограф). Подробнее см.: Богданов А.П. "Хронографец" Боголепа Адамова. - ТОДРЛ, т. 41, л., 1988.
- 9 Ср.: Богданов А.П. Поденные записи... С. 36.
- 10 Ср.: Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева "Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве". - ЧОИДР, 1894, кн. 4. С. 55.
- 11 Богданов А.П. Роспись "изменников-бояр и думных людей", казенных и сосланных по требованию восставших в мае 1682 г. - В сб.: Мслодне обществоведы Москвы - Ленинскому юбилею. М., 1982. С. 113-118.
- 12 Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов. Под ред. В.И. Буганова. М., 1976, № 69. С. 113-117.
- 13 Буганов В.И.: 1) Описание Московского восстания 1648 г. в Архивском сборнике. - "Исторический архив", 1957, № 4. С. 227-230; 2) Записки современника о Московских восстаниях 1648 и 1662 гг. - АЕ за 1958 г., М., 1960.

ДВЕ НОВГОРОДСКИЕ НАДПИСИ ИЗ "ПОРТФЕЛЕЯ Г.-Ф.МИШЕРА"

Две новгородские надписи, которым посвящена настоящая публикация, не впервые появляются в печати. Обе они известны исследователям по примечаниям Н.М.Карамзина к "Истории государства Российского"¹. Особенно хорошо известна первая надпись - об основании и строительстве Георгиевского собора Дрьева монастыря в Новгороде. Ведь, как установили М.К.Каргер и С.Н.Азбелев, именно в этой надписи восходит известие о зодчем Петре в Новгородской третьей летописи². Однако, не менее интересна и другая надпись - с надгробия великой княгини Феодосии, матери Александра Невского. Она служит интересной иллюстрацией к недавно выдвинутой В.Л.Яниным гипотезе об ошибке шведских интервентов, надругавшихся в начале ХУП в. над останками, как они считали, младшего сына Феодосии Федора, канонизированного Русской православной церковью³.

Публикуя надпись о зодчем Петре Карамзин не сообщил источника своих сведений, но лишь указал местонахождение самой надписи - Георгиевский собор в Новгороде. Иначе обстоит дело со второй надписью. Её Карамзин снабдил следующим комментарием: "В описании княжеских гробов, сообщенном мне от господина губернатора Владимирского показано, что сия великая княгиня и сын Ярославов Федор лежат в Владимире в храме Великомученика Георгия, а в надгробной ей надписи в Новгородском Георгиевском монастыре вырезаны следующие слова..."⁴. Смысл этого комментария не слишком ясен. Во-первых, Карамзин, видимо, полагал, что Феодосия и Федор были захоронены во Владимире, но при этом привел надпись с надгробия в Новгороде. Во-вторых, Карамзин не вчитался в сам текст надписи, из которого следует, что останки Федора были перенесены в другое место. Разгадка кроется в том, что во владимирском георгиевском соборе действительно была надпись, свидетельствующая о захоронении здесь Феодо-

сии с сыном, её то и сообщил Карамзину владимирский гражданский губернатор и известный поэт того времени кн. И.М. Долгорукий⁵. В течение всего последующего столетия велась полемика о местонахождении захоронений Феодосии и Федора, и лишь в 1902 г. М.А.Сперанский окончательно доказал, что владимирские надписи не соответствуют действительности и восходят к ошибке в Степенной книге⁶.

По крайней мере начиная со второй четверти XIX в. опубликованных Карамзиным надписей в Георгиевском соборе в Новгороде уже не было: по приказу знаменитого архимандрита Фотия старые плиты были заменены на новые с текстуально близкими, но все же отличающимися надписями. Для сравнения приведем новую надпись с надгробия Феодосии (новая надпись о зодчем Петре приведена в указанной статье В.Л.Янина). В начале нынешнего столетия захоронение Феодосии находилось "в древней каменной гробнице с новою плитою из белого мрамора наверху" с надписью: "Лета 1244 мая в 4 день в Великом Новеграде почи о господе блаженная великая княгиня Феодосия честнейшая супружница великаго князя Ярослава Всеволодовича, с ним же благоговейно пожи и богоугодно от него пороуди святых благоверных князей Феодора и Александра Невскаго и иных седмь сынов, и на конец жития иноческый образ восприимши, в нем же дано бысть имя ей Евфросиния, положена же бысть в обители св. Георгия подле сына своего святаго благовернаго князя Феодора на сем месте в каменном гробе"⁷.

Что же послужило Карамзину источником при публикации надписей? По всей видимости, это "портфели Миллера", хранящиеся ныне в ЦГАДА. То, что Карамзин активно пользовался материалами "портфелей" хорошо известно, однако, какие именно рукописи он изучил, остается пока открытым вопросом. Именно здесь, в "портфелях", обнаружены нами две публикуемые новгородские надписи. Они хранятся в фонде в виде двух отдельных единиц хранения, однако, идентичность их происхождения не вызывает сомнения: в каждом деле по одному листу, которые заполнены одинаковым почерком второй половины XVIII в. на бумаге одного качества без филиграней. Одинаков и харак-

тер заполнения обоих листов: не по горизонтали, а по вертикали листа. Это заставляет предположить, что надписи скопированы непосредственно с плит. Об этом свидетельствует и характер расположения слов на листе, особенно в надписи о зодчем Петре, где между словами "игумене Кирьяке" и "А мастер" пробел шире, чем между другими словами, так, что окончание слова "мастер" оказывается вровень с окончанием предшествующих строк. Три последние строки в этой надписи короче других и расположены одна под другой по центру длинных строк. (При публикации конец строк отмечен нами двумя косыми чертами).

Остается ответить лишь на вопрос, как тексты новгородских надписей попали в личный архив Г.-Ф.. Миллера. По-видимому, происхождение найденных документов связано с именем известного английского путешественника Уильяма Кокса (Коукса), побывавшего в России в 1778-1779 гг. и оставившего интересные воспоминания, в том числе и о встрече с Миллером⁸. В ЦГАДА сохранилась переписка Миллера с Коксом, в которой историк отвечал на некоторые вопросы своего английского коллеги по истории России. Один из них касался надписей, увиденных путешественником в Георгиевском соборе Крьева монастыря в Новгороде, упоминается здесь и надпись с надгробия Феодосии и Федора. В своем ответе, опубликованном в прошлом веке П.И.Бартеневым, Миллер комментирует текст надписей, приводит имена князей, похороненных в Георгиевском соборе и просит выслать ему текст одной из надписей⁹. (Интересно, что в том же письме Миллер излагает историю сватовства Ивана Грозного к Марии Гастингс, заключая свой рассказ словами: "...и вот так закончилось это дело, о котором до сих пор не писал ни один историк и которое, быть может, ради чести обоих народов не заслуживает огласки").

1. Надпись об основании Георгиевского собора

Лета 1027 заложил церковь каменну князь великий Мстислав //

святаго Георгия в монастыре Юрьеве, а совершил ея великий князь Всеволод // сын Мстиславич Гавриил, а осветил ея в лето 6648 году месяца // июня на память святых апостолов Петра и Павла при игумене Исаии, // а зачата бысть при игумене Кирьяке. А мастер // делал Петр, // церковь // о трех верхах.

ЦГАДА, ф. 199, п. 184, ч. 2, д. 2, л. 1.

2. Надгробная надпись великой княгини Феодосии

Лета 6749 мая в 4 в Великом Новеграде почи о господе чюдная // и великая княгиня Феодосия, честнейшая супружница великаго // князя Ярослава Всеволодича, с ним же благоговейно и богоугодно поживе, // от него ж девять сынов породе, великаго князя и в чюдесех // словущего Александра Невского и инех осмь, // и на конец жития иноческий образ восприимши, и претворено бысть имя // ей Евфросиния и положена бысть в пресловущей обители святаго // Георгия об едину страну сына своего, князя Феодора, последи же // многим мчнувшим летом сын ея, князь Феодор, оттоле из обители // перенесен бысть в Великий Новград в Соборную церковь премудрости божию и поло // жен бысть в паперти Иоанна Богослова с великими князми.

ЦГАДА, ф. 199, п. 184, ч. 2, д. 4, л. 1.

-
- 1 Карамзин Н.М. История государства Российского, т. II, прим. 225; т. IV, прим. 39.
 - 2 Каргер М.К. К вопросу об источниках записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде. - ТОДРЛ, т. XIV. С. 565-566.
 - 3 Янин В.Л. Посмертная судьба Дмитрия Шемяки. - Памятники культуры. Ежегодник за 1984 год. М., 1986, С. 533-540.
 - 4 Карамзин Н.М. Указ. соч.
 - 5 Сам Долгорукий писал: "Не имея с ним (Карамзиным - А.К.) ни связи, ни близкого знакомства ... я случайно имел с ним переписку о гробах великих князей, погребенных в разных церквах и обителях владимирских; о сведениях, какие я мог ему доставить, он рассудил упомянуть в примечаниях на свою историю" (Долгорукий И.М. Капище моего сердца. М., 1874. С. 340).

- 6 Сперанский М.А. Древние гробницы Георгиевской церкви. - Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1902, т. IV.
- 7 Вел. кн. Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. М., 1914, т. I. С. 999.
- 8 Коукс (Кокс) Уильям. По России и Польше в исходе XVIII столетия. - Русская старина, 1907, № 10. С. 182-183.
- 9 ЦГАДА, ф. 199, п. 546, ч.2, д. 9; Архив князя Воронцова, М., 1884, т. XXX. С. 373-377.

ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ПРАВО В УЛОЖЕННЫХ КОМИССИЯХ ХУШ В.

Уложенные комиссии ХУШ в. в России рассматривались в историографии главным образом с правовой точки зрения. Преимущественное внимание обращалось на их организацию, структуру, состав и функционирование прежде всего как кодификационных учреждений. В этом отношении характерно обстоятельное исследование В.Н.Латкина, других государственных чинов¹. Вместе с тем, до сих пор остается не до конца выясненным вопрос о причинах, по которым законодательные комиссии так и не выработали за столетие своей деятельности нового уложения империи. Объяснение этого факта многие историки усматривали главным образом в технических аспектах проблемы — обилии кодифицируемого материала, недостатке средств для организации, недостаточной правовой подготовке правильного ведения дела. Но такая интерпретация (напр., В.Н.Латкина) фактически не выходит за рамки того объяснения, которое давал еще М.М.Сперанский, подводя итоги кодификационной работы, отмечавший, что неудачи в деятельности кодификационных комиссий объясняются обстоятельствами времени и отсутствием соответствующей подготовки². Несколько иную интерпретацию этого вопроса предложил А.Н.Филиппов, указавший на различный характер права на разных этапах его развития. Если в эпоху Московской Руси законодательство создавалось эволюционно путем указов и челобитий, практики приказов, Боярской думы, Земских соборов, а иноземные источники проходили горнило русской действительности, прежде чем попасть в законы, причем если Уложение 1649 г. лишь систематизировало их, то законодательство ХУШ в. имело другую природу: оно исходило не из фиксации обычая и традиции, а из активного вмешательства в жизнь, часто даже вопреки прежним порядкам³. Вместе с тем, следует различать кодификацию, т.е. простое упорядочение и систематизацию уже имеющегося законодательства, и создание нового права. Законодательные комиссии ХУШ в. ставили перед со-

бой фактически обе эти задачи – создание нового Уложения и кодификацию имеющегося права. Это, в свою очередь, открывает перед исследователями возможность рассматривать их с двух точек зрения – как кодификационные учреждения (что традиционно делалось в историографии) и как проведение определенной политической линии, стремление законодательно закрепить социальные изменения, статус, престиж и благосостояние господствующего класса. Именно с этой, второй, точки зрения рассмотрим мы проблему в данной статье.

Существует два основных комплекса источников Уложений комиссий – законодательство и делопроизводство, рассмотрение которых в их взаимосвязи позволяет предоставить реальную борьбу по важнейшим социальным вопросам, прежде всего феодального землевладения. Уложение 1649 г. было важным этапом развития русского права, поскольку превосходило предшествующие по объему регулируемых отношений, систематизации содержащихся норм права, регламентировало различные сферы внутренней политики государства⁴. Однако, уже сразу после его принятия развернулась активная законодательная деятельность по его дополнению, а отчасти и пересмотру, причем в строго определенном направлении – регулирования поземельных отношений, которое имело своим результатом все большее сближение правового статуса поместья и вотчины, на основе которого происходила консолидация и перегруппировка господствующего класса.

Первая Уложенная комиссия, образованная указом 18 февраля 1700 г., ставила на первое место задачи кодификации: предписывалось внести в надлежащие части Уложения 1649 г. все указы, новоуказные статьи и боярские приговоры⁵. Задача определялась как составление новоуложенной книги, свода прежнего Уложения с новым законодательным материалом 1649–1700 гг. Для этой цели большая подготовительная работа проводилась в приказах, которые должны были собрать имеющиеся в них законодательные материалы и доставить их в Палату. Состав Палаты был образован из представителей служилого сословия: в нее вошли 3 боярина (кн. И.Б.Троекуров, кн.

М.Г.Ромодановский, кн. М.Н.Львов), 3 окольных, 3 думных дворянина, 3 думных дьяка, 50 стольников, 3 дворянина и 6 дьяков из приказов – всего 71 чел., а также технические сотрудники – подьячие. Это были исключительно представители правящей элиты, о чем свидетельствует их место в иерархии Государева дора, отразившееся в боярских списках и других учетных документах⁶. Палате был предоставлен текст Уложения, который рассматривался по главам, причем выписки из новых указов были систематизированы по этому же принципу. В ходе заседаний Палаты последовательно рассматривались разделы Уложения и соответствующие им новоуказные статьи. Все это говорит о том, что проводилась именно кодификационная работа. Уложенная комиссия уделила большое внимание поместно-вотчинному законодательству. Были собраны "указы великих государей и боярские приговоры, которые учинены со 154 г. о поместьях"⁷. Поместный приказ предоставил Палате докладную выписку, заверенную думными дьяками, в которой систематизировались указы по поместным делам – об обмене вотчин с переходными четвертями, порядке наследования и другим вопросам. Комиссия шла по линии обобщения и включения в текст Уложения дополнительных статей. В частности, это прослеживается по вопросу об обмене земельных владений между феодалами с большими переходными четвертями. Смысл указов послеуложенного периода состоял в постепенном расширении возможностей такого обмена, хотя его неравноценность могла свидетельствовать о фиктивности факта обмена для обхода существующих ограничений. Эта практика по существу санкционировалась в процессе систематизации соответствующего законодательства. Единственным предусмотренным ограничением подобной практики явилось запрещение записи меновных грамот на поместья, в которых явно выступали "плуты и глупцы и пьяницы", т.е. конкретные лица, неспособные к принятию правильных решений⁸. Подробно рассматривался вопрос о меновных монастырских и церковных землях с помещичьими и вотчинными, причем этот обмен разрешался даже и с большими переходными четвертями, в чем могли быть заинтересованы церковные фео-

дали. В числе своих источников составители назвали старые судебники, Уложение, правила св. апостолов и св. отцов, законы греческих царей, постановления патриархов и узаконения русских государей. В результате работы был составлен первоначальный вариант Новоуложенной книги, который потом еще дополнялся пропущенными ранее указами. Палата об Уложении составила проект указа, которым предполагалось обнародовать это уложение, однако этот документ никогда не был подписан⁹. В качестве составителей Уложения в нем были названы царь, церковный собор, митрополиты, а также бояре, окольные и думные люди. Очевидна сословная направленность проекта, сильное церковное влияние в нем. Возможно это объясняет факт непринятия деятельности Палаты и представленного ей кодификационного проекта.

Именным указом 20 мая 1714 г. Петр создает новую Уложенную комиссию¹⁰. О деятельности этой комиссии мало что известно. Латкин отмечает лишь, что "вторая комиссия ровно ничего не сделала". Некоторый свет на этот вопрос может пролить тот факт, что Петр в это время активно занимался проблемой поместно-вотчинного землевладения, о чем говорит, в частности, ряд изданных в это время законодательных актов, наиболее известным из которых является закон о майорате 1714 г.¹¹ Рассмотрим, каким образом соотносились и переплетались в этот период кодификационная работа и попытка Петра создать новое законодательство по вопросам земельного права. Сенатским указом 3 июня 1714 г. было предписано собрать в Москве во всех приказах все именные указы и боярские приговоры, принятые после Уложения 1649 г.¹² На этот раз, в отличие от предшествующей комиссии, была сделана попытка получить из приказов не просто выписки, но материал, уже систематизированный по отношению к Уложению. Была разработана "Образцовая табель" имеющая целью "учинить перечни, на скольких статьях велено чинить по Уложению, и что сверх того новоуказными статьями прибавлено и убавлено и вновь прибыло о которых делах во Уложение к решению не напечатано"¹³. Таблица предусматривала ряд граф, в ко-

торых каждый приказ должен был систематизировать статьи Уложения, новоуказные статьи по принципу их отношения к Уложению ("прибавлено", "убавлено", "учинено вновь"). Обращение к архивным материалам фонда Сената свидетельствует о том, что приказы собрали значительный материал по этой программе. Однако, отсутствие каких-либо указаний содержательного характера, вновь сделало их трудно съединимыми. Работы были организованы в канцелярии Сената под руководством сенатора Апухтина, а из каждого приказа, где эти работы проводились, присылалось по одному дьяку с необходимым числом подъячих. Сбор материалов и сведение их в таблицы должно было завершиться обобщением законодательного материала, для чего правительственные служащие должны были срочно прибыть в Петербург. На первый взгляд мы имеем здесь дело с обычными кодификационными работами. Однако, можно предположить, что речь шла не только о простой систематизации существующего законодательства, а о попытке создать нечто новое или во всяком случае ввести определенные коррективы. В этой связи встает вопрос о содержании формулы указа 15 июня 1714 г. "о вершении дел по Уложению"¹⁴. В указе говорится, что большое количество разнообразных указов затрудняет судопроизводство и открывает пресстор для судейских чиновников, которые, используя противоречивые положения документов, решают дела в пользу сильнейшего. Заботясь о соблюдении законности, правительство требует судопроизводства по Уложению, а не по последующим указам, более того - решенные на основании новсуказных статей и частных указов дел предполагается пересмотреть. Приведем это положение: "Ревнуя, чтобы во всех от бога данных его ц.в. государствах суд был всем повсюду равный, без богоненавистного лицемерия и противные истине прокчтне корнсти, повелел всякого чина судиям всякие дела делать и вершить все по Уложению", а "по новоуказным пунктам и сепаратным указам отнюдь не делать, кроме тех дел, о которых в Уложении не упомянуто, а учинены те не в перемену, но в исполнение Уложению новоуказные пункты"¹⁵. По смыслу указа, необходима кодификация, кото-

рая будет проведена при первой возможности. Рассмотрим, однако, суть следующей формулировки: "а все те указы, которые учинены не в образец, а также, которые противны Уложению и прочие тому подобные, хотя и помечены именными указами и палатными приговоры, все отставить, и например не выписывать, и вновь таких указов отнюдь не делать. А которые дела по сим указам прежде сего и вершены, оные по челобитьям перевершивать по окончании сего настоящие войны"¹⁶. Возникает мысль об изменении политики — ведь речь идет об отмене позднейших указов и возврате к Уложению 1649 г. Заметим, что указ содержит оговорку — законодательные акты, которые даны в дополнение к Уложению, не отменяются. Сопоставляя указы петровского времени с Уложением, мы видим, что они посвящены в большинстве своем именно новым вопросам — промышленному и торговому законодательству (привилегии купцам, промышленникам, торговым компаниям, изъятие солеварен от монастырей и т.п.), изменениям торговых путей и мест ярмарок, таможенной политике, таможенному праву крупных городов, вопросам государственного управления (образование Сената, учет состава государственного аппарата), совершенствование делопроизводства (переход от столбцов к тетрадям, введение гербовой бумаги, отмена площадных подъячих и их последующее частичное восстановление, оформление крепостных актов) и, особенно, — усилению функций учета и контроля денежных и материальных ресурсов. Все эти вопросы в такой конкретной форме в законодательстве ставились впервые, и, следовательно, не эти направления внутренней политики нуждались в пересмотре. Какие же положения предполагалось возвратить к исходной позиции — Уложению, в петровском указе не конкретизировано, однако, есть намек на это. Дела, решенные по новым указам, могут быть пересмотрены "по челобитьям". А это значит, что речь идет о судебных делах частных лиц, возможно связанных с правами собственности. Вряд ли речь идет о мелких вопросах, ведь несколько ранее говорится об именных указах и палатных приговорах. В предшествующий период большая часть именных указов и палатных пригово-

ров составляли указы и новоуказные статьи о поместно-вотчинном землевладении. Подчеркнем выражение "палатные приговоры", которое само по себе свидетельствует с одной стороны - о важности дел, а с другой - о том, что речь идет об указах допетровского времени. Таким образом, на основании анализа текста указа 15 июня 1714 г. можно предположить, что законодательная политика в отношении прежде всего землевладения, выраженная в многочисленных именных указах и палатных приговорах допетровского периода, им отменяется, или, во всяком случае, приостанавливается, с возвратом к практике Уложения.

В это время деятельность Поместного приказа, осуществлявшего практическое применение законодательства по поместно-вотчинным делам, оказалась предметом особого внимания правительства. В 1713-1714 гг. от обер-фискалов поступили сообщения о том, что в приказе с ведения думного дьяка Автамона Иванова и дьяков Поместного приказа осуществляется незаконная раздача поместий и вотчин из числа пустых и выморочных земель. Выяснилось, что в различных городах и уездах ими роздано разных чинов людям "жилого - 5267 четвертей без полусосьмины, двор помещиков, по переписным книгам крестьянских 250 дворов с третью. А по отказным - 257 дворов с третью, пустых 3 двора, деловых людей двор да с семьями 8 семей, пустого 2953 четверти и 3 четверика, а порознь незаписано"¹⁷. Получив такие данные, царь указал такие незаконно розданные земли "взять попрежнему на себя", послать из Поместного приказа в соответствующие губернии по наказам подьячих, провести опись поместий и вотчин, а описные книги привезти в Поместный приказ. Последовала смена руководства приказом, который передавался в ведение царедворца Кирилла Лаврентиева сына Чичерина с дьяками Осипом Метлиним и Емельяном Небезиним, а прежние дьяки были отставлены от дел. Внимание к статусу и делопроизводству Поместного приказа с этого времени становится постоянным. Особым указом 17 марта 1714 г. предписывалось "поместные дела паки собирать попрежнему в Москве, а к 1715 г. судей и подьячих с

делами перевести сюда", т.е. в Петербург¹⁸. Это распоряжение приобретает особый смысл в связи с тем, что в эти же дни состоялся петровский указ о порядке наследования движимых и недвижимых имуществ (18 марта, издан 25 марта 1714 г.)¹⁹. Сама хронология показывает, что работа над указом связана с размышлениями о поместно-вотчинном делопроизводстве. Интерес к этим материалам, размышления об их значении, необходимости усиления контроля над этой сферой деятельности, смена руководства Поместного приказа, серия указов по всем этим вопросам позволяет лучше понять то направление мысли, которое лежало в основе указа 15 июня 1714 г. о будущем новом Уложении и о временном возвращении к судопроизводству по Уложению 1649 г. В этом указе два вопроса оказались соединенными. Можно предположить, что именно в 1714 г. наиболее отчетливо выступила необходимость изменения законодательства по отношению к землевладению, усиления регулирующей функции государства в этой сфере, что нашло наиболее яркое выражение в законе о майорате. Отметим и другое: практическая работа по подготовке нового уложения сосредоточилась в Поместном приказе. Специалистами по этому кругу вопросов были советники-царедворцы²⁰. При внешней активной деятельности по кодификации никаких реальных результатов достигнуто не было: пассивное сопротивление землевладельцев могло тормозить проведение кодификации в желаемом для Петра направлении. Умонастроения этого слоя проявились в ходе работы самой комиссии. Характерен инцидент с местническими спорами и амбициями советников, потребовавший нескольких указов и отразивший столкновение царедворцев и бюрократии²¹. Скрытое сопротивление администрации Поместного приказа реформам в области земельного права отметил и осудил сам Петр. Так, уже в 1722 г. он подчеркнул важность четкого исполнения законов для государственного управления: "крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти, чего в свете так нет, как в нас было, а отчасти и еще есть, и zelo тщатся всякие ми-

ны чинить под фортецию правды"²². В качестве примера приводится практика Поместного приказа, в котором допускаются ухищрения для обхода закона о майорате: "сочинять указ на указ, дабы в мутной воде удобнее рыбу ловить, как то чинится ныне в Поместном приказе, толкуя наш указ о наследстве противным образом"²³.

Определенное внимание уделялось продолжению работ Уложенных комиссий в последующий период. Ряд указов, предписывавших ускорить эту работу и даже расширить состав комиссий прикомандированием представителей с мест относится ко второй половине 20-х - 30-м гг., однако они носили скорее внешний характер, лишь декларируя необходимость совершенствования законов, но не затрагивая вопроса по существу. Со всей определенностью вопрос о совершенствовании законодательства отражен в указе 1731 г., который, наконец, узаконил отказ правительства от проведения в жизнь закона о майорате, столь неприятного для дворянства²⁴. В этом законодательном акте главный акцент был сделан на естественности равного раздела имущества между детьми со ссылкой на Уложение 1649 г. при которой отмена майората представляла как возврат к традиционному правовому порядку. В условиях отступления от петровской внутренней политики Уложение выступает уже как символ допетровских порядков вообще, а в данном конкретном случае отмена майората трактуется как возврат к безраздельному владению вотчиной. Однако на самом деле, налицо подстановка под старые термины нового содержания. В уложении, во-первых, владение связывалось со службой сословий, а во-вторых, поместное владение носило условный характер. Теперь же дворянство добилося того, что вопрос о передаче земель по наследству не ставился в зависимость от характера владения. В подкрепление этой важнейшей для дворянства позиции в указе 1731 г. четко говорилось об уравнинии правового статуса поместья и вотчины под общим термином недвижимое имущество. Отступив от петровского указа в его сути, дворянство использовало, в то же время, тот факт, что в указе 1714 г. поместья и вотчины рассматривались в

целом под этим понятием. Своеобразную трактовку в этом продворянском указе 1731 г. получил вопрос о сочинении нового Уложения. Предусматривалась дальнейшая работа по до-
полнению его "в пополнение тому или каких пунктов в Уложе-
нии недостает, то сочинить при поправлении того Уложения"²⁵.
В каком направлении должна была пойти эта работа не оставалось сомнений, вопросы вотчинного землевладения должны были разрабатываться в первую очередь: "и для того вотчинную главу, в которой нужда больше всех состоит, прежде других сочинить". Эта работа продолжалась, как свидетельствуют документы делопроизводства комиссий, еще в течение ряда лет²⁶.
В это время продолжали вестись протокольные записи заседаний²⁷, велись документы текущего учета и контроля работы²⁸, продолжала развиваться внутренняя структура самих законодательных комиссий²⁹, однако особой результативности этой работы не прослеживается.

Новый импульс в составлении проекта нового Уложения был дан в августе 1754 г., когда план ее деятельности был утвержден Сенатом³⁰. Елизаветинская комиссия отражала новый этап в изменении положения дворянства и план комиссии не оставлял сомнений в том, что новое Уложение мыслилось как законодательное закрепление прежде всего амбиций правящего класса. Уложение предполагалось представить в четырех частях, две из которых составляли гражданский и уголовный законы ("О суде" — часть I и "О розньских делах" — часть IV). В центре оказывались положения "О разных правах подданных" (ч. II, в которой предполагалось зафиксировать приоритетные права дворянства по отношению к другим сословиям), и разработка вопросов вотчинного или владельческого права дворянства (ч. III — "О движимых и недвижимых имуществах"). Подготовленный комиссией по этому плану проект Уложения явился действительно манифестом дворянского сословия³¹. В проекте формулировалась мысль об исключительных правах дворянского сословия. Глава "О вольных и невольных людях в государстве" определяла статус различных сословий по отношению к крепостному праву. Были разработаны положения "о власти помещико-

вой над крепостными людьми и крестьяны", "о запрещении другим сословиям иметь крепостных - "о холопах и крестьянах и каким людям собственных себе людей крепить не позволено", предусматривались статьи о беглых дворовых людях и крестьянах. Вотчинное право рассматривало наиболее существенные для дворянства привилегии, был сделан новый шаг в определении статуса помещичьих владений - "что есть движимое и недвижимое имение и об именовании всего недвижимого вотчиною", что говорит само за себя. С большой предусмотрительностью был разработан вопрос о межевании земель, "межах и гранях", "О принадлежащих к недвижимому всякого звания угодьях", и, наконец, о путях приобретения новых - "О порозжих и выморочных землях"³². В 1761 г. елизаветинская Уложенная комиссия высказалась за привлечение депутатов из различных сословий - духовенства, дворянства, купечества, причем предполагалось провести их выбор в провинциях. Депутаты или часть из них пробыли в комиссии до 1763 г., после чего были распущены. Комиссия же просуществовала до 1766 г. В это время Екатерина II уже разрабатывала проект новой Уложенной комиссии, а вскоре был издан Наказ для нее и стали проводиться выборы депутатов. Чем же объясняется отсутствие преемственности в работе двух Уложенных комиссий? Ответ состоит в том, каково было содержание представленного елизаветинской комиссией проекта. Он носил слишком выраженный продворянский характер и потому, вероятно, не мог вполне удовлетворить правительство. Дворянство "имеет над людьми и крестьяне своими, - говорилось в нем, - и имением их полную власть без изъятия, кроме отнятия жизни и наказания кнутом и проведения над оными пыток". Другие сословия полностью лишены подобных прав, в том числе духовенство, которое не может крестьян продавать, закладывать или отпускать на волю, фабриканты и заводчики, которые не могут продавать и закладывать крестьян отдельно от заводов. Недворянам запрещалась покупка деревень и земель. В проект включено положение об исключительном праве дворян иметь у себя в вотчинах заводы, причем представители других сословий должны были продать имеющиеся в их распоряжении по-

добные предприятия в течение 10 лет. Ведется наступление на петровский указ, ставивший в свое время целью расширение социальной мобильности правящего класса — произведенные в дворянство из офицеров и чиновников дворянство сохраняют, но их дети исключаются из него. Дворянские требования елизаветинского проекта в дальнейшем нашли свое отражение в дворянских наказах в Уложенную комиссию 1767 г. Наказы же других сословий в нее, прежде всего купечества, отражают остро-ту социальных противоречий в области владельческого права. Уложенная комиссия Екатерины II предусматривала более широкий спектр представительства третьего сословия. Поэтому в комплексе наказов в Уложенную комиссию отражена более полная картина противоречий и позиций различных сословий. Интересно, что в именном указе Сенату "об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения и выборе в оную депутатов"³³ упоминается о петровских уложенных комиссиях 1700—1714 гг., а более близкие по времени и отчасти еще продолжавшие действовать комиссии, даже не упомянуты, что отражает стремление в какой-то мере ограничить притязания дворянства и создать более широкую базу режиму.

Таким образом, на протяжении почти столетия правительство неоднократно обращалось к созданию Нового Уложения. В чем же причина того, что оно так и не было создано? Анализ источников показывает, что суть дела состояла не только и не столько в кодификационных трудностях. Отметим, что уже первая комиссия подготовила Уложение (Новоуложенную книгу) и представила ее к утверждению вместе с проектом соответствующего манифеста. Проблема, повидимому, состояла в другом. Если Петр не принял составленного Уложения потому, что шел дальше его, то преемники не видели в этом особого смысла, поскольку, добившись власти с помощью дворянства, укрепляли ее дальнейшими уступками ему. Попытка урегулировать нараставшие социальные противоречия при Екатерине II оказалась утопией из-за их непримиримого характера. Источники об Уложенных комиссиях XVIII в. позволяют раскрыть путь дворянства к власти и соответствующую эволюцию политики госу-

дарства при решении проблем феодального землевладения.

- 1 Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России XVIII столетия. Спб., 1887.
- 2 Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде Законов. Спб., 1833.
- 3 Филиппов А.Н. Учебник истории русского права. Юрьев, 1912. С. 549.
- 4 Маньков А.Г. Уложение 1649 г. - кодекс феодального права России. Л., 1980. Развитие русского права в XV - первой половине XVIII в. М., 1986.
- 5 ПСЗ, т. У, № 1765, список с указа см.: ЦГАДА, ф. 342, оп. I (ф. 1255), д. I, ч. 2, л. 2.
- 6 ЦГАДА, ф. 210, № 45.
- 7 ЦГАДА, ф. 1255 (Палата об Уложении 1700 г.), д. I, ч. 2, л. 2.
- 8 ЦГАДА, ф. 1255, д. 4, ч. 2, л. 36.
- 9 Там же, д. I, ч. 3.
- 10 ПСЗ, т. У, № 2828.
- 11 ПСЗ, т. У, № 2789.
- 12 ПСЗ, т. У, № 2819.
- 13 Там же. С. 115.
- 14 ПСЗ, т. У, № 2828.
- 15 Там же. С. 116.
- 16 Там же. С. 117.
- 17 ПСЗ, т. У, № 2804. С. 103-104.
- 18 ПСЗ, т. У, № 2788. С. 90.
- 19 Там же, № 2789.
- 20 ЦГАДА, ф. 248, кн. 42, оп. 2, л. 138-138 об.
- 21 ЦГАДА, ф. 188, оп. I, д. 43 (Родословная 1724), л. 3. См.: Буганов В.И. Враждолюбное местничество. - ВИ, 1974, № II. С. 118-133.
- 22 ПСЗ, т. У, № 2789; Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М., 1945. С. 107, 17 апреля 1722 г., № 132.
- 23 Там же. С. 107.
- 24 ПСЗ, т. УШ, № 5717.
- 25 Там же. С. 397.
- 26 ЦГАДА, ф. 342, д. 9, ч. I.
- 27 Там же, д. 10, ч. 2, II, ч. I.
- 28 Там же, д. 9, ч. III и др.
- 29 Там же, д. 10, ч. 3.
- 30 ПСЗ, т. XIV, № 10283. С. 202-207.
- 31 Проект нового Уложения, составленного законодательной комиссией 1754-1766. Текст под ред. В.Н.Латкина. Спб., 1893.
- 32 ПСЗ, т. XIV, № 1083. С. 207.
- 33 ПСЗ, т. XVIII, № 12301, 14 декабря 1766 г. С. 1092.

ПИСЬМЕННЫЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ХУШ-НАЧАЛА XIX В. ПО ИСТОРИИ КАЛМЫКИИ

Наиболее ранним из сохранившихся калмыцких исторических сочинений является "Сказание об ойратах" Габан-Шараба, составленное в 1737 г. Дореволюционная отечественная ориенталистика располагала несколькими списками "Сказания" на калмыцком и монгольском языках. По мнению специалистов-калмыковедов, более полными по информации и высококачественными по исполнению являются рукописи из Библиотеки Восточного факультета ЛГУ. Списки сочинения Габан-Шараба хранятся также в рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР - в коллекциях ученых-калмыковедов К.Ф.Голстунского и А.М.Позднеева. Исследователи предполагают, что списки, находящиеся в ленинградских собраниях рукописей, были вывезены в середине XIX в. из книгохранилища калмыцкого нойона Церен-Джаб Тюменя Г.С.Лыткиным, историком, литератором-фольклористом и переводчиком, обогатившим отечественное востоковедение прекрасными переводами калмыцких исторических сочинений. Еще об одном списке труда Габан-Шараба, находившемся в личном пользовании калмыцкого просветителя Н.Очирова, упоминает известный ученый В.Л.Котвич.

Существование многочисленных рукописных списков исторического сочинения Габан-Шараба свидетельствует о его распространности и большом интересе русских исследователей к ценнейшему труду по истории Калмыкии. Г.С.Лыткин осуществил первый перевод "Сказания об ойратах" в 1859 г., находясь по служебным делам в Хошеутовском и Малодербетовском улусах Калмыцкой степи. Известен черновой перевод Т.А.Бурдуковой, использованный Н.Я.Златкиным в работе над "Историей Джунгарского ханства". Русский перевод "Сказания об ойратах" был опубликован лишь в 1969 г. благодаря усилиям ученого-литературоведа А.Б.Бадмаева, выполнившего огромную ра-

боту по выявлению калмыцких рукописей в архивах нашей страны и МНР и их сравнительно-текстологическому анализу. Бадмаевым был составлен и издан сборник "Калмыцких историко-литературных памятников в русском переводе", куда вошли все известные калмыковедческой науке исторические сочинения, а также труды Г.С.Лыткина. К сожалению, автор включил в этот сборник наилучший вариант перевода "Сказания об ойратах" Габан-Шараба, принадлежащий неизвестному переводчику и значительно уступающий по качеству переводу Г.С.Лыткина.

Габан-Шараб, автор "Сказания об ойратах", был образованным человеком, историком и большим знатоком тибетской медицины, занимал видное место в религиозной и политической жизни калмыцкого общества XVIII в. Имеются известия о причастности Габан-Шараба к дипломатической деятельности. Так, в 1737 г. он входил в состав калмыцкого посольства в Тибет от хана Дондок-Омбо. В период междоусобных распрей калмыцких феодалов Габан-Шараб, защищая интересы хана Дондок-Омбо, в 1738 г. вел переговоры с его восставшим сыном Галдан-Нормо¹. Близость к правящей феодально-клерикальной аристократии позволила автору использовать в сочинении сведения и факты из политической жизни Калмыцкого ханства.

Габан-Шараб начинает "Сказание об ойратах" с изложения цели сочинения. Он хотел напомнить прикочевавшим в начале XVII в. в Россию ойратам их историю, "чтобы не быть в забвении бывшему"². Автор стремится осмыслить прошлое и настоящее ойратов-калмыков, опыт предков, необходимый для практического применения его современниками, в первую очередь правящей феодальной верхушкой Калмыкии первой половины XVIII в. и их последователями. В этой работе Габан-Шараб не только излагал свои личные наблюдения над современными ему событиями, но и приводил факты из предшествующей литературы, не дошедшей до нас. Так, в тексте "Сказания" он ссылается на сведения неизвестного сочинения Алдар-Гавджи, включает легенду о поучении Чингис-хана своим детям, ранее упоминаемую в общемонгольском историческом произведении "Сокровенное сказание". Об использовании историком письменных источников

наиболее убедительно свидетельствует рассказ автора о монголо-ойратском съезде 1640 г., имевшем целью политическое единение его участников — калмыцких владельцев. Габан-Шараб придавал большое значение историческим сведениям авторитетных, на его взгляд, информаторов из правящей феодальной аристократии Калмыцкого ханства: главы церкви Губан-ламы, хана Аюки, его сестры Доржи-Рабан, вдовы правителя джунгарских хошутов Очирту Цецен-хана, прикочевавшей на Волгу из Джунгарии в 1678 г., и др.

В какой-то степени на труд Габан-Шараба оказала влияние монгольская историческая литературная традиция. Это проявляется в структуре сочинения, отсутствии четкой хронологической последовательности. Кроме того, автор обращается к сюжетам преданий, упоминаемых в ранних общемонгольских исторических сочинениях. Текст сгруппирован по небольшим тематическим разделам, посвященным происхождению ойратских феодальных фамилий, а также отдельным калмыцким ханам и нойонам, их деяниям, взаимоотношениям между ними. Большое место в сочинении занимают разделы нравоучительного характера. Это, прежде всего, описания мудрых речей и поступков, предсказаний ойратских и калмыцких нойонов. В них раскрываются взгляды историка, его отношения к событиям и фактам политической жизни феодального общества.

"Сказание" Габан-Шараба по монгольской традиции начинается с характеристики этно-генеалогической основы ойратов: торгутов, хошутов, дербетов и зюнгарцев. Калмыцкая феодальная аристократия в целях обеспечения и утверждения своих прав всегда акцентировала внимание на вопросе о происхождении и судьбах различных этно-территориальных объединений и, в особенности, правящих ими владельческих фамилий. Габан-Шараб, определяя происхождение калмыцких улусов, уделяет основное внимание генеалогии феодального дома Торгут, представителем которого он являлся. Для усиления авторитета правящей феодальной власти торгутов историк выводит их родословную от Ван-хана, который по его замечанию, "был с Чингисом одного поколения"³. Подкрепляя этот тезис сведениями Алдар

Гавджи и Далай-хана, подтверждающими древность и родовитость этно-территориального объединения торгутов, Габан-Шараб идеологически обосновывает и возвеличивает права торгутских нойонов - феодальных правителей Калмыцкого ханства. Здесь автор не забывает упомянуть о своей близости к генеалогической ветви правящего феодала. Этно-генеалогические характеристики дербетов, зынгаров и хошутов, имеющиеся в "Сказании об ойратах", менее подробны. Габан-Шараб как бы противопоставил им исключительные права и привилегии феодального дома торгутов.

Общий тон сочинения свидетельствует о его официальной направленности. Габан-Шараб подходит к вопросам истории Калмыкии с сословных позиций представителя феодальной аристократии. В разделах, посвященных делам ойратских нойонов и зайсангов, автор выступает сторонником сильной власти. Окидывая ретроспективным взглядом историю ойратов XV-XVI вв., Габан-Шараб сравнивает феодальные порядки тех столетий с современностью. Восхваляя дела "древних" ойратских нойонов и зайсангов, он писал, что они "старались об утверждении власти господина своего и о благоденствии его подданных и однородцев"⁴. Из современников автору более всего импонирует хан Аюк, при котором Калмыцкое ханство значительно окрепло и обрело относительную независимость. Идеализируя личность и поступки Аюк-хана, Габан-Шараб превозносит его управление "подданными в равенстве" и "спокойствии", подчеркивает его многотерпение и великодушие⁵.

Централизаторские тенденции Габан-Шараба наиболее отчетливо проявляются в вопросе о разделении наследства между сыновьями калмыцких нойонов и ханов. Автор негативно оценивает сложившуюся у ойратов практику равного наследования. Аргументируя свой взгляд на эту проблему, Габан-Шараб обращается к опыту централизации феодальной власти в других государствах: "Как из чужих историй видел, так и слышал, что во всех государствах один только сын управляет отца своего государством, а наши ойратские владельцы как людей, так и оружие детям своим делят, и хотя они законно сие делают, од-

нако, наконец, дети их чрез то приходят между собой в несогласие"⁶. Историк одобряет действия торгоувского тайши Дайчина, выделившего в наследование трем сыновьям равные уделы, значительно уступавшие уделу отца⁷. Тем самым, он, борясь против дробления уделов, пропагандировал принцип сильной феодальной власти. Габан-Шараб вводит в текст "Сказания" сюжет о связке стрел, хорошо известный всем монголоязычным народам. Излагая легенду о поучении Чингис-хана, автор имел в виду, что отсутствие борьбы между владельцами явится залогом мощи и самостоятельности Калмыцкого ханства.

Изложив свои приципы правления и наследования, сводящиеся к необходимости преодоления межфеодальной борьбы, Габан-Шараб заложил основы политической концепции централизации ханской власти. Эта идея, сформулированная Габан-Шарабом во время относительно успешного развития Калмыцкого ханства в первой половине XVIII в., тесно перекликается с сообщаемыми историком сведениями о событиях общемонгольской истории. Имеются в виду монголо-ойратский съезд 1640 г., выработавший "Великое уложение", и примеры политики объединения и централизации Батура-хунтайджи - первого единодержавного правителя Джунгарского государства. Габан-Шараб не случайно ввел в "Сказание об ойратах" пункты из решений съезда, предусматривающие "мунгалов у себя в холопстве не иметь, однородцев, хотя бы и самые подлые были, в тяжелые работы не употреблять, за дочерьми в приданое не отдавать и в холопстве не иметь и иностранным не отдавать и кровь их не проливать"⁸. Исторические параллели, проводимые автором, продиктованы идеей преодоления сепаратизма и усиления консолидации калмыцких феодалов под верховной властью хана. Габан-Шараб приводит исторические факты, свидетельствующие о межфеодальной борьбе калмыцких владельцев за политическое и экономическое господство, не комментируя причины и характер междоусобиц ("Торгутов Дайчин племянника и меньшего своего брата Йелденга разорил"; "Досанг меньшего брата Нитара убил..."; "Санджип отца своего Алжу хана принудил бежать в российские жилища")⁹. Современникам Габан-Шараба

указанные в сочинении имена были знакомы и вызвали у них конкретные ассоциации, позволяли провести определенные параллели.

Калмыцкого историка интересовал вопрос о времени отделения торгутов Хо-Орлюка от остальной массы ойратов и о начале их откочевки на Волгу. Он включил в "Сказание" специальный раздел, озаглавив его "Описание времени, с которого они разошлись друг от друга" (торгуты от дербен-ойратов Джунгарии - Б.Б.). Здесь Габан-Шараб предлагает достоверную хронологию разделения ойратов и их прихода в Поволжье, сообщает, что в 1628 г. "Доузанг ойрадским владельцам представил намерение свое от них отлучиться, в 1629 г. действительно отошел, в 1630 г. перешел Яик и Волгу, завоевал татар, в том же году Хо-Орлюк и Дайчин пришли к Яику, в 1631 г. пришли к Волге"¹⁰. По мнению автора, ойратские владельцы, первыми начавшие движение своих улусов к междуречью Волги и Урала, поставили об этом в известность дербен-ойратов Джунгарии. Таким образом, откочевка части ойратов на запад - в Россию и юго-восток - в район Куку-Нора, была одобрена феодальными лидерами Западной Монголии. Последние были вынуждены согласиться на расселение как на единственный выход из кризиса, связанного с социально-экономическими условиями ойратского общества конца XVI - начала XVII вв. и особенностями внешнеполитической обстановки. Габан-Шараб не считал уход ойратов в Поволжье окончательным разрывом их с монгольским миром.

Придавая важное значение распространению буддизма среди ойратов и их связям с Тибетом, историк посвятил этому вопросу один из разделов "Сказания". Широкое распространение ламаизма он связывает с деятельностью торгутовского Тенус Мерген Темене, отыскавшего путь в Тибет и пригласившего духовного наставника далай-ламы к ойратам. Автор подчеркивает роль представителя далай-ламы не только как проповедника ламаистского учения, но и как просветителя ойратов. Габан-Шараб считал, что "Цаган Номин Хан обучил письменам и сидящих во тьме неведения (ойратов - Б.Б.) просве-

тил законом" ¹¹.

Особенностью творчества автора являлось присущее ему критическое отношение к источникам, недоверие к непроверенным сведениям. В тех случаях, когда у него не было достаточно подробных данных, Габан-Шараб указывал на отсутствие надежного письменного источника. Метод критического отношения к историческим источникам воспринял у Габан-Шараба калмыцкий историк начала XIX в. Б.-У. Тюмень.

Национальная историческая литературная традиция, основанная Габан-Шарабом, была продолжена. Г.С.Лыткин, исследуя письменное наследие волжских калмыков в середине XIX в., высказал вполне обоснованную мысль о существовании при ставке калмыцких ханов богатой историческими сочинениями библиотеки, увезенной наместником ханства Убуши в 1771 г. в Джунгарию. Г.С.Лыткин связывает дальнейший временный застой в развитии исторической мысли Калмыкии с уходом большей части калмыцкого народа во главе с образованной светской и духовной феодальной аристократией из России. Видимо, поэтому отечественная историческая наука не располагает письменными сочинениями калмыцких авторов XVIII в., за исключением "Сказания об ойратах" Габан-Шараба. Но исследователи истории и литературы Калмыкии единодушны в предположении о том, что летописная традиция продолжала развиваться. Известный ученый-востоковед В.А.Котвич писал, что "испытанные ими (калмыками - Б.Б.) превратности судьбы не способствовали сохранению исторической литературы, которая, несомненно, у них существовала" ¹². Крупный специалист по монголоязычной литературе Б.Лауфер, много работавший в Дрезденском архиве, где находятся многочисленные калмыцкие рукописи, утверждал, что "калмыки обладают большим количеством исторических сочинений" ¹³.

Г.С.Лыткин считает, что утрата ценнейших письменных памятников национальной истории и культуры вследствие феодальной авантюры 1771 г. и скудость исторических знаний побудили просвещенного нойона Б.-У. Тюменя в 1801 г. приступить к работе над "Сказанием о дэрбен-ойратах" ¹⁴.

Батр-Убаши Тюмень, калмыцкий владетельный нойон, являлся одним из образованнейших представителей феодальной аристократии, получившим, кроме традиционного ламаистского хурульного образования, светское и военное в Петербурге. Он известен не только как автор "Сказания о дербен-ойратах", написанного с 1801 по 1819 гг., но и как переводчик исторических сведений о калмыцком народе. Б.-У. Тюмень перевел на русский язык "Сочинения маньчжурского князя Цуйши о том, как торгуты покинули русскую землю и стремились уйти в Джунгарию". Он знал и ценил национальный фольклор, записал песни и легенды, составил записку о строевой военной службе калмыков. Значительную часть жизни он посвятил военной службе России, особенно отличился в войне 1812 г. Б.-У. Тюмень прославил себя как архитектор и руководитель строительства великолепного архитектурного памятника - буддийского храма в память об участии калмыков в Отечественной войне 1812 г. (находится в 80 км от г. Астрахани).

Сочинение Б.-У. Тюменя было обнаружено Литкиным в фамильном книгохранилище нойонов Тюменей в 1859 г. Он указывал на наличие двух списков "Сказания о дербен-ойратах". Одним он пользовался при переводе на русский язык этого сочинения, а другой "список с него" принадлежал наставнику переводчика А.В.Попову (1833-1891), известному ориенталисту. А.М.Позднеев также имел рукопись труда Б.-У. Тюменя. В наше время судьба этих списков "Сказания о дербен-ойратах" неизвестна, и лишь единственный экземпляр хранится в Библиотеке Восточного факультета ЛГУ.

На русском языке текст сочинения, переведенного Литкиным, впервые был опубликован в 1859-1860 гг. в газете "Астраханские губернские ведомости". Калмыцкий текст "Сказания" Б.-У. Тюменя несколько раз издавался А.М.Позднеевым в конце XIX - начале XX веков.

Структура труда Б.-У. Тюменя во многом повторяет тематический принцип расположения материала у Габан Шараба. Автор также не придерживается строгой хронологической последовательности. Тюмень начинает изложение с характеристики

"Монгольского нутука", то есть с определения обширного монгольского этнического мира. Повествование о монгольском кочевье открывается 1196 годом, временем Чингисхана. Историк отчетливо различает монгольские народы. Монголов он именуется халха; ойратов, отделившихся от "зюнгарского нутука", т.е. Джунгарии — калмыками. Тюмень ясно представляет тюркское происхождение термина "калмык", упоминая о татарах, давших ойратам название "калмак", или "отколовшиеся"; но время наделения части ойратов Западной Монголии этим этнонимом автором не указано.

Следуя примеру Габан-Шараба, Б.-У. Тюмень оговаривает случаи, когда он не имел возможности подкрепить сообщаемые сведения и взгляды данными авторитетных источников.

Труды калмыцких авторов имеют много общего в структуре, методе изложения. Но идейные позиции составителей двух сочинений различны. В условиях окончательного вовлечения Калмыкии в общероссийский политический и экономический процесс, ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. и установления более полного контроля со стороны царской администрации происходят изменения и в развитии калмыцкой исторической мысли. Характерный назидательно-поучительный тон повествования Габан-Шараба отвечал требованиям и духу времени. Концепция централизации феодальной власти, принадлежавшая Габан-Шарабу, идеологически обосновывала политику Дондук-Омбо, следовавшего примеру своего деда хана Аюки. Призывы Габан-Шараба к сильной власти, возвеличивание деяний ханов и осуждение сепаратизма удельных феодалов являлись объективной необходимостью в эпоху развития калмыцкой автономной государственности и окончательного формирования калмыцкой народности. С изменением общественно-политических условий в начале XIX в. изменяются цели и, следовательно, характер работы историка. Это хорошо видно на примере труда Тюменя. Уже нет смысла вести речь о единовластии и автономии. Поэтому автор "Сказания о дербен-ойратах" упоминает о былых исторических прецедентах усиления феодальной власти только с целью политического и экономического утверждения своей

княжеской фамилии. Для этого он принимает и всячески поддерживает идею Габан-Шараба о сильной феодальной власти. Понимая, что дробление феодальных уделов ведет к падению их значения, Тюмень в своем сочинении приводит данные, свидетельствующие о том, как нойоны и ханы Джунгарии и Калмыкии в ХУП-ХУШ вв. стремились изменить порядок наследования. Особо приветствует он принцип раздела, практикуемый Батурхунтайджи (ханом Джунгарии), торгуетовским тайшей Хо-Орлюком, его сыном Шукур-Дайчином и ханом Люкой. Этот принцип вел к централизации феодальной власти в результате ограничения равного наследования между сыновьями и усиления одной из феодальных группировок. В другом разделе сочинения, который называется "Мысли мудрых ойратских ханов и нойонов о наделе сыновей уделами", автор одобряет действия правителя Дайчина ("Ты по своей мудрости взял себе большую часть народа и живешь по-прежнему в силе") и, напротив, осуждает принцип владельца Кондулен-Убаши, "представившего все управление сыновьям своим, обезсилив себя"¹⁵.

Б.-У. Тюмень положительно оценивает постановления съезда ойратских ханов и нойонов, которыми строго запрещалось привлекать халхаских феодалов к решению внутренних споров в междоусобной борьбе, унижая достоинство ойратско-калмыцкого владельца, "хотя бы он был бы обессилен и сделался подвластным"¹⁶.

Централизаторские мотивы взглядов Тюменя перекликались с аналогичной концепцией Габан-Шараба. Но в силу изменившихся исторических условий общая для авторов идея эволюционировала. Габан-Шараб во время поступательного развития феодального ханства видит залог национального величия в действиях калмыцких ханов, направленных к централизации власти. Тюмень, призывая к единству в изменившихся социально-экономических и политических условиях развития России в целом и Калмыкии в частности, напоминает о необходимости сословной корпоративности.

Особое место в "Сказании о дербен-ойратах" занимает раздел "О вступлении в подданство России Дечжит-нойона, по-

томка Иобоген-Мергена и о временах сына его Тюмень-Джиргалана". Батр-Убаши Тюмень был сыном хошутовского нойона Тюмень-Джиргалана, усыновленного влиятельным нойоном Замьяном, одним из самых лояльно настроенных к России калмыцких владельцев. В своем сочинении Б.-У. Тюмень приводит многие факты из биографии отца и деда, свидетельствующие об их близости к русской великосветской знати. Нойон Замьян накануне трагического ухода калмыков в Джунгарию в 1771 г. неоднократно предупреждал русскую администрацию о готовящемся походе, имея цель предотвратить его. Замьян представил своего 9-летнего приемного сына Тюмень Джиргалана "великой императрице Екатерине II, которая допустила его к своей руке и на некоторое время оставила жить в столичном городе Петербурге"¹⁷. По монаршей воле отец Б.-У. Тюменя получил европейское образование и привил своим сыновьям интерес как к русской грамоте, так и к национальному устному и письменному наследию. Влияние русской культуры на творчество калмыцкого историка заметно именно в рассматриваемом разделе "Сказания". Стиль повествования резко отличается от предыдущих разделов: отсутствуют иносказания, ссылки на народные предания и легенды и т.д. Автор дает оценки некоторых исторических событий языком русского официального делопроизводства. Б.-У. Тюмень не одобрял, как и его дед Замьян, авантюру калмыцкой феодально-клерикальной верхушки, спровоцировавшей в 1771 г. откочевку большей части народа из России в Джунгарию. Устами императрицы Екатерины автор называет наместника Убуши "нарушителем клятвы", забывшем верность и убежавшем из России"¹⁸. Далее он сообщает о том, что подвластных калмыков из улусов наместника Убуши, оставшихся в Калмыкии, по указу Екатерины раздали верным нойонам и зайсангам. Замьян получил значительную часть торгутов. Эти сведения Б.-У. Тюмень, по всей видимости, почерпнул из "высочайшего повеления" Екатерины, хранившегося в архиве его родителя Тюмень-Джиргалана. Автор сочинения использовал также и материалы переписки Тюмень-Джиргалана с русской администрацией. Историк подчеркивал, что основным информа-

тором при сборе материала для написания труда был Тюмень-Джиргалан. Широко использовал Тюмень также рукописи и книги, хранившиеся в семейной библиотеке владельцев Хошеутовского улуса; о ее существовании имеются точные сведения¹⁹.

Автор "Сказания о дербен-ойратах" не случайно делает экскурс в прошлое своего рода. акцентирует внимание на милости русских монархов представителям Тюменей, с верно подданныческим настроением сообщает о заслугах нойона Замьяна перед Россией. Подобную тенденциозность можно объяснить желанием Тюменя получить выгоды от ярко выраженной Замьяном и Тюмень-Джиргаланом преданности царскому престолу. Общественное Б.-У. Тюменя с русским дворянством, стремление иметь сословные привилегии побудили его к мысли обосновать свои феодальные права. В 1827 г. он возбудил ходатайство о признании за ним княжеского титула, ссылаясь прежде всего на свидетельства, данные торгутовскими и дербетовскими нойонами о происхождении его от нойона Тюмень-Джиргалана, а затем на целый ряд грамот, указов и различных документов русской администрации, в которых Тюмени именовались князьями. Для Департамента Герольдии, рассматривавшего ходатайство Б.-У. Тюменя, доказательств этих оказалось недостаточно, и ходатайство было отклонено²⁰. Позже, в 1828 г., он продолжил свои попытки узаконить княжеский титул. В прилагаемой к ходатайству генеалогической таблице, как и в "Сказании о дербен-ойратах", он выводит происхождение деда нойона Замьяна от поколения младшего брата Чингис-хана Хабуту-Хасара.

Цель, преследуемая автором сочинения, заключалась не только в просвещении несведущих "ради всегдалнего воспоминания" истории, но и в демонстрации родовитости своих предков перед калмыцкими феодалами для обеспечения преимуществ своей фамилии и утверждения ее в дворянском обществе России.

Б.-У. Тюмень одним из первых калмыцких авторов сообщает ценные сведения о прогрессивных явлениях, происходивших в хозяйстве и быте калмыков в связи с их переходом к

оседлости. Под влиянием русской оседлой земледельческой культуры предки автора "Сказания" Замьян и Тюмень-Джиргалан ранее других калмыцких владельцев восприняли передовые формы хозяйствования. Уже для второй половины XVIII в. Б.-У. Тюмень отмечает в улусе Замьяна строительство стационарного поселения, прикрепление подвластных крестьян к пожалованной нойону земле. Тюмень-Джиргалан, пишет автор, "приказывал засеивать поля, готовить на зиму сено для корма скота, строить хутора для защиты скота от зимних морозов и непогод, приучал подвластных своих к разным ремеслам и промышленности и вообще заботился об их благоденствии"²¹.

"Сказание о дербен-ойратах" Б.-У. Тюменя по стилю и идейному содержанию все более отходит от общемонгольской летописной традиции. На творчестве автора безусловно сказались особенности конкретно-исторических условий Калмыкии конца XVIII - начала XIX вв., проявившиеся в ликвидации ханской власти и установлении более полного административного контроля царских властей, влиянии общерусских экономических процессов, прекращении тесных связей с Тибетом и прародиной Джунгарией. Б.-У. Тюмень рассматривает историю калмыцкого народа как составную часть истории России, оценивая события и факты с точки зрения русской дворянской администрации. Влияние русской культуры постоянно ощущается в языке сочинения, литературных приемах и особенно в источниковой базе, основывающейся на официальных документах делопроизводства. Все эти признаки, проявившиеся в труде Б.-У. Тюменя, свидетельствовали о трансформации калмыцкой исторической летописной традиции и сближении ее с русской дворянской исторической мыслью.

О завершении этого процесса убедительно свидетельствует анонимная "История калмыцких ханов". Рукопись данного исторического сочинения была обнаружена Г.С.Лыткиным в архиве Хомеутовского улусовладельца Ц.Тюменя в 1859 г. Найденный список был использован Лыткиным при переводе его на русский язык и в настоящее время хранится в Библиотеке ЛГУ. Менее качественный список "Истории калмыцких ханов"

находится в коллекции К.Ф.Голстунского в рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Русский текст "Истории калмыцких ханов", переведенный Лыткиным, был в 1860 году частично опубликован в "Астраханских губернских ведомостях". К сожалению, полный перевод сочинения, осуществленный Лыткиным, до сих пор не обнаружен. В 1885 г. А.М.Позднеев впервые издал калмыцкий текст сочинения. В сборнике А.В.Бадмаева русский текст сочинения продолжен лишь до событий 1710 г.

Дата составления этого ценного памятника калмыцкой исторической литературы точно не известна, но, как полагают исследователи-литературоведы, временем написания труда можно считать конец XVIII - начало XIX вв. Данная точка зрения, на наш взгляд, соответствует истине не только потому, что 1787 г. - "последний год, упоминаемый в "Истории калмыцких ханов"²². В пользу указанного предположения также убедительно свидетельствуют заимствованные анонимным автором оценки важных событий из истории Калмыкии, характерные для русской историографии конца XVIII - начала XIX вв. Безусловно, калмыцкий историк хорошо был знаком с русской историей и широко использовал в работе материалы российского делопроизводства и труды дворянских ученых. Это наглядно проявляется в описании церемонии принятия шерти 1661 г. князем Бековичем-Черкасским от правителя калмыков тайши Пунцука, который, как пишет автор, "при том молился Бурхану, лобызал шутен, сутры и четки, лизал свой нож и прикладывал его к своему горлу"²³. Подобный церемониал подписания шертных договоров приводится в документах русского делопроизводства ХУП в. Он впервые был описан в сочинении В.М.Бакунина, а затем часто упоминался в работах авторов начала XIX в. Под влиянием русской дворянской историографии неизвестный автор "Истории калмыцких ханов" оценивает перекочевку в начале ХУП в. части ойратов из Западной Монголии в Россию, как "печальную необходимость", подчеркивая конфликтный характер процесса на первом этапе. Он писал: "Хотя эта страна принадлежала Цаган-Хану (русскому царю - Б.Б.), но

Хо-Ордж, несмотря на дружественные сношения, овладел этой страной, которая ему нравилась, не доведя о том до сведения царя и не подчиняясь ему"²⁴. Нет сомнения в том, что автор принадлежал к образованной калмыцкой феодальной аристократии, получил европейское образование в России и находился на службе в русском административном аппарате, управлявшем Калмыцкой степью. Возможно, местом постоянного жительства калмыцкого чиновника были Астрахань, Оренбург или Ставрополь на Волге, что позволило ему иметь доступ к делопроизводству и литературе по истории России. Автор прекрасно ориентировался в вопросах русско-калмыцких взаимоотношений, проявил знание политики, проводимой русским правительством по отношению к калмыкам, начиная со времени царствования Алексея Михайловича. Во многих случаях он обращается к данным по истории России, связывая их с событиями в Калмыкии. К примеру, автор, подчеркивая заслуги Петра Великого как государственного деятеля, сыгравшего большую роль в просвещении России, сообщает, что на время отъезда за границу в 1697 г. русский царь возложил ответственность за охрану южных границ государства на калмыцкого хана Алку. В связи с этим и другими событиями автор приводит тексты договоров кн. Б.М.Голицина 1697 г., казанского губернатора П.М.Апраксина 1708 г. с правителем Калмыцкого ханства. Знание автором истории Российского государства дает возможность предположить, что он был знаком с сочинениями В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина.

Именно под влиянием русских исторических сочинений неизвестный калмыцкий историк решительно отказывается от старой монгольско-ойратской летописной традиции и подает материал в повествовательной форме, строго придерживаясь хронологической последовательности. Структура "Истории калмыцких ханов" резко отличается от структуры работ предшествовавших калмыцких историков. Она строится в соответствии с традицией русской дворянской историографии, в которой переодизация основывалась на датах правления князей, монархов. Разделы анонимной "Истории калмыцких ханов" озаглавлены по такому

же принципу. "Торгутовский тайши Шукур-Дайчин и сын его Пунцук"; "Торгутовский Аюка-хан" и т.д.

Впервые в калмыцкой исторической литературе автор анализирует причины переселения части ойратов в Россию в начале ХУП в. Он писал: "Когда зюнгарские ойраты во время смут убивали друг друга, торгутовский тайши Хо-Орлок, не желая расстроить своих подданных, откочевал далее, в году шорой-морин (т.е. 1618 г. - Б.Б.) он послал добрых людей высмотреть берега Каспийского моря. Заподлинно узнав, что там земли никем не заняты, он взял своих подвластных торгутов, также хошутов и дербетов, всего 50 000 дымов и кибиток, и, сопровождаемый 6-ю сыновьями своими, в году шорой-лу (т.е. - 1628 г. - Б.Б.) оставил свой нутук в Зюнгарии и двинулся на запад"²⁵. Если Габан-Шараб и Б.-У. Тюмень лишь сухо констатировали дату переселения первых ойратских групп в Россию, то автор "Истории калмыцких ханов" ясно указывает на обострение внутриойратской борьбы во второй половине ХУИ - первой трети ХУП вв., послужившей причиной поиска территорий, свободных для кочевий. Текст сочинения отличается от ранних работ обилием названий местностей, рек, проживающих там народов. Все это позволяет проследить маршрут движения калмыков, их взаимоотношения с населением осваиваемых ими новых кочевий. Автор первым из калмыцких историков устанавливает количественный состав переселившихся в Россию торгутов, хошутов и дербетов.

Много внимания уделено сведениям, характеризующим взаимоотношения калмыцких ханов с русскими властями. Шерть, данная послами Дайчина в 1655 г., послужила источником для описания официальных дипломатических контактов. Согласно этому договору, "калмыцкий тайши Шукур-Дайчин, все нойоны и весь калмыцкий улус будут верными подвластными русского царя Алексея Михайловича"²⁶. Автор не разбирает подробно пункты шерти 1665 г., а сразу же констатирует участие калмыцких войск в совместном с русскими походе против Крыма. Акцент именно на эти два события - принятие шерти и участие в походе - наглядно свидетельствует о прекрасном знании ав-

тором документальных данных о подробностях добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России и, кроме того, указывает на понимание им угрозы юго-восточным границам государства в связи с активизацией военных действия Крымского ханства в середине ХУП в. Описывая деятельность хана Аюки, он также сообщает о походах хана на Кубань, положительно оценивая возвращение "нагайских татар, убежавших из-под власти России"²⁷. К числу заслуг хана Аюки автор причисляет выдачу шерти 1673 г. Об этом в "Истории калмыцких ханов" говорится следующее: "Аюка-Тайша, желая быть, подобно родителю своему Пунцуку, данником русского царя в году усун-укер дал присягу при речке Шара-цедек в том, что калмыки не будут нападать на русские города, не будут вести дружбы ни с турецким султаном, ни с крымским ханом, ни с персидским шахом, что русскую страну они будут защищать от врагов"²⁸. Далее автор приводит многочисленные факты участия калмыков в несении военной службы Русскому государству.

Положительно оценивает автор методы правления калмыцкого хана Дондок-Даши, особенно подчеркивая его законодательную деятельность, выразившуюся в пересмотре пунктов "Великого уложения" 1640 г. и издания к ним дополнительных постановлений. Автор понимает, что в жизни калмыков со времени их перехода из Джунгарии в Россию произошли большие изменения, требовавшие приведения законодательных норм в соответствие с условиями калмыцкого общества середины ХУШ в.

В анонимной "Истории калмыцких ханов" по уже сложившейся традиции не обойдено вниманием и такое важное событие, как откочевка части народа в Джунгарию в 1771 г. Вся тяжесть вины за организацию трагического похода автор возлагает на наместника ханства Убуши, которым, как он считает, двигали узкокорыстные властолюбивые цели. Осуждая авантюру Убуши, автор свои симпатии полностью отдает оставшимся в России калмыкам.

В отличие от Габан-Шараба и Батр-Убуши Тюменя автор "Истории калмыцких ханов" не склонен к ссоловной тенденци-

озности. Историк, используя калмыцкие сочинения как источники по истории Калмыкии, не разделяет необъективных оценок предшественников. Не замыкаясь только на вопросах калмыцкой истории, автор рассматривает ее в тесной взаимосвязи с общероссийской. Так, участие калмыков в военной и пограничной службе он рассматривает как защиту общенациональных интересов Российского государства. Объективно исторически автор оценивает необходимость и прогрессивность добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России и его последствия.

Национальная историческая литература XVIII – начала XIX в. занимает важное место в отечественной историографии Калмыкии. Хорошо зная историю и культуру, хозяйство и религию, являясь участниками описываемых событий, калмыцкие историки сообщают богатые сведения о приходе калмыков в Россию в начале XVIII в. и их взаимоотношениях с русским правительством, об образовании Калмыцкого ханства и военной службе на границах империи, приводят различные этнографические подробности. В ряде случаев информация, имеющаяся в их сочинениях, является единственным в литературе упоминанием того или иного факта. Зарождение национальной исторической традиции свидетельствует о процессе консолидации калмыцкой народности, достижении определенного уровня в развитии духовной культуры.

-
- 1 Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVIII и XVIII вв. ч. I, Астрахань, 1926. С. 214.
 - 2 Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 140.
 - 3 Там же.
 - 4 Там же. С. 156.
 - 5 Там же. С. 153-154.
 - 6 Там же. С. 155.
 - 7 Там же. С. 151.
 - 8 Там же. С. 145.
 - 9 Там же. С. 149.
 - 10 Там же. С. 157.
 - 11 Там же. С. 145.
 - 12 Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с

- ойратами в ХУП и ХУШ вв. - "Известия Российской Академии наук", Пг., 1919. С. 792.
- 13 Лауфер Б. Очерк монгольской литературы, Л., 1927. С.50.
- 14 Калмыцкие историко-литературные памятники..., С. 15.
- 15 Там же. С. 38.
- 16 Там же. С. 33.
- 17 Там же. С. 44.
- 18 Там же. С. 46.
- 19 Там же. С. 49.
- 20 Труды Ставропольской ученой архивной комиссии, вып. 7, Ставрополь, 1915. С. 10.
- 21 Калмыцкие историко-литературные памятники... С. 47-48.
- 22 История калмыцкой литературы, т. I. Элиста, 1981. С. 227.
- 23 Калмыцкие историко-литературные памятники... С. 60.
- 24 Там же. С. 58.
- 25 Там же. С. 51.
- 26 Там же. С. 58.
- 27 Там же. С. 64.
- 28 Там же. С. 64-66.

"ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО" Н.М.КАРАМЗИНА
КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТ

"История государства Российского" - замечательный, во многом еще неизученный и недостаточно глубоко понятый памятник общественно-политической и исторической мысли, отечественной книжной культуры, далеко не просто пробившийся к читателю после его создания. Время работы над ней Карамзина совпало с бурными событиями эпохи: наполеоновскими войнами, Отечественной войной 1812 г., формированием революционной декабристской идеологии, надеждами и разочарованиями мыслящих людей России в освобождении крестьян от крепостничества, появлением первой российской конституции.

Конечно, со времени выхода в свет "Истории государства Российского" (1818-1828 гг.) историческая наука далеко ушла вперед. Уже многим современникам Карамзина (в первую очередь декабристам) представлялась натянутой, недоказанной, ошибочной и даже вредной монархическая концепция труда "историографа Российской империи", его стремление подчас вразрез с объективными данными подчинить этой концепции рассказ о русском историческом процессе с древнейших времен по начало ХУП столетия.

И тем не менее интерес к этому труду уже сразу после его выхода в свет был огромен. В последние годы мы вновь стали свидетелями возрождения этого интереса. Чем объяснить его? Почему даже сейчас историки-профессионалы нередко обращаются к "Истории государства Российского", наконец, почему и сегодня труд Карамзина прочно стоит в одном ряду с сочинениями В.Н.Татищева, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского, своего рода классиков русской исторической науки?

Прежде всего отметим, что долгое время господствовало упрощенное представление о личности, взглядах автора "Истории государства Российского". Карамзин не смог не только выявить в своем труде подлинные причины, двигавшие

русский исторический процесс, но подчас серьезно ошибался в деталях и частных обобщениях. Обуреваемый идеей самодержавия как "палладиума России", он совершил трагическую ошибку, подчинив этой идее свой исторический рассказ. Но труд Карамзина — это не только наиболее завершенный, отточенный в деталях и продуманный в мелочах свод убеждений консервативного российского дворянства на прошлое и, в значительной мере, на современность России. Карамзина, конечно, легко и оправданно можно осудить за монархизм, крепостнические взгляды, неприятие Французской революции, декабризма. Все это имело место и нашло свое отражение на страницах "Истории государства Российского". Но сводя жизнь, деятельность, взгляды Карамзина только к этому, мы исключали, в лучшем случае представляли ущербно роль Карамзина и главного труда его жизни — "Истории государства Российского" в русском общественном процессе начала XIX в.

Между тем Карамзин — это прежде всего крупный отечественный мыслитель, европейски образованный человек, ученый, который впервые широко и остро, воспользовавшись благоприятной цензурной конъюнктурой, поставил целый ряд принципиальных вопросов отечественной истории, прямо соприкасавшихся с современной ему жизнью. Что было главной движущей силой русского исторического процесса, какова роль народа в истории, каков был и должен быть характер взаимоотношений народа и власти, где пределы самодержавной власти, в чем своеобразие русского национального характера и как шел процесс его формирования — ответы на эти и другие вопросы и пытался дать Карамзин в своем труде, обращая при этом свой взгляд не только на прошлое, но и на настоящее и будущее России. Не вина, а беда Карамзина в том, что найденные им ответы были пронизаны идеологией просвещенного абсолютизма, идеями эволюционного, а не революционного пути развития, верой в хорошего царя и доброго помещика.

Крупный мыслитель Карамзин, пожалуй, был первым в России, кто широко и остро понимал и попытался использовать нравственный потенциал истории. В нравственных оценках про-

шлого, считал он, заключается одна из живительных, самоочищающих сил истории, один из важнейших аспектов ее "пользы" для потомства. И пусть нередко такие нравственные оценки, содержащиеся в "Истории государства Российского" о "добrote", "великодушии", "злодействе" того или иного исторического лица, современному читателю покажутся наивными, а искушенному исследователю — еще и далекими от действительности, есть и иные страницы труда Карамзина, где звучит голос трибуна и гражданина.

В национальной истории Карамзин искал и находил примеры величия духа, созидания, истоки того могучего патриотизма, который сбросил иго ордынского завоевания и продемонстрировал свою нравственную силу перед лицом потери национальной независимости в 1812 г. Находил и воспевал их. Также, впрочем, как находил и бичевал жестокость, варварство, несправедливость, человеческие пороки и низменные страсти. Карамзин верит и старается убедить читателя в том, что честь, добро, правда, справедливые законы, общественное благо торжествуют в мире. Именно поэтому Иван Грозный, превративший свою власть в деспотию, осужден на проклятие в его труде, а Борис Годунов, запятнавший кровью свой путь к власти, в конце концов оказывается перед лицом справедливого возмездия.

В "Истории государства Российского" нет пощады предателям национальных интересов, носителям олигархических и аристократических тенденций, всем тем, кто играл судьбами государства во имя эгоистических, честолюбивых устремлений, кто благодумствовал на крови и поте соотечественников. Ну а если справедливость не торжествует, если хотя бы временно подлость, корысть, ложь, жестокость одерживают верх, Карамзин напоминает читателям о "мнении народном". Народ как главный носитель национальных традиций, нравственных идеалов, высший судья действий власть предержащих наполняет все страницы труда Карамзина. Он то "ликует", видя победу справедливости, то "безмолвствует", скрывая в безмолвии целую гамму настроений и чувств: страх, сострадание, безво-

лие, терпимость, а в последних томах — и сулящую угрозу, осуждение, скрытую до поры силу.

Карамзин как бы говорил в своем труде: в жизни не должно быть места злу, подлости, несправедливости, иначе жизнь не пойдет по пути, предначертанному провидением. Ну, а если это случается, носителей всего дурного ожидает неизбежное наказание: проклятие потомства после смерти, неутомимая кара при жизни.

"История государства Российского" — это памятник не только историко-политической мысли первой четверти XIX в., плод мучительных нравственных размышлений и мировоззренческих поисков Карамзина. Это — и памятник литературы, в широком смысле — отечественной культуры. В нем нет места скучному, равнодушному изложению событий. Труд Карамзина — это яркий рассказ прекрасным литературным языком, рассказ, пронизанный то трагедийными, то сатирическими, то публицистическими чертами. "История государства Российского" наполнена звуками. Ее герои выступают то с монологами, то в хоре словно бы театрального действия, ареной которого стали столетия российской истории, необозримые просторы Российского государства. Труд Карамзина поэтому читается и как захватывающий роман, и как драма, и как публицистическое сочинение, где Карамзин — художник, Карамзин — публицист подчас заслонял Карамзина — исследователя, делая уязвимой научную основу "Истории государства Российского".

И все же было бы глубоко ошибочным не видеть такую основу. "Примечания" к "Истории государства Российского" — уникальное явление в отечественной историографии и книжной культуре. Это — добротный, во многом не потерявший и сегодня своего значения свод фактического материала по отечественной истории до начала XVIII в. Целый ряд источников, помещенных здесь в выписках, пересказах, иногда опубликованных полностью впоследствии, оказался утраченным. "Примечания" содержат ученые штудии историографа о достоверности, времени создания, авторе или источнике. Они — прекрасный показатель того уровня состояния науки истории, который был присущ для начала XIX в.

Значение "Истории государства Российского" для современников было прекрасно охарактеризовано Р.А.Жуковским. "И какая эпоха для русского - появление этой истории! - писал он И.И.Дмитриеву. - Какое сокровище для языка, для поэзии, не говоря уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту Историю можно назвать воскресителем прошедших веков бытия нашего народа. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями, и все истории русского народа, доселе известные, можно назвать только гробами, в которых мы видели лежащими эти безобразные мумии. Теперь все оживятся, подымутся и получают величественный, привлекательный образ".

Как же видится сегодня для нас труд Карамзина? Карамзин - это Пушкин исторической науки. Он вообрал в себя все представления с прошлым, которые бытовали до него в течение многих столетий. У Карамзина можно найти провиденциальный взгляд на совершавшееся, усвоенный им с молоком матери и воспринятый от русских летописцев. Он, рассматривая вместе с летописцами историю как деяния славных или бесславных (ой, как редко, ведь всяка. власть "от бога") мужей Отечества, дополнял, а порою и заменял общехристианские идеалы "благом государственным", воспринимая подход к истории, порожденный Петровским столетием. И, наконец, он сокрушался, видя страдания человеческие, горюя над судьбами Бедной Лизы в истории. Итак, целый мир представлений, в котором находилось место и для бога, и для Отечества, и для человека. Здесь уживалось и провидение, и закон, и сердце. Нет, это не было синтезом глубинного познания сути истории. Но в повествовании Карамзина любой читатель мог найти что-то ему созвучное. Здесь вера сочеталась с долгом и моралью. Гармонично ли? Конечно, нет. Но жизнь звучала во всех своих переливах многоголосия той культуры, сыном которой Карамзин оставался. И поэтому-то никто (до В.О.Ключевского) не смог заменить в нашей науке этого творца современной истории.

ВИЛЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ – ЦЕНТР АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ
XIX ВЕКА

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи вследствие трех разделов Речи Посполитой, которые К. Маркс и Ф. Энгельс охарактеризовали как "подлость"¹ и "грабеж"², предопределили начало нового этапа в истории белорусского народа. Это историческое событие оказало мощное, но противоречивое влияние на его социально-экономическое, общественно-политическое и культурное развитие.

Сложность исторических условий, определявших развитие края в это время, отразилась и на замедленности темпов формирования этнического самосознания белорусов, а через него и на замедленность процесса вызревания собственно белорусской историографии со своим предметно очерченным объектом исследования – историей Белоруссии. "Открытие" белорусского народа и его истории в дореформенный период быстрее всего совершалось той частью передовой белорусской, русской и польской интеллигенции, которая отчетливо осознавала мысль о невозможности без пробуждения дремлющих сил народа добиться успехов в борьбе с царизмом за социальное и национальное освобождение³. Огромную роль в пробуждении интереса к историческому прошлому Белоруссии и ее народа сыграло такое мощное идейное течение эпохи как романтизм.

Наиболее мощным генератором и пропагандистом рационалистических, прогрессивных общественно-политических, философских, исторических идей эпохи Просвещения и Романтизма Белоруссии и Литвы первой трети XIX века был, несомненно, Виленский университет. Ведущий учебный и научный центр края, он вбирал в себя наиболее любознательных, ищущих знания и самосовершенствования представителей шляхетской и разночинной молодежи Белоруссии, Литвы и Украины, во многом определяя их духовный, идейный облик человека и гражд-

данина. В формировании гражданских качеств учащейся молодежи огромное значение придавалось воспитанию историей⁴.

Разделы Речи Посполитой отразились на истории, пожалуй, более чем на какой-либо другой науке, вследствие теснейшей ее связи с политической жизнью края, а также ее роли в формировании и утверждении национального самосознания. В этом плане падение Речи Посполитой в определенном смысле стало поворотным моментом в истории не только собственно польской историографии, но и польско-язычной, по преимуществу, белорусской историографии дореформенного периода. Отразилось это не только на направлении и формах ее развития, но и в значительной мере обусловило то место, которое она занимала в общественной жизни края. По представлениям полонизированной белорусской шляхетской интеллигенции история должна была служить в борьбе за сохранение национальной культуры, ее традиций и своеобразия⁵. Поэтому интеллигенция Белоруссии и Литвы (в лице различных ее социальных групп: магнаты, шляхта, часть мещанства) оказалась очень восприимчивой к исторической проблематике и историческим исследованиям. Сохранение остатков прошлого, их поиски, сбор, описание, публикация источников, понимаемые то как долг перед Отчиной, то как своего рода "мода" на старину, то как средство прославления собственного рода - в конечном итоге привели в первой трети XIX в. к заметному росту общего интереса к источникам. Спрос рождал предложение, а практика широко распространенного частного коллекционирования настоятельно требовала осмысленного, рационального, критического подхода к изучению и оценкам письменных свидетельств сего прошлого. И в этом источниковедческом направлении изучения истории своего края ученые и воспитанники Виленского университета нередко выступали в роли первопроевропейцев на мало освоенной еще тропе находок и открытий документальных сокровищ минувших столетий.

Цикл гуманитарных (в том числе и исторических) дисциплин в университете читался на двух факультетах: наук нравственных и политических, литературы и свободных искусств.

И хотя их обслуживала лишь одна "чисто" историческая кафедра (всеобщей истории), но практически исторический компонент мышления в значительной мере присутствовал и на большинстве кафедр права первого факультета (естественного права, политического и государственного права, гражданского и уголовного права древних и современных народов; гражданского и уголовного права Империи и Польши).

В руках университета находилось еще одно очень важное средство пропаганды исторических и общественно-политических взглядов и идей – цензура всех книг, выходивших на территории 9 подведомственных губерний Украины, Белоруссии и Литвы, входивших в состав Виленского учебного округа. Он являлся основным поставщиком образцованных кадров учителей для школ округа. Отсюда понятно то огромное воздействие, которое оказывал Виленский университет на характер и "температуру" общественного сознания интеллигенции края⁶.

Направление и качество этих идей во многом определялось содержанием курсов, читаемых либерально и демократически настроенным профессорско-преподавательским корпусом вуза. В числе главных архитекторов исторического мышления интеллигенции Белоруссии и Литвы той эпохи, несомненно, следует назвать И.Лелевеля, И.Даниловича, И.Ярошевича, И.Онацевича, И.Лобойко – наиболее авторитетных знатоков истории края и памятников его исторического прошлого.

Выдающийся польский историк и "патриарх" польской демократии И.Лелевель (1786–1861) – воспитанник, а затем адъюнкт (1815–1818) и профессор кафедры всеобщей истории Виленского университета (в 1821–1824 гг.) – внес огромный вклад не только в польскую историографию, но и в историографию Белоруссии и Литвы. Мать И.Лелевеля была родственными узами связана с Белоруссией. Сам Лелевель шутливо писал о том, что отец его был сыном прусака и саксонки, а дед Шалюты был "русином, а может и москалем... Вот такая смесь получилась ... горох и капуста, а ляха нет"⁷. Он первый в Виленском университете преподавал историю с позиций требований так называемой "новой школы", выступал сторонником широкого применения

критических методов в изучении источников и историко-сравнительного метода в изучении исторического прошлого. У разрыве с предшествующей ему историографической традицией А. Нарушевича он излагал историю средних веков, историю Польши и Речи Посполитой не как историю королей и князей, а историю государств, социальных отношений, историю культуры народов. Уже в свой "адъюнктский" период преподавания в университете он создает ряд серьезных исследований по истории средних веков и исторической географии. В 1818 г. он дополнил известную книгу историка Т.Ваги "История польских князей и королей", которая тогда использовалась в качестве учебника, разделами по истории Литвы и Руси, более подробно изложил историю уний между Польшей и Великим княжеством Литовским. А в 1822 году, когда он снова после трехлетнего перерыва вернулся из Варшавы в Вильно, теперь уже в должности профессора, издает свой известный курс источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ("Науки, позволяющие изучать исторические источники")⁸, разрабатывает и читает курсы по методологии истории и историографии. 1821-1824 годы - самая блестящая пора Лелевеля-лектора. Лекции его пользуются огромной популярностью не только у студенческой молодежи университета, но и в широких кругах образованного Виленского "общества"⁹. Над историей Великого княжества Литовского (ВКЛ) Лелевель продолжал работать и после вынужденного (в 1824 г.) оставления кафедры в Виленском университете. По словам Г.Ловмянского, "в научной обработке прошлого Литвы и Руси сыграл он (Лелевель. - Д.К.) роль можно сказать пионерскую, как первый историк на этом поле, который соединил эрудицию и критицизм с глубиной научных взглядов и широкой синтетической трактовкой"¹⁰. Хотя до сих пор нет убедительных доказательств активного участия историка в конспиративных молодежных организациях 1817 - 1824 гг., однако в факте его огромного влияния на молодежь сомневаться не приходится. Все то, что говорили и писал ученый о роли народных масс в истории, о преимуществах республиканского строя, о значении политических свобод находило отклик

не только среди радикальнн настроенной молодежи 20-х годов ("Филоматн" и их вожди: Т.Зан, Я.Чечот, А.Мицкевич, Ю.Ежовский, И.Ковалевский и др.)¹¹, но и у поколений 30 - 40-х (Т.Лада-Заблоцкий, И.Савинич) и 60-х годов (В.Сырокомля, К.Калиновский, З.Сераковский)¹².

Приятели И.Лелевеля и коллеги по университету И.Данилович и И.Н.Лобойко способствовали популяризации сочинений историка в России. Весной 1821 г. Данилович послал для публикации одну из работ Лелевеля известному библиографу и историку В.Г.Анастасевичу. И.Н.Лобойко был посредником в отношениях Лелевеля с гр. Н.П.Румянцевым. Лобойко, Лелевеля и Даниловича связывали глубокий интерес к исторической науке и планы совместных публикаций источников по истории ВКЛ. Весной 1824 года они собирались вместе с М.Бобровским и И.Онацевичем издать "Волинский летописец"¹³.

"Охота" за историческими источниками, желание превратить Виленский университет в центр собиpания ценнейших письменных раритетов по истории захватила даже ректора вуза - математика и естествоиспытателя Я.Снядецкого. Снядецкий деятельно собиpал и стягивал в библиотеку университета рукописи из собраний ("тек") М.Догеля, Альбертранди, копии документов из библиотеки гр. Залусских. После смерти основателя знаменитого Кременецкого музея видного польского просветителя и историка Т.Чацкого Снядецкий предпринимал энергичные усилия для приобретения в библиотеку Виленского университета богатейшего собрания книг и рукописей из его родового имени в Порицке. Оценивая их значимость, он писал попечителю Виленского учебного округа кн. А.Чарторыйскому: "Могу ручаться Вам, что, если бы посторонние знали об их содержании, то не остановились бы ни перед какими средствами, чтобы вырвать их у поляков и уничтожить. Боюсь, чтобы об этом не узнал к[анцлер] Р[умянецв], который, конечно, дал бы за них дорого"¹⁴. Чарторыйский вступил в переговоры с вдовой Т.Чацкого и продажа состоялась, но только Порицкая библиотека перекочевала не в Вильно, а в... Пулавы, резиденцию князя¹⁵.

Среди виленских знакомых Лелевеля, "выводивших" его на русскую историческую науку, пожалуй, первое место принадлежит И.Н.Лобойко (1786-1861 гг.) - профессору российской словесности (с 1821) Виленского университета, периодически читавшего там курсы по истории России. Сын губернского секретаря, окончивший Харьковский университет, человек доброжелательный и контактный, он быстро установил дружеские связи с местной интеллигенцией, рекомендовал гр. Н.П.Румянцеву многих любителей "литовской" старины. Помимо своей преподавательской деятельности, он энергично занимался в Виленском университете палеографией, археологией, поиском памятников славянской письменности. Лобойко сообщал гр. Н.П.Румянцеву о личности и творчестве историков Белоруссии и Литвы: И.Даниловича, И.Онацевича, Т.Нарбута, М.Бобровского, содержание архивохранилищ и наиболее интересных частных коллекций рукописей¹⁶. Под руководством И.Н.Лобойко студенты университета составили большое описание 80 местечек и городов Западной Белоруссии и Литвы, он был одним из ревностных сборщиков организации археографических экспедиций на территории края¹⁷.

В Вильно сотрудничал с Н.П.Румянцевым крупнейший в то время знаток истории ВКЛ И.Н.Данилсвич (1787-1843): сын белорусского униатского священника, студент, а затем и профессор права Виленского университета, получивший солидную подготовку в области истории законодательства в Варшаве и Петербурге. Первый исследователь белорусско-литовского летописания, он был энергичным и удачливым археографом, одним из основателей источниковедения Белоруссии¹⁸. Еще в студенческие годы Данилович, изучавший право, серьезно интересовался вопросами изучения письменных памятников старины. В то же время в Вильно образовался кружок молодежи (из сыновей униатских священников), хорошо знавшей церковнославянский и белорусский языки (М.Бобровский, А.Мартыновский, И.Онацевич, П.Сосновский и др.), в которых Данилович разбудил охоту к поискам древних старославянских книг и рукописей. А когда при университете была создана Главная духовная се-

минария (в 1816 г.) и она дала краю несколько хорошо подготовленных (и в научном отношении) молодых униатских священников – поиск славянских рукописей распространился на обширные территории Литвы и Белоруссии, начал приобретать характер систематических археографических экспедиций. По-видимому, здесь надо искать источники тех богатых собраний, которыми располагал И.Данилович к началу 40-х гг. XIX в. Активно помогали ему в этих поисках как польские и белорусские (И.Делевель, Г.Бандтке, М.Бобровский), так и русские ученые и собиратели старины (гр. Н.П.Румянцев, В.Г.Анастасевич). Огромные собрания рукописей, приобретенные ученым в период его работы в университете (до 1824 г.), он умело классифицировал и критически разбирал. Слава его как археографа и источниковеда была так хорошо известна, что в университетских городах (Киеве, Харькове, Москве и Петербурге) многие архивы, собрания, музеи, государственные библиотеки были ему легкодоступны. В библиотеке гр. Н.П.Румянцева он нашел Судебник Казимира IV (издан в 1824 г.), а в Супрасльском монастыре ему посчастливилось обнаружить замечательный памятник белорусско-литовского летописания – так называемую Супрасльскую летопись¹⁹. По поручению М.М.Сперанского Данилович продолжал поиск и изучение актовых источников ВКЛ и в период своего преподавания в Киевском университете²⁰. В 1840 г. он сообщил из Москвы известному виленскому издателю И.Завадскому, что готовит из материалов своих находок большой документальный сборник (около 2500 источников) под названием "Zbiór dyplomatów do historyi Litwy". Однако болезнь и смерть ученого помешали завершить задуманное и практически уже завершенное дело²¹. Рукописи ученого были приобретены в 50-е гг. XIX в. Виленским Музеем Древностей и при деятельном участии его сотрудников были изданы в 1860 и 1862 гг.²² При всех перипетиях своей бурной и нелегкой судьбы, Данилович по оценкам современников оставался "патриотом-литвином", желавшим возродить к жизни язык Статута 1588²³.

Большое значение для развития исторической науки в

Белоруссии и Литве 20-х - начале 30-х гг. XIX в. имела деятельность адъюкта, а затем профессора статистики Виленского университета И.Ж.Онацевиче (1780-1845 гг.). Сын униатского священника из Гродненской губернии, воспитанник, а затем и преподаватель университета, И.Онацевич был известен современникам прежде всего как выдающийся археограф, источниковед и архивист, который одним из первых занялся описанием интересовавшего его края в историко-топографическом отношении. Ученых трудов его в печати появилось немного, а главная работа его жизни "История Литвы" осталась неопубликованной. Но значение его в историографии основывалось не на них. Опытный и удачливый археограф, он собрал богатейшие коллекции документов в период архивных и археографических разысканий в хранилищах Кенигсберга, Польши, Белоруссии, Литвы и России. Тесно контактировавший с гр. Н.П. Румянцевым и его "ученой дружиной", он особое внимание обратил на отыскание и исследование старинных документов. Практически каждое лето он совершал специальные археографические поездки по белорусским и литовским губерниям, краям, осматривая все встречающиеся ему государственные и частные архивы и библиотеки. Описывал их и делал многочисленные выписки. Информация о его экспедициях нередко публиковалась в ведущих русских журналах: "Северной Пчеле", "Северном архиве", "Вестнике Европы". Хорошо известный ученым России, Польши, Белоруссии и Литвы, он вел оживленную переписку с гр. Н.П.Румянцевым, П.Кешеном, И.Лелевелем, Т.Чацким, Ч.Дмоховским, М.Балинским и др.²⁴

Видным историком Белоруссии и Литвы того времени был сын судебного писаря из Бельска, также воспитанник, а впоследствии профессор (1827-1832 г.) уголовного и гражданского права Виленского университета И.Ярошевич (1793-1860), преподававший не только историко-правовые дисциплины, но и курс статистики российской империи. На исследования Ярошевича в области истории и источниковедения ВКЛ большое влияние оказал Лелевель, с которым он в 1817-1826 и 1827-1830 гг. вел интенсивную переписку. Независимо от этих личных об-

стоятельств на направленность его исторических исследований оказывала влияние сама атмосфера среды его культурного обитания. Ярошевич вместе со своими коллегами по университету вел активные поиски в библиотеках и архивах Белоруссии и Литвы, тщательно изучал эти источники и на основе их исследования, подобно Даниловичу, И.Онацевичу, М.Балинскому, Т.Нарбуту, подошел к 30-м гг. XIX в. к созданию систематического труда по истории ВКЛ, фрагменты из которого часто публиковались в виленских и варшавских изданиях ("Знич", "Бирута", "Атенеум", "Варшавская библиотека" и др.). Вершиной творчества Ярошевича стала его фундаментальное (3-томное) исследование "Obraz Litwy pod wzgledem jej cywilizacji od szagow najdawniejszych do k.XVIII w. (t. I-III, 1844-1853). Работа эта в свое время была отражением существенного прогресса в исторической науке Белоруссии и Литвы. Здесь он первый из польских и местных историков выдвинул концепцию существования феодального строя в ВКЛ, в образовании которого на первый план Ярошевич выделял внутренние причины. Многие из работ историка, созданных в 20-40-е гг. XIX в., так и остались в рукописях (лекции по истории права ВКЛ, исследования об иезуитах, об адвокатах в Западных губерниях и др.)²⁵.

Энергичная и плодотворная деятельность поколения историков, трудившихся в стенах Виленского университета в 10-х - начале 30-х гг. XIX в., оказала огромное воздействие на дальнейшее формирование белорусской и литовской историографии в последующие периоды ее развития. Она заложила фундамент критического научного изучения истории ВКЛ и документальных памятников его исторического прошлого, ввела в научный оборот огромные дотеле неизвестные пласты исторической информации, воспитала плеяду историков и писателей, игравших ведущие роли в изучении ВКЛ и формировании исторического самосознания, исторических "горизонтов" интеллигенции Белоруссии и Литвы в 30-е - нач. 60-х гг. XIX в. (М. Балинский, А.Мартиновский, Н.Малиновский, А.Киркер, А.Зданович, А. и Л. Ходзько, братья К. и Е.Тышкевичи и др.).

Мощный импульс, данный историками Виленского университета развитию исторической науки в крае, сказался в 40-х - нач. 50-х гг. и на развитии исторической журналистики Белоруссии и Литвы, которая после разгрома Виленского университета (в 1832 г.) взяла на себя его функции по формированию исторического знания и исторического самосознания у населения края²⁶.

- 1 Архив Маркса и Энгельса. М., 1973, т. XIV. С. 215.
- 2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 22. С. 25.
- 3 Орлова Н.К. Тайные революционные организации Литвы и Белоруссии в первой четверти XIX века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1983. С. 3-16.
- 4 Мохнач Н.Н. Общественно-политическая и этическая мысль Белоруссии начала XIX в. Минск, 1985. С. 3-5, 14-18, 22, 23 и др.
- 5 Historia nauki Polskiej. Tom III. 1795-1862 - Wr-w - W-wa - Kraków, 1977. S. 645-646; Educacja historyczna społeczeństwa polskiego w XIX wieku. W-wa, 1981. S.II.
- 6 Погодин А.Л. Виленский учебный округ. 1803-1831 гг. СПб, 1901, с. ХХУП.
- 7 Басевич А. Иоахим Лелевель - польский революционер, демократ, ученый. М., 1961. С. 7.
- 8 Lelewel J. Nauki dające poznaiwać źródła historyczne. Wilno, 1822.
- 9 Bieliński J. Uniwersytet wileński (1579-1831). T. II. Krakow, 1899-1900. S. XCI, 440.
- 10 Lowmiański H. Joachim Lelewel jako historyk Litwy i Rusi. - Im.: Lelewel J. Dzieła. W-wa, 1969. S. 5-6.
- 11 Кеневич С. Лелевель. М., 1970. С. 30; Ольшанский П.Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959. С. 173-189.
- 12 Кісялеу Г. Героі і музы: Гісторыка-літаратурныя нарысы. Минск, 1982. С. 21; Попков В.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. М., 1971. С. 10, 14-16.
- 13 Чечулин Н.Д. Из переписки графа Н.П.Румянцева. СПб, 1893. М. 52.
- 14 Sniadecki J. Pamiętniki. T. I. Krakow, 1833. S. 777.
- 15 Там же. С. 583.
- 16 Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С.31-52, 72; Bieliński J. Uniwersytet wileński... S.254.
- 17 Бапрамайтис С. Сборник библиографических материалов для

- географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы. - Записки имп. РГО по отделению этнографии. Т. XXV. Вып. I. СПб., 1904. С. 367; Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 286-287.
- 18 См. о нем: Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 9-16 и др. Он же. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 59-61.
- 19 Bieliński J. Uniwersytet wileński... S. 153-156.
- 20 Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира. (1834-1884). Киев, 1884. С. 153, 158, 163.
- 21 Materiały do dziejów literatury i Oświaty: Z arhiwów drukarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie. T. I, Wilno, 1935. S. 269.
- 22 Scarbiec dyplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, księzecznych, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów, posługujących do krytycznego wyjaśnienia dzieł Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów, zebrał i w treści opisał Ignacy Danilowicz. T. I-II, Wilno, 1860-1862.
- 23 Биографический словарь профессорів... С. 169.
- 24 Русский Биографический словарь "0". - СПб., 1905. С. 262-263; Iwuszkiewicz I. Ignacy Zeyoto Onaciewicz - historyk Litwy.- In: Studia i materiały z dziej Nauki Polskiej. Ser. A, Z. 4, W-wa, 1961. S. 41-123.
- 25 Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. I. С. 616; Polski Słownik Biograficzny. T. XI/1, Z. 48.- Wr-w - W-wa - Krakow, 1964. S. 12.
- 26 Prasa polska w latach 1661-1664. W-wa, 1976. S. 122-159, 164-166; Stolzman M. W kregu uniwersyteckiej tradycji: Zicie kulturalne w Wilno po roku 1831.- In: Studia z dziejów Uniwersytetu Wileńskiego. 1579-1979. W-wa - Krakow, 1979. S. 121-150.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РЕФОРМЫ 1866 Г.
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Современный уровень изученности аграрной реформы 1866 года определяют необходимость конкретно-исторического исследования этой сложной и многосторонней проблемы, актуальность которой неоднократно подчеркивалась в печати¹. При этом, современные советские историки-аграрники каждый раз особое внимание обращали на источниковедческие аспекты данной проблемы². Теоретическая ценность изучения вопросов реформы в отношении государственных крестьян зависит, прежде всего, от использования первичных документов, на основании которых осуществлялась ее подготовка и реализация.

В ходе источниковедческого поиска нам удалось выявить эти первичные материалы, базирясь на которые можно полностью воссоздать этапы, характер, итоги, последствия, классовую борьбу и другие вопросы аграрной реформы 1866 года. Наша задача — дать обобщенную характеристику основных черт и особенностей важнейших исторических источников по истории реформы государственной деревни, а также систематизировать их информационные возможности для создания карты основных показателей источников, которые и послужат базой для изучения судьбы бывших государственных крестьян. Методологической основой данного подхода является ленинское положение о необходимости "... брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения..."³. В качестве примера мы используем несколько групп источников по истории государственной деревни Пензенской губернии.

Прежде всего это владенные записи. Они фиксировали условия и взаимные обязательства, на которых оформлялись экономические отношения между государством и крестьянской общиной по реформе 1866 года. Община, в ходе ее реализации,

получала по этим документам земельный надел, за пользование которым хозяину земли -- государству обязана была уплачивать оброчную подать. Возникновение владенных записей, таким образом, является прямым следствием и результатом проводимых в государственной деревне аграрных преобразований.

Точное следование при составлении документов законодательно данному формуляру-образцу делает их аналогичными, а содержащуюся в них информацию характеризует однородностью и повторяемостью. Для регистрации сведений посредством владенных записей выбрана самая мелкая территориальная единица -- община или селение. Благодаря этому открывается возможность для изучения хода реализации реформы в каждом конкретном селении с его особенностями, так как во владенной записи отражалась вся совокупность природно-климатических, национальных, культурных и прочих различий. Благодаря этому же имеется возможность для изучения экономического положения крестьян разных национальностей: русских, мордвы, татар, мешеры, населяющих государственную деревню Пензенской губернии.

Одним из достоинств владенных записей как исторического источника является наличие в них сведений о площади общинных земельных наделов, количестве в общине ревизских душ и причитающейся за пользование наделом оброчной подати. Площадь крестьянского надела указывалась в целом на общину без разделения на конкретные земельные угодья: усадьбы, огуменники, пашни, сенокосы, выгоны и т.д. Раздельно друг от друга представлены лишь данные о площади удобной и неудобной земли надела. Например, крестьяне слободы Инсарский Острог, Инсаро-Острожской волости, Саранского уезда, Пензенской губернии в количестве 341 души получили в пользование земельный надел площадью: 1371,4 дес. удобной и 25 дес. неудобной земли. За пользование этим наделом с них исчисляла оброчная подать в размере 1298 руб. 15 коп.⁴

Кроме того, во владенных записях, в разделе отведенном для описания границ земельных дач, зафиксированы раз-

личные варианты расположения земельных наделов. Например, во владенной записи выданной крестьянам деревни Монастырской, той же волости, земельный надел площадью 1332,6 дес. удобной и 69,9 дес. неудобной земли не весь расположен при селении, а лишь его часть: 442,9 дес. удобной и 42,1 дес. неудобной земли. Другая, большая часть надела в количестве 889,7 дес. удобной и 27,8 дес. неудобной земли находится отдельно от селения в отхожей земле "именуемой Большое Поле города Саранска"⁵. Вся земля находится в пользовании 314 ревизских душ крестьян деревни Монастырской, за которую с них причитается 1459 руб. 96 коп. оброчной подати⁶.

Сочетание в одном документе экономических и демографических показателей: сведений о площади общинных земельных наделов и количестве в общине ревизских душ — делает владенные записи первостепенным источником для изучения крестьянского землевладения и землепользования в результате аграрной реформы 1866 года.

Показатели владенных записей о размерах ежегодной оброчной подати позволяют увидеть степень эксплуатации бывших государственных крестьян за пользование землей. Раздел пятый владенной записи, согласно формуляру — образцу, должен был фиксировать способ землепользования в крестьянской общине: душевой, на четвертном праве или смешанный⁷.

Кроме того, "... в селениях четвертного владения и вообще там, где крестьяне все или частью не переделают периодически своих земель по числу душ, а владеют ими подворно, по наследственному праву, составляются по прилагаемому образцу лит. В к владенным записям приложения, в коих прописываются все, имеющие отдельное, наследственное владение домохозяева с показанием количества состоящей во владении каждого из них земли и причитающейся с него оброчной подати, по разверстке сделанной самим обществом"⁸.

По Пензенской губернии такие приложения составлены в полном соответствии с содержанием законодательно данного образца лит. В и являются юридическим продолжением владенных записей. Так, крестьяне деревни Акуловки (Курыловки), Мок-

шанского уезда, Дунинской волости, владеющие землей на четвертном праве, внесены в список, составленный по образцу лит. В⁹.

І по порядку	№ по ревизии	Название домохозяев	Число десятин удобной земли	Количество оброчной по- дати
1	1	Иван Кононов	21	21 руб. 8 коп.
2	2	Тимофей Тимо- феев	29	29 руб. 11 коп.
3	3	Павел Егоров	19 1/2	19 руб. 58 коп.
4	4	Михаил Николаев	19 1/2	19 руб. 58 коп.
5	5	Иван Соловьев	21	21 руб. 8 коп.
6	6	Василий Иванов	19 1/2	19 руб. 58 коп.
7	7	Петр Федоров	19 1/2	19 руб. 58 коп.

Сверх того: за усадьбы, выгоны и лесные поросли уплачивается домо-
владельцами поровну общим числом
за:

18,5 дес. 9 руб. 34 коп.

Итого:

167,5 дес. 158 руб. 93 коп.

Данные списки — приложения представляют собой редчайшую особенность владенных записей как исторического источника и, вместе с основным их содержанием, позволяют изучить характер землевладения и землепользования крестьян, владеющих землей на четвертном праве. Владенные записи свидетельствуют, что четвертная форма землевладения имела место почти во всех уездах Пензенской губернии (за исключением Пензенского). 17% всех дворов бывших государственных крестьян губернии владели землей подворно, по наследственному праву.

Поскольку владенные записи составлялись и выдавались на общины, то по ним можно проследить территориальную структуру сельской поземельной общины. Внешний анализ изучаемых источников показывает, что территориальная структура сельской поземельной общины Пензенской губернии не была одинаковой. Здесь были две исторически сложившиеся ее формы: од-

носеленная и многоселенная. В исторической науке они получили название простой и сложной общины.

Ценность владенных записей как исторического источника заключается в том, что по ним можно установить конкретный состав многодеревенской общины населенной бывшими государственными крестьянами. Источники показывают, что техника эксплуатации земельных угодий в сложных общинах не была одинаковой.

В одних случаях выделялся общий земельный надел, который начислялся на общее количество ревизских душ без разграничения по селениям. Например, во владенной записи выданной на общину деревень Аксеновки и Татарской Тавлы, Кривоозерьевской волости, Саранского уезда площадь земельного надела определена на общину в целом, хотя количество ревизских душ показано отдельно за каждым селением. В деревне Аксеновке по десятой ревизии зарегистрирована 291 душа, в деревне Татарской Тавле - 329. Земельный надел на эту общину начислен площадью 3295,6 дес. удобной и 95,8 дес. неудобной земли в целом на общину без разграничения по селениям. Оброчная подать определена также на всю общину в следующем размере: 3119 руб. 94 коп.¹⁰. Это наиболее распространенная форма территориальной структуры сложной общины.

В других случаях, во владенных записях земельные угодья фиксируются разграниченно за каждым селением, входящим в сложную общину. Например, во владенной записи выданной на общину селения Гузинец (Кляурни) и деревни Дегилевки, Мокшалайской волости, Саранского уезда все показатели даются отдельно. Количество ревизских душ в селе Гузинец - 679, в деревне Дегилевке - 402; площадь земельного надела в селе Гузинец - 2136,0 дес. удобной и 48,0 дес. неудобной, в деревне Дегилевке - 1756,8 дес. удобной и 76,7 дес. неудобной; оброчная плата с селения Гузинец определена в размере - 1700 руб. 68 коп., с деревни Дегилевки - 975 руб. 11 коп.¹¹ Такая форма территориальной структуры сложной общины встречается реже. Здесь, внутри сложной общины, со-

вершенно самостоятельно функционируют две простые общины.

Источники зарегистрировали еще и такую территориальную структуру общины, когда внутри простой, односеленной общины функционируют обособившиеся друг от друга две самостоятельные общины. Причем, в одной из них землепользование осуществляется на душевом праве, а в другой — на четвертном. Наибольшая, по количеству входящих в нее селений, девятиселенная сложная община зарегистрирована источниками на территории Рождественско — Тезиковской волости, Наровчатского уезда, Пензенской губернии.

Данные сведения источников о территориальной структуре сельской поземельной общины позволяют сделать вывод о том, что преобладающей формой ее в бывшей государственной деревне Пензенской губернии была простая, односеленная община. На ее долю падает 80,4% всех общин губернии. На долю сложной общины приходится около 20 % всех общин.

Отличительной особенностью владенных записей по сравнению с сопутствующими документами является наличие в их содержании сведений об особых доходных статьях и угодьях. По законодательству к ним относятся "... рыбные ловли, каменоломни, руды, торговые и базарные площади, мельницы, лавки и прочее, находящиеся во владении крестьян и составляющие мирские оброчные статьи"¹². Сведения о поземельных оброчных статьях крестьянских общин сопровождаются замечаниями о совместном с другими селениями пользовании ими, а также о порядке их эксплуатации внутри сложных общин. Например, "... мельница на реке Лейке принадлежит селу Гузинец, 2 мельницы на реке Пижаур принадлежат деревне Дегилевке, затем 2 мельницы на реке Пижаур состоят в общем пользовании села Гузинец и деревни Дегилевки"¹³.

Владенные записи являются документами долговременного действия, ибо они на протяжении нескольких десятилетий истории России сохраняли свою юридическую силу. Так, после издания закона о переводе бывших государственных крестьян на выкуп (12 июня 1886 года), в ходе выкупной операции, во владенные записи вносились ее конкретные результаты: дата

перевода крестьян на выкуп и установленная на каждую общину ежегодная выкупная сумма.

Например, во владенную запись выданную крестьянам деревни Агаряйновки, Атемарской волости, Саранского уезда в 1886 году внесено следующее дополнение: "Надпись эта сделана Пензенским губернским по крестьянским делам присутствием на основании высочайшего повеления 12 июня 1886 года, в том, что по сей владенной записи вместо оброчной подати исчислено по разверстке уездной комиссии рассмотренной 15/16 декабря 1886 года губернским присутствием и утвержденной министерством финансов - выкупных платежей тысяча сто семьдесят один рубль восемьдесят три копейки (1171 руб. 83 коп.)"¹⁴ Данный текст идентичен для всех владенных записей, с той лишь разницей, что размеры выкупной суммы - конкретны для каждой отдельной общины. Расположение этого текста в документах является единым. Как правило, он помещался в конце владенной записи, на оставленном для примечаний чистом месте. Реже на первой странице документа, под заголовком. Текст внесенного во владенную запись дополнения не только воспроизводит все этапы выкупной операции, но и показывает классовый характер преобразований. Внесение в 1886 году во владенную запись выкупной суммы подтверждает сохранение за крестьянской общиной земельных угодий, отведенных ей еще в ходе реализации реформы 1866 года. Прирост населения за целых 28 лет, прошедших после десятой ревизии, не учитывался и прирезки на "прибыльн" души не производилось.

Кроме того, дополняющие владенную запись сведения о размере выкупных платежей бесспорно показывают политику усиления эксплуатации бывших государственных крестьян в период капитализма. Ведь оброчная подать по владенной записи выданной на общину деревни Агаряйновки равнялась 651 рублю 12 копейкам. Её выплачивали крестьяне в количестве 199 ревизских душ, за пользование земельным наделом площадью 571,7 дес. удобной и 33,5 дес. неудобной земли. Выкупная сумма для данной общины увеличивалась по сравнению с

оброчной податью почти на 80%. Таким образом, выплачиваемая ранее оброчная подать преобразовывалась в выкупные платежи. При этом, на основании закона 12 июня 1866 года, крестьяне обязаны были вносить ежегодные выкупные платежи до 1931 года. И только после этого они должны были стать юридическими собственниками земли.

Краткий анализ владенных записей как исторического источника показывает их ценность для изучения вопросов землевладения, землепользования, тяжести податного обложения и т.д. в результате аграрной реформы 1866 года. Однако, следует отметить и ограниченность источников: владенные записи сами по себе не дают ответа на вопрос о влиянии реформы в отношении государственной деревни на изменение крестьянского землевладения. Они лишь констатируют факт новой крестьянской землеобеспеченности, не показывая происходящих изменений. В этом плане изучение владенных записей может быть эффективным только при условии сопоставления их с источниками регистрирующими крестьянское землевладение накануне реформы 1866 года. Кроме того, источники не датированы. Это обстоятельство также настоятельно диктует необходимость изучения владенных записей вместе с другими датированными документами с целью установления времени реализации реформы в государственной деревне.

Рассмотрим следующий источник, рожденный реформой 1866 года. Это хозяйственные описания. Они представляют собой анкеты обследования сельской поземельной общины, созданные в период подготовки и реализации аграрной реформы 1866 года и фиксировавшие результат экономической переписи, в ходе которой сельская поземельная община интересовала государство, прежде всего, как податная единица. В связи с этим, основным содержанием пособщинной переписи являются сведения о хозяйственно-тягловом состоянии крестьян. Мы видим здесь интерес министерства государственных имуществ не к каждому конкретному двору, а к валовой состоятельности общины в целом.

Интерес к крестьянскому общинному имуществу стимулировал создание обширного формуляра списи крестьянской общины, включающего несколько важнейших разделов, необходимых для точного учета ее хозяйственной состоятельности. Первый раздел хозяйственного описания характеризует топографическое положение селения: его географическое расположение на территории уезда, а также удаленность в верстах от уездного города. Например, селение Сыропятовка, Мокшалеysкой волости, Саранского уезда "... лежит в северной части Саранского уезда в 35 верстах от города Саранска". Удаленность от губернского города, а значит и от губернского рынка влияла на рыночные цены на хлеб, которые в разных уездах находились на разном уровне, а отсюда влияла и на состоятельность общины. Топографическое положение крестьянской общины по хозяйственному описанию дано шире, чем соответствующие сведения владенной записи, по формуляру которой требовалось указать лишь "наименование селения, какой оно губернии, уезда и волости".

Ещё в большей степени это касается раздела о народонаселении. Во владенной записи, согласно формуляру, указывалось лишь на необходимость зарегистрировать "число ревизских 10 народной переписи мужского пола душ крестьян". В хозяйственных описаниях в разделе "Народонаселение" зафиксировано не только количество мужских душ по десятой ревизии, но и количество в общине дворов, наличных душ мужского и женского пола, а также наличие среди них работников и работниц. Статистический учет не только ревизского, но и наличного мужского и женского, причем работоспособного населения подчеркивает интерес министерства государственных имуществ к выяснению реальных жизненных возможностей в крестьянской общине.

В разделе "Скотоводство" более, чем подробно, показано количество скота: зафиксировано наличие не только крупного рабочего и продуктивного скота - лошадей и коров, но также и жеребят, телят, овец и свиной. Исключительно ценными представляются сведения о числе в крестьянской общине

безлошадных дворов.

Сведения о хозяйственном состоянии крестьянской общины не ограничиваются здесь указанием только общей площади земельного надела. Он расписан более детально, по угодьям. В хозяйственные описания внесены еще и многие другие экономические показатели не предусмотренные владенными записями - это сведения об урожае ржи на пашнях всех четырех разрядов, ее цене в данной местности, расположение и качество пашен и сенокосов, наёмные цены за разные угодья и т.д.

В источниках наглядно представлены различные подсчеты. Выше говорилось о том, что в хозяйственных описаниях подробно зафиксировано наличие крупного и мелкого скота. Здесь же, в документах, приведен способ перевода мелкого скота, по количеству доставляемого навоза, в крупный. С одной коровой сравнивалось: I лошадь, 2-е телят, 2-е жеребят, 8 штук мелкого скота. Например, в хозяйственном описании деревни Висловки, Атемарской волости, Саранского уезда, Пензенской губернии в разделе "скотоводство" показана обеспеченность общины скотом. Здесь имелось: лошадей - 103, жеребят - 39, коров - 105, телят - 49, овец - 343, свиней - 97. Итого - 736. Далее показаны результаты подсчетов: "А по сравнению мелкого скота с крупным по количеству доставляемого навоза до 307 голов крупного скота"¹⁵.

После перечисления в документах площади земельных угодий также показаны некоторые подсчитанные результаты. Так, в хозяйственном описании деревни Кривозерье, Кривозерьевской волости, Саранского уезда мы видим следующую информацию:

	РАЗРЯДЫ				ВСЕГО
	I-й	II-й	III-й	IV-й	
1. Усадебной					32,4
2. Огуменников					4,0
3. Пахотной 3-х польной	648,8	790,3	226,8		1665,9
4. Сенокосы:					

а. ежегодного		73,0
б. двухтретнего	189,0	78,6
5. Кустарного покосу		4,7
6. Выгону		39,9
<hr/>		
ИТОГО:		2087,5

Далее даются подсчитанные результаты: средняя земельная обеспеченность на ревизскую душу — 5,49 десятины и средняя обеспеченность на одного работника 3-х польной пашни — 8,33 десятины¹⁶.

Приведены также сведения об урожае ржи на пашнях всех трех (а там, где это имело место, четырех) разрядов. В деревне Кривозерье урожай ржи по собранным сведениям оказался следующим: на пашнях I разряда 5,4 сама, на пашнях II разряда 4,2 сама, на пашнях III разряда 3,8 сама. Цена одной четверти ржи в данной местности принята следующая: I руб. 88 коп., а одного четверика — 23 1/2 коп.

Итак, в хозяйственном описании сосредотачивались все необходимые экономические показатели, на основании которых возможен был точный расчет общего оценочного дохода со всех пашенных угодий общины. Опираясь на эти данные счетные чиновники рассчитывали оценочный доход от пашни, а затем и общий оценочный доход, который вносился в оценочные таблицы для исчисления оброчной подати. В хозяйственных описаниях имеются все необходимые экономические показатели для исчисления оценочного дохода лесным участкам. В документах приведены также наемные цены под посев ржи, яровых хлебов и средняя наемная плата за десятину. В нашем примере по Кривозерью она равняется соответственно: 3 руб. 25 коп.; 2 руб. 15 коп.; 1 руб. 18 коп. Кроме того, приведена наёмная цена за одну десятину сенокоса 2 руб. 12 коп.¹⁷

Обилие, включаемого в документы цифрового материала, внутренние расчеты, описания-характеристики, таблицы, ссылки на другие источники — все это показывает какая грандиозная работа выполнялась межвыми и счетными чиновниками

министерства государственных имуществ в ходе подготовки реформы 1866 года. Они должны были иметь на руках многочисленные документы: ревизские сказки, межевые планы, таблицы вычисления угодий, инструкции, производить опросы населения.

Хозяйственные описания как источники отражают первый этап аграрной реформы 1866 года, который был запланирован законодательно "Правилами" 31 марта 1867 года, особым их разделом: "О составлении владенных записей". Чтобы внести во владенные записи размеры земельных участков и количество причитающейся за них оброчной подати, их необходимо было определить и подсчитать, значит, подготовить предварительные документы для проверки - проекты владенных записей. Составлять владенные записи сразу в окончательном их варианте по законодательному формуляру-образцу было нецелесообразно уже и потому, что крестьяне имели возможность обжаловать содержание - возражать против выделяемого им надела, оброчной платы и т.д. Если возражения крестьян окажутся убедительными, чиновники министерства государственных имуществ, по закону, должны будут внести во владенную запись исправления. Поэтому, на сельских сходах более удобным было предъявлять крестьянам проекты документов, в которые проще можно было внести какие-либо исправления.

Таким образом, хозяйственные описания - это есть проекты владенных записей. Именно они в законе 31 марта 1867 года называются раскладочными и оценочными документами. Поэтому не случайно в них нашли место все те показатели, которые законодательно предусмотрены в содержании владенных записей.

Основные черты и отличительные особенности хозяйственных описаний как исторического источника заключаются в следующем: являясь анкетой экономического обследования общины, они однотипны и отличаются повторяемостью содержащейся в них информации. Они содержат не только непосредственно регистрируемые, но и заведомо обработанные статистичес-

кие данные, ссылки на другие материалы, которые использовались при их создании, в том числе и на законодательство. По информативным возможностям данные источники являются многослойными, то есть лежащие на поверхности сведения переплетаются со скрытыми, "ненамеренными". Информационные возможности данных источников гораздо шире владенных записей, поэтому для познания реальной исторической действительности они практически неисчерпаемы.

Особым делопроизводственным документом, который так же, как и хозяйственные описания, создавался в ходе первого этапа аграрной реформы 1866 г. являются оценочные таблицы. Их необходимо рассматривать вместе с хозяйственными описаниями как продолжение и логическое завершение последних. В хозяйственных описаниях мы видели все экономические показатели, на основании которых можно вывести валовый доход общины, но в готовом, окончательном виде он не дается.

Особенностью оценочных таблиц как исторического источника является наличие в них показателей валового дохода общины в целом и отдельно - по каждому виду угодий. Эти ценнейшие сведения позволяют увидеть богатые и бедные общины по валовому доходу на ревизские и наличные души. Они дают возможность увидеть влияние на валовый доход не только количества земли, но и других факторов: качества пашни, уровня продажных цен на рожь в данной местности, а также наличия в общине рабочих рук и рабочего скота. Таким образом, в оценочных таблицах мы снова встречаем показатели о всех видах земельных угодий крестьянской общины, перемещенные сюда из хозяйственных описаний, но уже с дополнительной информацией о подсчитанном валовом доходе от них.

Особенностью оценочных таблиц по сравнению с хозяйственными описаниями является наличие в их содержании сведений о лесе. Так, по селению Кривозерье в оценочной таблице мы видим 19,5 дес. лесных зарослей, которые не показаны в хозяйственном описании, а перенесены сюда из приложения к нему¹⁸.

Информационные возможности оценочных таблиц расширяют-

ся и за счет новых сведений о пашне. Если в хозяйственных описаниях мы видим лишь участки пашни по разрядам, то в оценочных таблицах наглядно представлена еще и система земледелия на них. Источники свидетельствуют, что в Пензенской губернии в 60-е годы XIX в. продолжала существовать трехпольная система земледелия. Оценочные таблицы на конкретно-историческом материале не только бесспорно доказывают сохранение на пашнях бывших государственных крестьян трехполья, но и рисуют картину конкретных севооборотов на пашнях всех разрядов. Например, по селению Кривозерье по сравнению с хозяйственным описанием в оценочной таблице мы встречаем следующую новую информацию:¹⁹

Пахотные земли I разряда - 648,8 (дес.)

В том числе: 3/9 рожью 216,3

2/9 овсом 144,2

1/9 гречихой 72,0

3/9 паром 216,3

648,8

II разряда - 790,3 (дес.)

В том числе: 3/9 рожью 263,4

2/9 овсом 175,6

1/3 гречихой 87,8

3/9 паром 263,5

790,3

III разряда - 226,8 (дес.)

В том числе: 3/9 рожью 75,6

2/9 овсом 50,4

1/9 гречихой 25,2

3/9 паром 75,6

226,8 (дес.)

Итого пахотной: 1665,9 (дес.)

Сочетание высеваемых культур в яровом поле было различным. В приведенном примере в яровом поле овсом засеивалось в два раза большее пространство, чем гречихой. В других общинах - овсом и гречихой засеивалось одинаковое про-

странство, в третьих - гречихой могло быть засеяно в два раза больше, чем овсом. Кроме того, на пашнях первого разряда одной и той же общины мог быть один из вариантов сочетания названных культур, на пашнях второго разряда - другой, на пашнях третьего разряда - третий.

Оценочные таблицы как делопроизводственные документы законодательно предназначались для определения в них оброчной платы с крестьянской общины, которая должна быть перенесена во владенные записки. Поэтому, одним из достоинств оценочных таблиц и одновременно особенностью их как исторического источника является наличие в этих документах сведений об оброчной плате с крестьянской общины.

В документах наглядно представлен весь ход исчисления оброчной платы. По селению Кривозерье оброчная плата оказалась равной 2222 руб. 94 коп.²⁰

Здесь же выведены средние размеры оброчной платы на душу - 6 руб. 49 коп. и на десятину - 1 руб. 17 коп. При этом, сведения о количестве душ (380) взяты из хозяйственного описания.

Ограниченность оценочных таблиц заключается в том, что они не несут сведений о количестве в общине ревизских душ. Но при необходимости, если данные источники окажутся при хранении разрозненными с хозяйственными описаниями, на основе имеющихся показателей недостающие сведения о ревизских душах можно вывести.

Итак, оценочные таблицы вместе с хозяйственными описаниями представляют проекты владенных записей. Если из хозяйственных описаний во владенные записки переносили сведения о ревизских душах и площади земельного надела, то из оценочной таблицы - оброчную плату. Пообщинный подсчет оброчной подати производился на основе экономических показателей хозяйственных описаний. Связующим звеном между оценочными таблицами и хозяйственными описаниями являются приложения к хозяйственным описаниям на лесной надел. Исключительную ценность источников представляют сведения о валовом доходе общины.

Показатели о земельной площади и размере оброчной платы полностью совпадают с владенными записями. Аутентичность этих данных дает возможность экстраполяции сведений владенных записей в случае утраты последних. Показатели источников взаимопроверяемы. Источники многослойны, возможно извлечение скрытой информации. Таковы источники, возникшие на первом этапе реформы 1866 г.

В ходе второго этапа реформы, который отражен в особом разделе инструкции 31 марта 1867 года: "О предъявлении владенных записей"²¹, возникали акты и протоколы мировых посредников. На сельских сходах факт проверки владенных записей чиновники министерства государственных имуществ фиксировали в особых делопроизводственных документах — актах мировых посредников. Они составлялись в любом случае, даже если со стороны крестьян не было выдвинуто никаких заявлений. А в том случае, если крестьяне не были согласны с условиями реализации реформы, кроме акта, составлялся еще и протокол, в котором подробно излагалась суть возражений.

В тексте поверочных актов четко различаются две части. Первая. Преамбула или введение, где указывалось, когда и при каких обстоятельствах крестьянам предъявлена владенная запись. Указывалась фамилия присутствующего при этом мирового посредника, подчеркивалась полномочность присутствующих лиц и заключенного ими соглашения между государством и крестьянской общиной: "...согласно высочайше утвержденных в 31 день марта 1867 года правил...". Иными словами, письменно подтверждались условия "сделки" на пользование крестьянами конкретным земельным наделом при условии уплаты ими определенной оброчной подати.

Вторая. Концовка, заключение, в которой констатируется факт предъявления крестьянам владенной записи. Акт завершался всякий раз единой формулой: "...причем, заявлений ни от уполномоченных, ни от посредника никаких не последовало, а потому запись сию считать поверенною, о чем и состав-

лен настоящий акт".

В тексте протоколов мировых посредников различаются три части. Кроме введения, они содержат подробное изложение выдвигаемых требований. Концовка протокола также имеет единую формулу: "Заявления крестьян мировой посредник признает справедливым, мнение его разделяет и производитель работ, а потому постановлено..." Далее помещался текст, якобы, удовлетворяющий требование крестьян, но с оговоркой, что так будет после сношения мирового посредника и старшего чиновника с соответствующим учреждением.

Крестьянам лицемерно "разрешалось" излагать свои тяготы и нужды, которые, якобы, будут подвергнуты обсуждению, чтобы создать в них иллюзию возможного выполнения выдвинутых требований. В законодательстве реформы 1866 года разъяснялся даже порядок рассмотрения этих требований, вплоть до губернского по крестьянским делам присутствия и министерства государственных имуществ. Уже в самом языке протоколов их составители намеренно избегали резких формулировок. Профессиональный язык представителей господствующих классов, составлявших документы, прикрывает несправедливые и реакционные цели, успокаивает крестьян, дает им надежду на справедливое разрешение возникшего недоразумения. Тем самым, крестьян обрекали на ожидание, отвлекая от активных форм борьбы, от перерастания недоразумений в открытые конфликты. В то же время, по крестьянским требованиям правительство могло судить о "состоянии умов" в стране.

В актах и протоколах мировых посредников фиксировались те же показатели, что и в хозяйственных описаниях, оценочных таблицах, владенных записях. Так что с этой точки зрения они не представляют для нас особого интереса. Но, кроме того, в них приведены приговоры сельских сходов, то есть возражения и заявления крестьян, что позволяет использовать их для изучения крестьянского ответа на реформу 1866 года. В реальной жизни обычно составлялись протоколы волостных (мирских) сходов, а приговоры сельского схода, как правило, излагались устно. В данном случае, акты и протоколы мировых

посредников фиксировали приговоры сельских сходов, отсюда их ценность как исторических источников.

Названные источники по истории государственной деревни Пензенской губернии свидетельствуют о том, что форма протеста — выдвижение крестьянами возражений и заявлений, имела место по всем десяти уездам Пензенской губернии. Здесь выступило с заявлениями 38 430 душ крестьян из 213 921 (рассматриваемое количество душ в губернии), что составляет 17%. Особую остроту движение крестьян приобрело в Краснослободском, Городищенском и Саранском уездах, где степень преобладания и компактности государственных крестьян была больше, чем в других уездах.

Содержащиеся в заявлениях и возражениях крестьянские требования были различны. Они просили понизить высокую оброчную подать, дополнительно наделить крестьян землей и лесом в потребном количестве, предоставить в постоянное пользование оброчные статьи, исключить неудобства землепользования. Кроме того, они просили разрешить споры между крестьянами разных селений в отношении пользования землей, возвратить земли отобранные в пользу лесной стражи, размежевать землю и распределить оброк между членами общины. Особую группу составляют те требования, которые направлены против церкви: исключить из крестьянских наделов земли церковных причтов, а также возвратить крестьянам излишки земли церковных причтов. Также особую группу требований составляют те, в которых изложены требования крестьян исправить преувеличенные при приуменьшенные данные о количестве земли и душ. Заявления и возражения крестьян пестрят ссылками на различные статьи законов, показывая тем самым правосознание этой части населения.

Особенностью актов и протоколов мировых посредников является возможность извлечения из них информации о функциях крестьянской общины: коммуникативной, хозяйственной и т.п. Так, прежде, чем выдвинуть на сходе свои несогласия с условиями реформы, крестьяне обсуждали в крестьянской общине свои нужды, а уполномоченные во время поверки владенной

записи выдвигали заявления как результат коллективного решения, как общую волю общины. В этом проявлялся один из моментов организаторской функции крестьянской общины.

В отличие от других документов акты и протоколы мировых посредников датированы. Это обстоятельство позволяет на основании актов и протоколов датировать ход данного этапа реформы 1866 года. Хорошо, что при брошюровке по уездам хозяйственных описаний и оценочных таблиц Пензенской губернии на обложках получившихся "дел" поставлена дата - 1867 год. А по другим губерниям, например Саратовской, Самарской, Казанской в архивной судьбе документов такого не произошло. Да и хранение их оказалось разрозненным от актов и протоколов мировых посредников. Отсюда ясно информативное значение конкретной датировки. По ней видно, что в Пензенской губернии проверка проектов "владенных записей" проходила в августе и сентябре 1868 года.

Итак, акты и протоколы мировых посредников свидетельствуют о растянутости реформы, во времени, ее многоэтапности, дают возможность судить о заявлениях и возражениях крестьян в реформе 1866 года, деятельности чиновников министерства государственных имуществ, о функциях крестьянской общины в момент реформы о классовой борьбе крестьян и росте их общественного сознания.

Обратим внимание также на владенные записи на лесной надел, которые выдавались крестьянам Пензенской губернии только во второй половине 70-х годов. Это новый этап реформы, не отраженный в законодательстве, но планируемый правительством. Вплоть до второй половины 70-х годов бывшие государственные крестьяне вынуждены были обходиться без леса. Особенностью данных источников является то, что протокол проверки владенной записи на лесной надел изложен прямо на бланке самого документа²². При сопоставлении с другими источниками можно сделать вывод о том, весь ли лесной надел, бывший у крестьян до реформы, возвращался в 1875 г.

Назовем также таблицы общего вычисления угодий, которые составлялись накануне реформы 1866 г. Они дают возмож-

ность судить о том, какие же изменения произошли в результате реформы в государственной деревне. Это документы хозяйственной съемки или специального межевания, которое проводилось в 1863 году. Таблицы общего вычисления угодий не только дают возможность проследить эти изменения, но и позволяют выяснить вопрос о том, с какими же именно угодьями произошли изменения. Например, сравнивая данные хозяйственного описания и оценочной таблицы деревни Инять, Кривозерьевской волости, Саранского уезда, Пензенской губернии с таблицей общего вычисления угодий данной деревни выясняем, что изменения произошли с лесом²³.

Изучение вопроса позволяет сделать вывод о том, что на основании таблиц общего вычисления угодий составлялись хозяйственные описания и оценочные таблицы, то есть проекты владенных записей. Доказательством этого являются пометки и распоряжения чиновников министерства государственных имуществ, составляющих хозяйственные описания, на таблицах общего вычисления угодий²⁴. Таким образом, основной особенностью названных документов является возможность использования их для сравнения с оценочными таблицами для выяснения изменений в земельных угодьях. Документы свидетельствуют о том, что реформа 1866 года обезлвсила государственную деревню Пензенской губернии.

Наряду с таблицами общего вычисления угодий использовались и статистические описания. Они также несут сведения о площади дореформенного земельного надела, зарегистрированного по хозяйственной съемке 1863 года. Так что тоже могут быть использованы для сравнения дореформенной и послереформенной землеобеспеченности крестьянских общин. Однако, в этих документах земельный крестьянский надел показан в целом, без разделения на конкретные угодья. Зато они несут другую многообразную информацию, которая отличает их от других документов этого времени. Наличие в них сведений об огородничестве в крестьянской общине, промыслах, вероисповедании обогащает наши знания в целом об общине. Например, крестьяне деревни Александровки (Старая Михайловка) на ого-

родах выращивали "капусту, картофель, огурцы для домашнего потребления"²⁵. А у крестьян упоминаемой деревни Иняты огородничество "неразвито - преимущественно сеют коноплю для домашнего обихода". Промышленность у крестьян деревни Иняты "заключается в одном хлебопашестве", они "магометанского вероисповедания"²⁶.

В статистическом описании крестьянской общины слободы Трисвятской, Алексеевского выселка, Инсаро-Осторжской волости, Саранского уезда, Пензенской губернии в разделе промыслы находим следующие данные: "Многие из крестьян слободы Трисвятской занимаются весьма различными промыслами, даже некоторые из них торгуют красным товаром и большею частью зажиточные"²⁷. Статистические описания составлены по единому формуляру.

Таков общий корпус источников для изучения реформы 1866 г. Их источниковедческое освоение, по нашему мнению, может быть значительно облегчено, если при изучении применить специальный бланк выборки данных. При этом, в нашем распоряжении имеется предшествующий опыт, который мы используем в качестве методической основы. В первую очередь, мы имеем здесь в виду бланк выборки данных из уставной грамоты и выкупного акта разработанный Б.Г.Литваком. Бланк выборки данных из уставной грамоты и выкупного акта и бланк выборки данных из владенной записи и сопутствующих документов имеют общий принципиальный характер, но в каждом случае наполнение бланка конкретным материалом и функционирование его в качестве структуры социальной памяти имеет свои особенности.

Прежде, чем определить набор показателей включаемых в карту выборки данных, предстоит проделать сложную предварительную работу: суметь справиться с исследуемым материалом, выделить из огромного числа показателей-признаков массовых исторических источников необходимую часть для изучения. Сама фиксация, размещение материала на карте должна представлять результат детального учета всей совокупности сведений массовых исторических источников по изучаемому

вопросу. При этом, с одной стороны важно суметь отобрать наиболее существенные признаки, отбросив несущественные, а с другой, максимально использовать источники, чтобы обеспечить некоторый запас данных, "избыточных" для намеченной темы.

Наша задача, — соединить на одной карте такие показатели источников, одновременное рассмотрение которых с научной точки зрения обеспечивало бы тему исследования реальной эмпирической основой. Сложность поставленной задачи заключается не только в том, чтобы преодолеть многообразие исходного материала, но также и в том, чтобы наметить направление исследования. Таким образом, разработка карты (бланка) выборки данных представляет необходимый этап источниковедческого исследования. Заполненная карта выборки данных, на наш взгляд, должна обладать достаточной информацией позволяющей решать бесчисленное множество вопросов истории реформы 1866 г.

Выделяемые нами критерии научной ценности карты выборки данных из владенной записи и сопутствующих документов следующие: обзорность материала и доступность его исследованию; способность отразить степень ценностей источников; наличие внутренней логической связи между признаками — показателями; возможность на ее основе решать бесчисленное множество вопросов изучаемой проблемы; удобство в обращении. Только карта (бланк) отвечающая этим достоинствам может представлять научную ценность и быть хорошей базой для исследования. Полагаем, что прилагаемый образец бланка отвечает этим требованиям.

- 1 Интервью с академиком Н.М. Дружининым. — Вопросы истории, 1969, № 6. С. 105; Его же. Аграрная реформа 1866 года и ее последствия. — В кн.: Славяне и Россия. М., 1972. С. 153-156.
- 2 Анфимов А.М. Соловьёва А.М. Изучение социально-экономической истории пореформенной России. — В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XLV съездами КПСС. Вып. 2. Дооктябрьский период. М., 1978. С. 44; Дашев С.И. Смыков Ю.И. Некоторые проблемы изучения истории крестьянства Среднего Поволжья в период капитализма. — В кн.: Страницы истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1984. С. 114.

- 3 Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 30. С. 351.
4 ГАПО (Государственный архив Пензенской области), ф.225,
оп. 12. д. 2256, л. 1 об.
5 Там же. д. 2250, л.л. 1 - 1 об.
6 Там же, д. 2250, л. 2 об.
7 ПСЗ-II, т. 42, № 44418 (приложение к ст.6).
8 Там же, § 7.
9 ГАПО, ф. 225, оп.8, д. 1815, л. 3.
10 Там же, ф. 225, оп. 12, д. 2240, л.л. 6 - 7 об.
11 Там же, д. 2252, л.л. 1-1 об.
12 ПСЗ-II, т. 42, № 44418, § 8.
13 ГАПО, ф. 225, оп. 12, д. 2252, л.л. 2-2 об.
14 Там же, д. 2239, л. 2 об.
15 ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 381, л. II4.
16 Там же, л. 159 об.
17 Там же, л. 162.
18 Там же, л. 165 об.
19 Там же, л. 165.
20 Там же, л. 165 об.
21 ПСЗ-II, т. 42, № 44418, §§ 20-23.
22 ГАПО, ф. 225, оп. 12, д. 2251, л. 7.
23 Там же, д. 2257, л. 16 об.
24 Там же, л. 17.
25 Там же, д. 2241, л. 8 об.
26 Там же, д. 2257, л. 19.
27 Там же, д. 2242, л. 29.

П Р И Л О Ж Е Н И Е
КАРТА ВЫБОРКИ ДАННЫХ ИЗ ВЛАДЕННОЙ ЗАПИСИ И СОПУТСТВУЮЩИХ
ДОКУМЕНТОВ

ГУБЕРНИЯ		ВОЛОСТЬ				
УЕЗД		СЕЛЕНИЕ				
СПОСОБ ВЛАДЕНИЯ ЗЕМЛЕЙ						
СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ (1863)		ф.	оп. д.			
1.	ЗЕМЛИ В ДАЧЕ:	удобной - неудобной -	л.			
2.	ОГОРОДНИЧЕСТВО:		л.			
3.	ПРОМЫСЛЫ:		л.			
4.	РЕЛИГИЯ:		л.			
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОПИСАНИЕ (1867 г.)		ф.	оп. д.			
5.	НАСЕЛЕНИЕ: ДВОРОВ					
6.	ДУШ ПО РЕВИЗИИ 1858 г.					
7.	ДУШ МУЖСКИХ НАЛИЧНЫХ					
8.	ДУШ ЖЕНСКИХ НАЛИЧНЫХ					
9.	РАБОТНИКОВ					
10.	РАБОТНИЦ					
11.	СКОВОДОСТВО: ЛОШАДЕЙ					
12.	ЖЕРЕБЯТ					
13.	КОРОВ					
14.	ТЕЛЯТ					
15.	ОВЕЦ					
16.	СВИНЕЙ		л.			
17.	В СКОЛЬКИХ ДВОРАХ ЛОШАДЕЙ НЕТ		л.			
18.	УРОЖАЙ РЖИ НА ПАШНЯХ:	I РАЗРЯДА - II РАЗРЯДА -	л.			
19.	ВЫСЕВАЮТ:	в озимом поле - в яровом поле -	л.			
20.	ЦЕНА РЖИ:	одной четверти - одного четверика -	л.			
21.	НАЕМНЫЕ ЦЕНЫ ЗА ОДНУ ДЕСЯТИНУ	под по- сев ржи	под по- сев яро- вых	средняя наемная плата	за I дес сенокоса	л.

22. ПО СРАВНЕНИЮ НАЕМНОЙ ПЛАТЫ С 1/3 для пашен -
ОЦЕНОЧНОГО ДОХОДА СКАЗАЛОСЬ: для сенокосов -- л.

23. РАЗМЕР ОБРОЧНОЙ ПЛАТЫ: для пашен и усадеб -
для сенокосов и
выгонов - л.

ВЛАДЕННАЯ ЗАПИСЬ (1868 г.) ф. оп. л.

24. ДУШ ПО РЕВИЗИИ 1858 г. л.

25. ЗЕМЛИ: удобной -- л.
неудобной -- л.
перговой -- л.

26. ПРИМЕЧАНИЯ О ЛЕСЕ: л.

27. ОБРОЧНЫЕ СТАТЬИ И УСЛОВИЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ ИМИ: л.

28. ОБРОЧНАЯ ПОДАТЬ: л.

29. ЛЕСНОЙ НАЛОГ: л.

30. ДАТА ПОЗЕРКИ ВЛАДЕННОЙ ЗАПИСИ: л.

31. ЗАЯВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН: л.

32. ВЫКУПНАЯ СУММА: л.

33. ДАТА ВЫХОДА НА ВЫКУП: л.

ВЛАДЕННАЯ ЗАПИСЬ НА ЛЕСНОЙ НАДЕЛ
(1975 г.) ф. оп. л.

34. ФОРМА ПОЛЬЗОВАНИЯ л.

35. ЛЕСА В НАДЕЛ	удобной	ЛЕСА /в дес./	ОБРОЧНАЯ ПОДАТЬ /в руб./	л.
	неудобной			
	всего			

36. ДОПОЛНИТЕЛЬНО ЛЕСА л.

37. ДАТА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОМУ СХОДУ: л.

38. ДАТА УТВЕРЖДЕНИЯ УПРАВЛЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ л.

НАИМЕНОВАНИЕ УГОДИЙ	По таблице общего вычисления (1863 г.)	По оценочной таблице (1867 г.)	
		УГОДЬЯ	ОЦЕНОЧНЫЙ ДОХОД
	В десятинах	В десятинах	Четвериков ржи
УСАДЕБНАЯ			
ОГУМЕННИКИ			

	I разр.			
ПАХОТНАЯ:	II разр.			
	III разр.			
	Всего:			
СЕНКОСЫ				
ВЫГОНЫ				
ЛЕС				
УДОБНОЙ:				
НЕУДОБНОЙ:				

МЕСТНАЯ ПОДЦЕНЗУРНАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ 1905-1907 ГГ.

(По материалам Ярославской губернии)

Годы первой российской революции были важным этапом в развитии периодической печати. В 1905-1907 гг. в Ярославской губернии выходили легальные газеты 22-х наименований. Они содержат большой и разносторонний материал по социально-экономической, политической и культурной истории края и являются весьма ценным источником. Однако до сих пор он не подвергался специальному источниковедческому анализу, а в исторической литературе использовался лишь для получения информации об отдельных событиях¹. Настоящая статья представляет собой попытку рассмотреть ярославскую легальную прессу 1905-1907 гг. в качестве исторического источника, ограничив эту задачу историей рабочего движения в губернии.

С началом революции и особенно в период высшего ее подъема значительно увеличилась публикация материалов о положении и борьбе пролетариата. Определенную роль сыграла здесь и отмена предварительной цензуры, мера, на которую правительство вынуждено было пойти в октябре 1905 г. под напором народного движения. Рабочий вопрос стал более широко освещаться на страницах ярославских газет. Большая часть публикаций по рабочей тематике - это корреспонденции с мест, репортерские отчеты, хроникальные заметки, перепечатки из газет, сообщения телеграфных агентств.

В 1905 г. выходило одновременно 6 газет, в 1906 - июне 1907 г. (с учетом преемственности изданий) - 9. На первый взгляд подобный числовой ряд являет собой обратную зависимость от размаха революционных выступлений в стране. Тем не менее на рост печатных изданий влияли такие факторы, как созыв Государственной думы, вера буржуазной демократии в мирные формы борьбы, невозможность для самодержавия рез-

ко усилить репрессии против оппозиционной печати. Более того, хорошо понимая влияние печати на формирование общественного мнения, правительство стремилось постоянно держать ее в поле зрения и, вместе с изданием "запретительных" и "ограничительных" циркуляров, активно поощряло выпуск неофициальных изданий махрово-черносотенной окраски.

Легальная печать губернии различалась по своему идейному содержанию и характеру материала, целевому назначению, а также по месту издания. На протяжении всего периода революции продолжали выходить 2 официальных издания: Ярославские губернские ведомости (ЯГВ) и Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ)². На их страницах публиковались правительственные циркуляры, распоряжения местных властей, сведения о деятельности государственных учреждений или материалы, регулирующие деятельность церкви и религиозную жизнь губернии. Их тематика жестко регламентировалась, а сведения по революционной борьбе ограничивались заявлением губернатора о первомайской демонстрации учащихся в 1905 г. (ЯГВ, 3 мая 1905) или публикацией пространных статей о "нравственной трагедии социалистов", указывающих единственную "спасительную пристань для заблудших... - христианство". (ЯЕВ, 4 февр. 1907 г.).

Как результат мобилизации сил контрреволюции в стране с марта 1906 г. стала выходить газета "Русский народ", черносотенный орган, благополучно просуществовавший до конца 1910 года³. Газеты октябристского толка были представлены "Ярославским вестником", "Северянином" и "Ярославскими отголосками" последовательно сменявшими друг друга⁴. И хотя только "Северянин", выходявший с марта по июль 1906 г., официально считался органом "Союза 17 октября" и "Торгово-промышленного союза", партийная принадлежность двух остальных не оставляет сомнений. Тем более, что в редакционном комитете указанных газет бесспорно принимает участие А.И. Вахрамеев - владелец ряда промышленных и торговых предприятий города. К этому же политическому лагерю по своим идейно-политическим воззрениям прилькает "Вестник Рыбинской

биржи", стабильно издававшийся в годы революции⁵.

Эти газеты публиковали немало материалов по экономике края. О рабочих они писали меньше, крайне тенденциозно, не стесняясь фальсификации рабочего движения. О черносотенном разгоне демонстрантов в Рыбинске 19 октября 1905 г. "Ярославский вестник", например, писал: "Причина нападения на манифестантов рабочих-крючников не в том, что оно было организовано ранее полицией и прочим населением, принадлежащим якобы к черной сотне, а в том, что рабочие были озлоблены безработицей, благодаря железнодорожной забастовке"⁶. Издания этого направления - яркий источник для выявления взглядов реакционно-монархической буржуазии на рабочее движение.

Особняком среди ярославских газет стоит рекламное издание "Рыбинский вестник объявлений и справок", преследовавшее чисто информационные, коммерческие цели и не содержавшее никаких других жанров газетного письма⁷.

Подавляющую часть материалов о рабочих помещали издания либерально-буржуазной прессы преимущественно кадетского направления. На долю "Северного края" и его преемников приходилось до 3/4 всех публикаций по рабочему движению (см. табл. I). Такое внимание со стороны буржуазной печати объясняется двояко: во-первых, стремлением либералов привлечь на свою сторону низы населения за счет показной демонстрации своей прогрессивности и демократизма, во-вторых, временным сотрудничеством в этих изданиях представителей революционных партий - социал-демократов и эсеров.

Сказанное наиболее ярко прослеживается на примере газеты "Северный край"⁸. В ее редакции в 1905 г. работали социал-демократы В.Р. Менжинский, Л.С. Федорченко, В.И. Коньков и другие, авторы многих статей на злободневные политические темы. Корреспондентами газеты были: И.А. Волков - потомственный текстильщик из Иванова, знающий с детства тяжелую жизнь ткача (псевдоним - "Кифа Мокеич"); работник Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ), писавший под псевдонимом "Пика" и дававший подробное, детализированное опи-

Таблица I

Количество публикаций по рабочему движению
в легальных газетах Ярославской губернии

Газеты	1905 г.			1906 г.			1907 г.			Итого
	янв.- март	апр.- сент.	окт.- дек. Всего за год	янв.- март	апр.- сент.	окт.- дек. Всего за год	янв.- март	апр.- июль	Всего за пол- года	
Северный край и его преемники	33	21	228	4	74	14	18	14	32	406
Рыбинский листок	-	-	-	2	19	-	1	1	2	23
Ярославский взстак и его преемни- ки	-	6	98	4	10	1	5	2	7	126
Вестник Рыбин- ской области	-	-	-	7	7	2	2	-	2	20
Я Г В	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Русский народ	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1
Итого	34	27	526	17	110	17	27	17	44	577

сание стачки на предприятии в ноябре-декабре 1905 г.; А.П. Дьяченко - фельдшер одной из Иваново-Вознесенских фабрик, член РСДРП с 1905 года; И.А.Снегульский - эсер, писавший яркие, злободневные корреспонденции из Рыбинска (псевдоним - "Саур"); Н.С.Зезюлинский - студент Демидовского юридического лицея, большевик и другие.

30 мая 1905 года редакция предупредила своих корреспондентов, что простая хроника с мест приниматься не будет, так как газете нужны корреспонденции, рисующие социально-политическое положение населения, в том числе и пролетариата. С летних номеров заметки хроникального характера совсем исчезли со страниц газеты. Явно "вредное направление" ее особенно проявилось в конце октября, когда по идейно-политическому содержанию статей газету можно отнести к легальным большевистским изданиям⁹. Эти номера были насыщены материалами, которые раскрывали истинный смысл Манифеста 17 октября, называли настоящих организаторов погромов, сообщали о революционных выступлениях в стране и губернии.

Это напугало хозяев газеты, в большинстве своем кадетов. Их разногласия с редакционным комитетом, который возглавлял В.Р.Менжинский, наметились давно, а после Октябрьской политической стачки они приняли конфликтный характер. Хозяева "Северного края" упразднили редакционный комитет и большевики, опубликовав гневное письмо-памфлет¹⁰, вышли из редакции. С ноября 1905 г. газета провозгласила себя органом партии кадетов. Тем не менее подъем революционной борьбы в стране вынуждает ее публиковать обильный материал по борьбе пролетариата и 16 декабря 1905 г. распоряжением властей газета была "приостановлена изданием впредь до распоряжения суда"¹¹.

В течение последующих 1,5 лет революции (1906 - июнь 1907 г.) в губернии издавалось 9 газет, аккуратно сменявших друг друга, а все вместе своего родоначальника - "Северный край"¹². Согласно донесению губернатора эти газеты "не только одного и того же крайне оппозиционного направления, но и по существу представляют одно и то же издание,

которое меняло название и редакторов по мере их закрытия¹³. Газеты меняли друг друга с поразительной быстротой, просуществовав от I до 6 месяцев. Их редакторы не покидали залов суда, платили огромные штрафы, давали многочисленные устные и письменные объяснения по публикациям статей, содержащих "признаки преступления". Так, редактор "Северной речи" М.Е.Ливанов подвергнулся судебному преследованию за 1906-1907 гг. 4I раз¹⁴. Преимущество этих газет сказывалась не только в общей направленности, но и в регулярном участии представителей левых партий. Среди сотрудников мы встречаем здесь членов Ярославского комитета РСДРП: Д.К.Крылова, Д.А.Розанова, члена стачкома на ст.Урочь в декабре 1905 г., эсера И.К.Бурицева и других.

Оставаясь в целом в рамках кадетской ориентации, эти газеты имели разную оттеночную палитру, находившуюся в прямой зависимости от размаха революционного движения в стране. Июльско-августовские номера "Северной речи" (1906 г.) несут на себе явную печать демократизма. Из всех преемников "Северного края" это издание содержит больше всего публикаций большевистского характера и пропаганду непримиримости к самодержавию. Определить политическую позицию материалов о рабочих в других газетах 1906-1907 гг. много сложнее: в них увеличилось число заметок хроникального характера, сведения стали суше, информация короче. Нередко газетная полоса состояла из разношерстного, эклектичного материала.

К прокадетским печатным органам относилась газета "Угличанин", в основном ограничивающая свою информацию событиями города и уезда и лишь изредка помещавшая перепечатки по рабочей тематике. Поэтому материал по рабочему движению в газете незначителен и ограничивается вопросами борьбы местных приказчиков за воскресный и праздничный отдых¹⁵.

Органом, который может быть отнесен к демократическому лагерю является "Рыбинский листок", появившийся в период открытия I Государственной думы¹⁶. Практически это - единственное в губернии издание неонароднического направле-

ния, тяготеющее к политической программе партии народных социалистов. Уже с первых номеров газеты очевидна открытая симпатия к интересам "делового мужика", пристальное внимание к решению аграрного вопроса в Думе. "Рыбинский листок" служит ценнейшим источником по истории классовой борьбы в деревне. В отношении рабочего движения он менее информативен, хотя отдельные его материалы, проникнутые духом солидарности с борющимся пролетариатом, являются единственной информацией о стачечной борьбе в Рыбинском уезде.

Анализ газетного материала показывает, что наибольшее количество публикаций по рабочему движению - 4/5 общего их числа - приходится на периоды подъема революционного движения: октябрь-декабрь 1905 г. и апрель-июль 1906 г. (см. табл. I).

Периодическая печать содержит достаточно подробный материал, освещающий различные формы рабочего движения - предъявление требований предпринимателям, забастовки, митинги, демонстрации (см. табл. 2). Газеты помещают статьи, знакомящие читателя с программными положениями и тактикой РСДРП. Они сообщали о создании рабочих организаций: профсоюзов, потребительских обществ, касс взаимопомощи. Наибольшее число выступлений, как и следовало ожидать, зафиксировано печатью в периоды подъемов революционной борьбы. Так за октябрь-декабрь 1905 г. печать сообщала о 69 стачках, 7 политических демонстрациях, 18 митингах, отметила 24 случая предъявления требований различными категориями рабочих и служащих. В период временного затишья революционных боев, в январе-марте 1906 г. газеты упоминают лишь о 4-х выступлениях рабочих. Картина меняется в апреле-июле 1906 г.: печатные издания приводят сведения о 28 стачках, 12 митингах и 1 демонстрации.

Больше всего внимания газеты уделяют стачечной борьбе рабочих губернии. Всего за 2,5 года они дают сведения о 128 стачках. Это гораздо больше, чем по данным официальной статистики, которая учла за 1906-1907 гг. лишь 72 стачки¹⁷.

Таблица 2

Количество выступлений рабочих Ярославской губернии по данным легальной печати

Формы рабочего движения	1905 г.	1906 г.	янв.-июль 1907 г.	Итого 1905-июнь 1907 г.
Стачки	78	38	12	128
Предъявление требований без объявления стачки	40	11	13	64
Митинги ^х	18	13	6	37
Демонстрации	8	1	3	12
В с е г о	144	63	34	241

Эти различия объясняются прежде всего тем, что в печати содержится информация о стачках среди рабочих предприятий, не подчиненных надзору фабричной инспекции. Так, сопоставление за 1905 г.¹⁸ показало, что из 78 стачек, упомянутых в печати, 41 произошла на фабриках и заводах, ей не поднадзорных. Кроме того, инспекция не учла 3 стачки на табачных фабриках Дунаевых и Ф.Вахрамеева, на заводах Комарова и Оловяшниковова, хотя они и были подчинены ее надзору. По этим стачкам легальные газеты являются единственным источником.

Особенно важны сообщения газет по борьбе железнодорожников, вклад которых в рабочее движение в 1905 г. трудно переоценить, но о которых официальная статистика даже не упоминает.

За 1906 г. газеты дали сведения о 38 стачках. 28 из них имели место на предприятиях, подведомственных инспекции, хотя та по неясным причинам учла только 8 выступлений. В 1907 г. официальная статистика сообщает лишь о двух стачках в Ярославской губернии. По подсчетам исследователей¹⁹ только в январе-мае 1907 г. их произошло 14.

^х Не учитывались митинги и собрания, проводившиеся на предприятиях в ходе стачек.

Из этого числа газеты не приводят сведения лишь о двух стачках. Материалы легальной печати по остальным 12 забастовкам позволяют установить дату выступления - у 9, причину забастовки - у 11, число бастующих - у 6. Пять стачек из 12 были политическими, причем 4 из них - первомайскими.

Газеты редко приводят точное количество участников выступления, однако часто они сообщают, что бастовали рабочие частично или полным составом. Так "Северные отклики" за 3 и 6 мая 1906 г. содержат сведения о 21 первомайской стачке, и в 11 случаях указывают, что предприятие бастовало полностью. Привлечение официальных данных о численности рабочих (приложения к отчету губернатора за 1906 г. и списка предприятий, участвовавших в выборах в Государственную думу²⁰) помогло определить число забастовщиков на этих 11 предприятиях - 1979 человек.

Во многих случаях информация газет содержит ценные дополнения, позволяющие уточнить многие факты о ходе забастовки и ее результатах. Так, при сопоставлении разных видов источников по стачке Рыбинских железнодорожных мастерских 14-16 февраля 1905 г. видно, что хотя "Северный край" и приводит неполный список требований бастующих (из 29 пунктов перечислены лишь 13), но зато подробно останавливается на ее результатах, сообщает точные сроки начала и окончания выступления, что не нашло отражения ни в большевистской газете "Вперед", ни в материалах прокурора окружного суда²¹.

Газетный материал существенно дополняет сведения начальника губернского жандармского управления по забастовке рабочих фабрики А.А.Локалова в Гаврилов-Яме, проходившей весной 1906 г.²². "Северные отклики" позволяют, как и в предыдущем случае, уточнить ее результаты. Стачка закончилась поражением бастующих: рабочие были вынуждены встать на работу на прежних условиях, ни один пункт требования не был удовлетворен, 240 человек не были допущены к работе. Газета сообщала о собраниях и сходках рабочих, где выраба-

ты двадцать решения по дальнейшему проведению забастовки, выдвигались новые требования. Симпатии корреспондента полностью на стороне бастующих, и в конце своего последнего сообщения о стачке он пишет: "Не может быть сомнения в том, что если условия не будут улучшены, то вскоре же вызовут, наверно, еще более дружную забастовку"²³.

Степень точности и достоверности приводимых фактов зависела как от идейной ориентации газеты, так и от информированности ее сотрудников. Безусловно, что во многих случаях при описании одного и того же события оно преломлялось через призму политических убеждений автора и не являлось точным слепком с исторической действительности. Выше приводилась оценка факта разгона демонстрации в Рыбинске, данная "Ярославским вестником". В отличие от него корреспондент "Северного края" видит в нем прямую провокацию со стороны полицейских чинов, перечисляет фамилии наиболее огултанных рыбинских купцов, принявших деятельное участие в разгоне демонстрации²⁴.

Разными по происхождению и характеру были ошибки газет, чаще всего они шли от недостаточной информированности печати. При сопоставлении информации о первомайских стачках в Ярославле в 1906 г. либеральной газеты "Северные отклики" и большевистской "Светочи", издававшейся в Москве, налицо расхождение по числу учтенных стачек (21 и 27 соответственно²⁵). Примечательно, что "Светоч" не называет в числе бастующих предприятий ЯБМ, как об этом ошибочно сообщали "Северные отклики". Вероятно в данном случае степень информированности выше у корреспондента "Светоча" Д.К. Крылова, члена Ярославского комитета РСДРП, причем его сообщение о том, что на ЯБМ была только массовка, подтверждают и другие источники²⁶.

Газеты нередко указывали на ошибки официальных сообщений или прямо опровергали их. Так, в ответ на утверждение властей, что 1 мая 1906 г. в Рыбинске работали все промышленные заведения, газета "Северные отклики" сообщала, что в этот день в городе бастовали железнодорожные мастерские,

некоторые типографии и ремесленные мастерские²⁷. Другой пример относится к празднованию Первого мая в 1907 г. "Северный курьер" своими публикациями о стачках на Ярославской, Норской и Романовской мануфактурах, в Ярославских железнодорожных мастерских и заводе Журавлева близ Рыбинска, а также о первомайских демонстрациях в губернии²⁸, безусловно опроверг донесение губернатора в департамент полиции о полном спокойствии во вверенной ему губернии. В своем рапорте он упомянул лишь о забастовке на Романовской мануфактуре, хотя, безусловно, знал о прошедших выступлениях из донесений полицмейстеров и уездных исправников²⁹.

Таким образом, налицо разнохарактерные сообщения органов печати, требующие особого осмысления. Очевидно нельзя не учитывать тот факт, что газеты не ставили, да и не могли ставить перед собой задачу полного освещения событий, а приводили наиболее яркие по их мнению факты действительности. Безусловно, что на характере материала сказывалось идейное направление органа. "Ярославский вестник" и его преемники в рабочем вопросе выражали взгляды крупных промышленных воротил, резко выступали против "стачечного азарта" рабочих, их симпатии на стороне предпринимателей. Сложнее разобраться в характере материала газет кадетской ориентации ("Северный край" и его преемники). Здесь следует принимать во внимание неоднородность в идейно-политической ориентации редакционного состава газет. В них сотрудничали люди с разными взглядами и от степени влияния той или иной группировки часто определялось как общее направление органа, так и отдельных его материалов. На освещение событий влияли местные условия существования печати, сила цензурного гнета, ослабевающая в периоды революционной активности масс. Учитывая неполноту, а иногда и тенденциозность газетных сообщений, их необходимо сопоставлять с данными других источников, подвергать серьезному источниковедческому анализу.

В целом не подлежит сомнению факт, что легальная периодическая печать, регулярно освещая события по революционно-

му движению, скопила на своих страницах огромный материал для исследователей, служащий ценнейшим источником по истории борьбы пролетариата в годы первой российской революции.

- I См.: Ярославль в первой русской революции. Ярославль, 1925; Дружинин П.Н. Революционное движение в Ярославской губернии в 1905-1907 гг. Ярославль, 1955; Девяткина А.В. Большевики в редакции газеты "Северный край". Краеведческие записки. Ярославль, 1957. Вып. 2; Гуничев В.А., Мейерович М.Г. О численности стачечников в Ярославской губернии в 1905 г. - В кн.: Пролетариат Центрального промышленного района в революции 1905 - 1907 гг. Ярославль, 1982; и др.
- 2 Ярославские губернские ведомости (1831-1917). Выходили 2 раза в неделю. Ярославские Епархиальные ведомости (1860-1917). Ежедневное издание.
- 3 Русский народ. Орган Ярославского отдела Союза русского народа. Ежедневная газета. Ред. изд. Ф.П.Дуряев.
- 4 Ярославский вестник. Ежедневная политико-общественная и литературная газета (1904 - февр. 1906). Ред.-изд. Н.Б. Верховой; Северянин. Ежедневная газета. Орган Ярославского отдела "Союза 17 октября" и "Торгово-промышленного союза". (5 марта - 29 июля 1906 г.). Редактор В.В. Шпеер. Издатель Э.Н.Берендтс; Ярославские отголоски. Газета общественная, политическая и литературная (авг. 1906-1910). Ред.-изд. В.В.Шпеер.
- 5 Вестник Рыбинской Биржи. Общественная, политическая, торгово-промышленная и литературная газета (1902-1917). Выходила ежедневно. Редактор В.А.Плетнев.
- 6 Ярославский вестник. 1905.30 окт.
- 7 Рыбинский вестник объявлений и справок (1899-1813). Выходил 3 раза в неделю. Ред.-изд. С.Я.Раздорнов.
- 8 Северный край. Газета политическая, общественная, литературная (1898 - дек.1905). Редактор В.М.Михеев. Издатель Н.П.Летин.
- 9 См.: Девяткина А.В. Указ. соч. С. 155.
- 10 См.: Северный край. 1905.28 окт.
- 11 Ярославский вестник. 1905.17 дек.
- 12 Преимкии Северного края: Северная область (29 дек. 1905 - 18 янв. 1906). Ред. изд. П.Е.Ливанов; Северная газета (20 янв. - март 1906). Ред.изд. П.А.Троицкий; Северная мысль (18 марта - 26 апр. 1906). Ред.изд. К.К. Крылов; Северные отклики (27 апр. - 28 мая 1906). Ред. изд. К.Н.Калистов; Северный голос (30 мая - 18 июня

1906). Ред. изд. Е.О.Коварский; Северная речь (20 июня 1906 - 14 марта 1907). Ред. изд. М.Е.Ливанов; Северный курьер (15 марта - 18 мая 1907). Ред. изд. Д.С.Ушаков; Новый Северный край (20 мая - 13 июня, 1 июля - 17 авг. 1907). Ред. изд. П.Е.Ливанов; Северная газета (14 июня - 29 июля, 18 июля - 31 авг. 1907). Ред. изд. П.А.Троицкий.

- 13 Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. 73, оп. 7, д. 839, л. 3.
- 14 Там же, ф. 347, дд. 583, 674, 704-714, 759-768.
- 15 Угличанин. Еженедельная газета (1906-1908). Выходила два раза в неделю. Ред. изд. К.П.Мухин.
- 16 Рыбинский листок. Ежедневная газета (март 1906 - сент. 1907). Ред. изд. С.А.Овсянников.
- 17 См.: Варзар В.Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах в 1905 г. СПб, 1908; он же. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906-1908 гг. СПб, 1910.
- 18 См.: Обзор Ярославской губернии за 1905 г.: Приложение к всеподданнейшему отчету. Ярославль, 1906. С. 4-6. Список стачек, приведенный в "Обзоре", почти полностью соответствует данным официальной статистики.
- 19 См.: Найнова Г.Н. Статистика стачечного движения губерний Верхнего Поволжья в 1906-1907 гг. - В кн.: Пролетариат Центрального промышленного района в революции 1905-1907 гг. С. 61.
- 20 См.: Второй период революции, 1906-1907 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1963. Ч. 3. С. 206; ЯГВ. 1906. 25 февр.
- 21 См.: Вперед. 1905. 16 марта. № 12; Северный край. 1905. 8, 23 мая; ГАЯО, ф. 347, оп. 1, д. 493, л. 20.
- 22 ГАЯО, ф. 73, оп. 9, д. 269, л. 38-40.
- 23 Северные отклики. 1906. 27 апр., 6, 11 мая.
- 24 См.: Северный край. 1905. 26, 28 окт.
- 25 См.: Северные отклики. 1906. 3, 5 мая; Светоч. 1906. 16 мая.
- 26 См.: Северянин. 1906. 3 мая.
- 27 См.: Северные отклики. 1906. 11 мая.
- 28 См.: Северный курьер. 1907. 3, 4, 5 мая; Рыбинский листок. 1907. 5 мая.
- 29 См.: ЦГАОР, ДП, 4-е д-во, д. 108. ч. 61, л. 2; ГАЯО, ф. 73, оп. 7, д. 803, л. 27-28.

О РАЗВИТИИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

В историографическом обзоре исследований в области исторических дисциплин, составленном Н. А. Соболевой, отмечено, что развитие дисциплин – единый процесс и отставание одной ведет к отставанию всех других¹. Представляется, что этот вывод в наибольшей степени относится к генеалогии. Несмотря на резко возросшее к ней в последние годы внимание, она заметно уступает в своем развитии тем дисциплинам, по которым имеются монографические исследования и которые систематически преподаются в вузах.

Важнейший вопрос в изучении дисциплины – это определение ее предмета, метода и задач. Неслучайно, именно по вопросу определений ряда дисциплин имеются серьезные разногласия среди ученых².

Определения генеалогии и ее задач, данные советскими исследователями, разнообразны. Они приведены в статье М. Е. Бычковой, это: "история семьи" (С. Н. Быковский); "выявление происхождения индивидов..." (А. М. Большаков); "учение о родословии..." (А. А. Введенский); "установление родственных связей лиц, действовавших на исторической арене" (С. Б. Веселовский); "происхождение, социальное положение исторических деятелей..., изучение биографий, происхождения семейных связей..." (А. А. Зимин); "установление фактов родства..., их историческое осмысление" (А. И. Аксенов); "изучение семейно-родственных связей и социального происхождения конкретных исторических лиц (А. В. Елпатьевский); "изучение родственных связей между отдельными лицами и история семей различного социального происхождения" (М. Е. Бычкова)³. При всем разнообразии формулировок суть их примерно одинакова: предметом генеалогии являются факты родства – единичные или в системе родословной, – а задачей – их изучение, установление. Но с логической точки зрения возникает вопрос: почему эти факты являют собой область вспомогательной ис-

торической дисциплины, а, например, история сельского хозяйства или крестьянских войн и т.п. до сих пор не превращены в исторические дисциплины? Ведь факты родства, тем более, история семей различного социального происхождения это исторические факты и проблемы наряду со всеми другими. В чем специфика генеалогии, ее отличие от других наук?

Ответ нужно искать в истории генеалогии, в изучении деятельности русских генеалогов, задач, которые они перед собой ставили, и результатов их работы. История русской генеалогии – это в значительной степени история поисков путей наиболее совершенных методов составления родословных. Начало было трудным, и первые опыты были неудачны. П.М.Строев характеризовал их так в предисловии к составленному им "Ключу" к "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина: "Не буду рассказывать, каких трудов, терпения и постоянства стоило мне долговременное составление и издание сего Ключа: знающие поймут сами, незнающие пусть называют механизмом. Ошибки, неизбежные в таких книгах, надеюсь, не будут приписаны нерадению"⁴. Труды своих предшественников он оценивал следующим образом: "Росписи кн. Щербатова вне употребления, Стриттеровы неисправны, Карамзина неполны"⁵. Первыми образцами родословных, которые прочно вошли в последующую генеалогическую практику, стали схемы П.М. Строева⁶ и поколенные росписи П.В.Долгорукова⁷. Они продолжали совершенствоваться на протяжении всей истории генеалогии.

Рассмотрим, что же конкретно делалось генеалогами в области развития методики. Первым достижением была замена степенных родословных поколенными росписями. Первые пришли в генеалогическую практику непосредственно из исторических источников – родословных книг XVI–XVII вв. – и долгое время не видоизменялись⁸. В отличие от запутанных степенных росписей поколенные четко отражают структуру рода: они имеют разделение и нумерацию поколений, одновременно – нумерацию всех лиц, вошедших в роспись. Вначале нумеровались лишь мужские имена (в сборниках П.В.Долгорукова⁹, А.В.Лобанова-Рос-

товского¹⁰ и др.), впоследствии использовалась общая нумерация мужских и женских имен (ее сторонником был Л.М.Савелов¹¹) или параллельная (в сборниках Г.А.Власьева¹², С.С.Татищева¹³). Кроме этого, рядом с каждым именем того или иного представителя рода имелись цифровые отсылки к имени отца. Таким образом, в поколенной росписи дается ясное представление о структуре рода в целом и месте в нем каждого представителя. Метод родословной — это главный метод генеалогического исследования. Наряду с ним существует другой — метод родословных записей (или: словаря, указателя) известный по трудам М.Г.Спиридова¹⁴, Л.М.Савелова¹⁵, архивному собранию С.Б.Веселовского¹⁶. Он отличается от метода родословной тем, что содержит отдельные разрозненные (иногда — предположительные) сведения о лицах и родословных связях, которые систематизированы по фамилиям. Записи составлялись по первоисточникам и предназначались для дополнения уже существующих родословных или составления новых. Большое значение этого метода особенно ярко прослеживается на примерах из трудов С.Б.Веселовского: проверка, уточнение, дополнение уже существующих родословных, а также составление новых стали возможны благодаря родословным записям, которые делались исследователем в основном по писцовым книгам и актам.

Генеалогические методы не есть нечто неподвижное, застывшее. Они постоянно развиваются, но, к сожалению, в истории отечественной генеалогии их развитие было на долгие годы прервано. Поэтому ряд достижений в этой области лучше всего проследить на примерах из французской генеалогии, подробно рассмотренных и проанализированных в статье Н.А.Соболевой¹⁷. В советской же исторической науке имеются лишь отдельные работы, в которых использованы новые для отечественной генеалогии приемы. К их числу можно отнести родословные, составленные М.М.Громько, где применяется нумерация Абовилля¹⁸ (об этой нумерации см. указанную выше статью Н.А.Соболевой); родословные дела из собрания московского генеалoga Ю.Б.Шмарова — аналоги родословных досье из фран-

цузской генеалогии.

Методы составления родословных (именно составления, а не изучения) не так просты и элементарны, как это может показаться на первый взгляд. Разнообразие родословных по типу, виду и составу говорит, что это по-своему сложный вопрос. Так, родословные делятся по типу на нисходящие и восходящие; по виду - на древа, таблицы¹⁹ (степенные, поколенные росписи и др.), различные схемы²⁰ (вертикальные, горизонтальные, круговые), очерки (очерки - это текстовые родословные, см. примеры в 4-м томе сборника П.В. Долгорукова; не путать родословные очерки с историческими очерками-исследованиями по тому или иному роду, пример - труды С.Б. Веселовского). По составу родословные делятся на мужские или смешанные; родословные, где потомство представлено по женским линиям, используются крайне редко. Родословные могут быть глухие, которые состоят из одних имен и предназначены в большинстве случаев для краткой иллюстрации текстового материала, и развернутые - с определенным набором биографических сведений о лицах и ссылками на источники относительно каждого факта.

На истории развернутых родословных следует остановиться подробнее. Известно, что степенные росписи были абсолютно глухие. (Редчайшие исключения в счет не идут). Введение биографических фактов в состав родословных шло постепенно. В сборниках П.В. Долгорукова имеются отдельные биографические справки, но в основном по отношению к наиболее известным лицам. В более поздних изданиях они становятся обязательным элементом родословных, без которого невозможна надежная идентификация имен. Значение этого элемента усиливается в связи с тем, что нередко традиция повторения одних и тех же имен в роду. Например, в роду Голицыных имя Михаил носили 39 человек, а Михаил Михайлович - 10 человек; Николай Михайлович - 7; Борис Васильевич - 7; Екатерина Михайловна - 6; Мария Сергеевна - 5 и т.д.²¹. Состав биографических сведений в опубликованных справочниках определялся примерно так: дата и место рождения, чины, звания,

должности, награды, землевладения, дата и место смерти (или захоронения).

Сложнее обстояло дело со ссылками на источники. В кон. XIX в. стала очевидной их необходимость, когда выявились многочисленные ошибки в справочниках. Ошибки происходили из-за использования подложных или недостоверных источников, из-за путаницы при переписывании родословных, при использовании устных источников с их нередкой неточностью.

Вначале генеалоги сообщали в предисловии примерный круг использованных ими источников (П.В.Долгоруков в изд. "Российский родословный сборник", А.Б.Добанов-Ростовский, В.В.Руммель и В.В.Голубцов), затем стали даваться ссылки на конкретные источники тех или иных сведений рядом с каждым именем (см родословные Г.А.Власьева, С.С.Татищева). Но последнее исключительно трудоемко и требует особой кропотливости, т.к. приходится многократно повторять названия одних и тех же источников; резко возрастает объем родословной, поскольку сведения об одном лице могут быть почерпнуты из множества источников. Тем не менее ссылки были необходимы. Это показал весь опыт работы с источниками. Не случайно, В.В.Руммель и Г.А.Власьев планировали переиздание трудов П.В.Долгорукова именно с целью снабдить все сведения сборника ссылками на конкретные источники, но В.В.Руммель, к сожалению, не смог осуществить свое намерение²², а работа Г.А.Власьева вылилась в новый самостоятельный труд²³. О необходимости ссылок не раз писал Л.М.Савелов²⁴.

Даже краткое рассмотрение истории развития методики составления родословных показывает, что все это — предмет специального исследования, в котором наряду с общими обязательными правилами имеется много частных и возможностей многовариантных решений. Тот или иной тип или вид родословных может быть использован в зависимости от цели исследования и выбор его должен быть обоснован. Например, схема дает наглядное представление о структуре рода, а поколенная

роспись употребляется в тех случаях, когда необходимо дать максимум сведений о каждом члене рода. Существуют другие разнообразные приемы составления родословных, например, только по прямым линиям родства (прямые потомки), разные типы нумерации (в дополнение к вышеупомянутым – Соса-Страдонитца²⁵), различные правила составления таблиц и начертания схем и условных обозначений в них и т.д. Созданные пособия по методике составления родословных – назревшая научная задача. "Лекции" Л.М.Савелова давно устарели, несмотря на то, что раздел, посвященный методике, является одним из лучших, а недавно вышедшее пособие по вспомогательным историческим дисциплинам содержит явно недостаточный материал по этому вопросу²⁶.

Отсутствие преподавания генеалогии в большинстве вузов привело к тому, что многие исследователи не могут составить элементарные схемы или поколенные росписи. Например, историки-архивисты составляют родословные в процессе работы с личными фондами. В ЦГАДА родословные составляются в процессе описания и включаются в состав исторических справок, которые хранятся в делах фондов. Родословная в деле фонда Гудовичей говорит о неумении начертить схему; в родословных Голицыных и Гагариных рядом с каждым именем дается отчество и фамилия, что не принято в генеалогии; нет минимуму биографических сведений и совершенно отсутствуют ссылки на источники.

В практике архивохранилищ имеются случаи неверного определения видов родословных. Например, "Родословное древо гр.Каменских", как это значится в описи фонда, хранящегося в ОР ГБЛ, представляет собой не древо, а черновые записи о нескольких представителях этого рода²⁷. Родословное древо – это один из наиболее древних видов родословных, имеющий "действительно форму дерева со стволом, ветвями, листьями и плодами..."²⁸ Древа были распространены в Западной Европе и совсем мало – в России. Они являются нередко памятниками изобразительного искусства.

При составлении родословного сборника ЦГАЛИ сотрудни-

ками этого хранилища делаются многочисленные повторения (например, имя и отчество человека, вступавшего несколько раз в брак, повторяется полностью при именах всех его супругов). Родословные большей частью глухие, без биографий и ссылок на источники.

В целом, если определить научный уровень методике составления родословных в упомянутых хранилищах в 1960-1980-е гг., то он соответствует сер. XIX в. Достижения генеалогии последующего времени остаются для историков-архивистов малоизвестными. В МГИИИ эта дисциплина не преподается, не упоминается она в статье, посвященной преподаванию исторических дисциплин в МГУ²⁹. Отчасти это является следствием традиционного определения генеалогии. Что предлагалось изучать? Историю людей? Каких? Отдельные знаменитые роды? Или в пределах какого-то географического региона?

Совсем по-иному выглядит возможность преподавания генеалогии в методическом русле, т.е., необходимо учить будущих исследователей методам составления родословных.

Применение этих методов достаточно широко. Оно выходит за рамки исторической науки, но даже в ее пределах, например, схемы соотношения списков в текстологии – это тоже родословные схемы, объясняющие родственные связи списков. Неслучайно возникли такие определения, как "летописное генеалогическое древо"³⁰, "летописная генеалогия"³¹, "генеалогическая связь источников"³². В данном случае понятно, что не о генеалогии – "истории семей" идет речь, а о методе, но это подразумевалось без связи с традиционным определением науки.

Методическая суть генеалогии отмечена Л.В.Черепным. Хотя речь в его исследовании идет о "древе" летописания, созданном А.А.Шахматовым, значение указанной связи представляется более широким. "Я бы сравнил (конечно, учитывая всю условность такого сопоставления) шахматовское "генеалогическое древо" с "абстрактным формуляром", о котором говорит в своих "Очерках русской дипломатики" Каптанов (...)

А в целом (если ставить вопрос в чисто источниковедческом плане) и абстрактный формуляр, и летописное генеалогическое древо" - это средство познания исторической действительности, но еще не сама действительность"³³.

Обобщая имеющиеся данные можно сделать вывод, что вся генеалогия в целом - это также средство познания одной из сторон истории; ее предметом являются методы изучения родственных связей, а главным методом - родословная. При помощи генеалогических методов можно привести в систему сведения о родах и родственных связях, обеспечить, таким образом их исчерпывающее и упорядоченное использование. Отсюда вытекает основная задача генеалогии, которая заключается в выработке наиболее эффективных путей составления родословных и подготовки справочников.

Но давая определение генеалогии как метода изучения родственных связей, не следует его абсолютно противопоставлять традиционным определениям. Генеалогия, как всякая наука, может быть представлена в узком и широком планах, и во втором случае она есть "история семей, родов..." (см. все вышеприведенные определения). Но при определении науки в узком плане надо исходить из ее сути, ядра, того, что составляет ее специфику и отличает от других наук. "История семей, родов" - это есть все-таки история, историческое исследование, опирающееся на изучение определенных источников с анализом последних разнообразными методами (палеографическим, хронологическим, текстологическим и т.д.), т.е. всякое конкретное генеалогическое исследование каких-то родов лежит на стыке истории, источниковедения и собственно генеалогии.

1 Соболева Н.А. О тенденциях развития специальных исторических дисциплин. Историографический обзор за 1964-1978 гг. - ИОИ. М., 1980. С. 222.

2 Различные мнения по вопросу определения дисциплин рассмотрены в статье: Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. - ИОИ, М., 1973, вып. I.

- 3 Бичкова М.Е. Генеалогия в советской исторической литературе. - ВИД, Л., 1976, вып. УП. С. 44-47.
- 4 /Строев П.М./ Ключ к "Истории государства Российского" Н.М.Карамзина. М., 1836, ч. I, с.У.
- 5 Там же, ч. П. С. 299.
- 6 Там же.
- 7 Долгоруков П.В. Российский родословный сборник. СПб., 1840-1841, Кн. I-4.
- 8 Степенные росписи - представляют собой перечень мужских имен представителей рода с указанием степени родства без четкого разделения по ветвям и поколениям. В качестве примера можно привести фрагмент степенной росписи Квашниных "А от другова сына от Ивана от Ильи дети: Иван, да Петр, да Василий Рубец, да Михайло, бездетен, да Григорей, бездетен. А у Ивана у Ильина был сын Фома. А Фомины дети: Василий, да Григорей, да Иван, да Андрей...". Особая трудность работы с подобными родословными происходит из-за повторения одинаковых имен, что приводит к путанице лиц разных ветвей, поколений. В виде степенных росписей представлены все родословные книги XVI - XVII вв., часть работ М.Г.Спиридова и некоторых других составителей родословных конца XVIII - начала XIX вв. С середины XIX в. степенные росписи перестают употребляться в генеалогической практике.
- 9 Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854-1857, ч. I-4.
- 10 Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. I-2.
- 11 Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. Первое полугодие. М., 1908. С. 26.
- 12 Власьев Г.А. Потомство Рюрика. СПб. - Лг., 1906-1918, т. I-2.
- 13 Татищев С.С. Род Татищевых. СПб., 1900.
- 14 Спиридов М.Г. Родословный российский словарь. М., 1793. Ч. I.
- 15 Савелов Л.М. Родословные записи. СПб., 1906-1909, вып. I-3.
- 16 К сожалению, в архиве АН СССР архивная систематизация фонда С.Б.Веселовского не вполне соответствует первоначальной структуре собрания. Единицы хранения с родословными записями разобцены. Часть из них, с фамилиями на А-Г, Е-Л, П хранится параллельно с поколениями росписями на эти буквы; другие - с фамилиями на Д, М-О, Р-Я выделены в самостоятельную ед. хр. № 39. Подробнее о родословных записях, хранящихся в собрании С.Б.Веселовского, см.: Рыкова О.В. Генеалогия и фонды личного происхождения (Развитие отечественной практической генеалогии). Дисс. канд. ист. наук. М., 1985. С. 44-47, 65-67 (машинопись).
- 17 См.: Соболева Н.А. Некоторые аспекты методики генеало-

- гических исследований в современной французской литературе. - В кн.: История и генеалогия. М., 1977.
- 18 Громько М.М. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири. - В кн.: История и генеалогия. М., 1977. С. 197-236.
- 19 Традиционные поколенные росписи являются разновидностью таблиц. См. определение таблиц, данное в "Словаре современного русского литературного языка" (М.-Л. 1963, т. 15. Ст. 13-14): "Таблица - перечень сведений, цифровых данных, расположенных в определенном порядке по графам".
- 20 В отличие от таблицы, схема - это "чертеж, изображающий в общих чертах систему, устройство чего-либо или взаимоотношений частей чего-либо". См.: там же, т. 14. Ст. 1272-1273.
- 21 Сведения взяты из "дела" фонда Голицыных: ЦГАДА, ф. № 1263 ("Историческая справка и рабочий план..."), С. 98-100.
- 22 ЦГАОР, ф. 728, оп. I, д. 3140 (Письмо В.В. Руммеля к А.Б. Лобанову-Ростовскому от 10.03.1887 г.).
- 23 Власьев Г.А. Указ. соч.
- 24 Савелов Л.М. Лекции... Первое полугодие. С. 26; Он же. Родословные записи. СПб., 1906. Вып. 2. С. 4.
- 25 Соболева Н.А. Указ. соч. С. 276-278.
- 26 Ксбрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984, С. 181-182.
- 27 ОР ГБЛ, ф. 730, карт. I, д. 51 (Опись).
- 28 Савелов Л.М. Лекции... Первое полугодие. С. 25.
- 29 Воронкова С.В., Муравьев А.В. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в системе вузовского преподавания (Из опыта кафедр отечественной истории исторического факультета МГУ. - ИСССР, 1981, № 4. С. 85-96.
- 30 Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 58.
- 31 Там же. С. 59.
- 32 Шепелев Л.Е. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: К вопросу о их задачах и роли в историческом исследовании - ВИД, Л., 1982, вып. XII. С. 7.
- 33 Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 59-60.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Исследования по источниковедению истории СССР в трудах В.И.Буганова	3
Н.М.Рогожин. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV - начала XVIII в.	22
А.И.Плигузов. Кормчая Вассиана Патрикеева.....	31
А.Л.Станиславский. Рассказ белозерского крестьянина об убийстве помещика в начале XVIII века,	50
М.П.Лукичев, Окладные и "земляные" жигалевские описки первой четверти XVIII в.	53
В.Н.Козляков. Десятни, "смыкные" и "подлинные" списки городских служилых корпораций Верхнего Поволжья первой половины XVIII века.	65
О.В.Новохатко. К изданию и изучению записных разрядных книг XVIII в.	87
А.П.Богданов. Хронографец конца XVIII века о Московском восстании 1682 года.	101
А.Б.Каменский. Две новгородские надписи из "Портфелей Г.Ф. Миллера.	109
А.Н.Медушевский. Землевладельческий вопрос в материалах Уложенных комиссий XVIII в.	114
Б.Э.Боваев. Письменные повествовательные источники XVIII - начала XIX вв. по истории Калмыкии.	127
В.П.Козлов. "История государства Российского" Н.М.Карамзина как историко-культурный факт.	146
Д.В.Карев. Виленский университет - центр археографических исследований Литвы и Белоруссии первой трети XIX века.	151
Н.П.Востокова. Источники по истории реформы 1866 г. в государственной деревне.	162
Т.И.Волкова. Местная подцензурная печать как источник по истории рабочего движения 1905-1907 гг. (по материалам Ярославской губернии).....	188
О.В.Петрова. О развитии генеалогической методик..	201

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Подп. в печ. 25.II.88. А-13604. Ф-т 60x84/16. Тир. 300 экз.
13,25 п.л. 10,8 уч.-изд.л. Цена 70 коп. Заказ № 106

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19